Summer Harbour

VI

علیشیر نوائی
НАВОИЙ
525
ALISHER

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

АЛИШЕР НАВОИ

СОЧИНЕНИЯ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФАН" УЗБЕКСКОЙ ССР

Алишер Навои

СЕМЬ ПЛАНЕТ

VI

Перевод
Семена Липкина

ТАШКЕНТ · 1968

(Узб) 1
Н 15

Редколлегия

В. А. Абдуллаев, С. А. Азимов, М. Т. Айбек, В. В. Державин, В. Ю. Захидов, Х. Т. Зарипов, С. Н. Иванов, А. П. Каюмов, С. И. Липкин, И. М. Муминов, Л. М. Пеньковский, Х. С. Сулейманов, Н. С. Тихонов, А. Х. Хайитметов, К. Н. Яшен

Издание подготовлено к печати Музеем литературы им. Алишера Навои и Институтом языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР

Редактор тома *М. Ю. Юнусов*

Оформление Народного художника Узбекской ССР *И. И. Икрамова* и *П. Д. Воронкина*

7-4-3

Подп. изд.

ВСТУПЛЕНИЯ К ПОЭМЕ

1

Похвала слову

Задолго до начала бытия,
Когда земля не знала бытия,

Грядущей жизни чистую тетрадь
Художник пожелал разрисовать.

Внизу он создал прах, одетый в лес,
Вверху изобразил он семь небес,

Одно из них он залил синевой
И поместил над нашей головой.

Тогда-то всякая возникла тварь,
Все то, что будет впредь и было встарь.

Тогда-то и возникло слово «бысть»[1];
Картины мира написала кисть,

Листы украсив тонкостью такой:
Дар слова получил язык людской.

Чтобы величье слова описать,
Нам коротко достаточно сказать,

Что слово — до всего сотворено,
Творению предшествует оно.

Оно — основа жизни и венец,
Оно — начало жизни и конец.

Кого бы в изумленье не привел
Пожар и смуту сеющий глагол?

Откройся тайна слова муравью,—
И он бы силу показал свою.

Тем от животных мы отличены,
Что к тайне слова мы приобщены.

Со словом кто б соперничать желал?
С ним рядом горек мед и бледен лал.

В нем прелесть есть особая для нас:
Его красивый блеск сокрыт от глаз.

Хотя пленяет нас его наряд,
Хотя одежды золотом горят,

Хотя извне блистательно оно,
Снаружи обаятельно оно,—

Его краса заключена внутри:
Она зовется мыслью. Посмотри:

Воистину красавица она,
Но без одежд не явится она.

В словесной келье мысль нашла приют,
И смертные с трудом распознают,

В чем содержанье мысли: ведь она
От мира в келье слов утаена!

Пусть некто, совершенством знаменит,
Из этой кельи мысль освободит,—

Покинуть должен на нее покров,
Представит он ее в одежде слов.

Пока томится слово взаперти,
Не может мысль нам пользу принести,

Но мысль пленяет, вдохновляет нас,
В словесный облаченная атлас.

Телесный покидая свой чертог,
Жилища сердца преступив порог,

Пройдя ущелье горла до конца,
В такую смуту приведет сердца,

Что, мысли постигая красоту,
Весь мир поверженен будет в немоту.

Деревья слов растут в садах души,
Плоды на тех деревьях хороши.

Людскую плоть мы садом назовем,
Людскую речь — певучим соловьем.

Когда исчезнет слово-чудодей,
Останется без песни соловей.

О господи, взгляни на свой цветник,
Ты сделал соловьем людской язык,

Ты нашу речь, о боже, пожалей,
Пусть песенным пребудет соловей!

Но соловей скорбящего певца
Стократ достоин милости творца:

Он, словно сад, лелеет мысль свою,—
Дай листья саду, песню — соловью!

Пусть зашумит словесный сад листвой,
Пусть грянет звонко соловей живой,

Пусть пенье громогласного певца
И вдохновит и опалит сердца.

Пусть сад растет, не ведая границ,
Пусть не смолкают в нем напевы птиц.

Пусть сад цветет, исполненный щедрот,
Пусть песню соловья поймет народ!

2

О преимуществе поэзии перед прозой; о том, что автор этой поэмы — лишь капля в море и пылинка на солнце в сравнении с прекрасноречивым Низами и индийским колдуном Хосровом

Мы сравниваем душу с цветником,
Где слово нежным веет ветерком;

Вернее, слово — жемчуга зерно,
Что было в море сердца рождено.

Слова-монеты блещут серебром:
Блестящие от стертых отберем.

В словесности достигший мастерства
На два отдела разделил слова:

Рассыпанные — прозой мы зовем,
Нанизанные — нарекли стихом.

Для истинных понятно знатоков,
Что выше и трудней ступень стихов.

Слова-жемчужины пленяют взгляд.
Они и сами по себе блестят,

Но выше мы должны их оценить,
Когда слова нанизаны на нить.

Оманский жемчуг радует глаза,
Когда блистает рядом бирюза.

Когда слова нанижет ювелир,
Их стройной красоте дивится мир.

Пусть камни, восхищая нас игрой,
Сыпучею возвысятся горой,—

Бесспорно, ими восхитится глаз,
Но не пленят порядком стройным нас.

Различны их величина и цвет,
И внутренней меж ними связи нет.

Пусть превозносят прозу до небес,—
Поэзии бесспорен перевес.

Нанизанная речь звучит сильней,
Но разновидностей немало в ней.

Не скрою к ним я искренней любви,
Однако всех прекрасней — месневи [2].

Не названы другие? Не беда:
Назвать их может каждый без труда.

В них стройность мы найдем и красоту,
Но все же месневи я предпочту:

Площадка двух срифмованных стихов —
Просторное ристалище для слов.

Придя туда, соперники-певцы
Покажут нам искусства образцы.

Один из седоков проворней всех.
Ну что ж? Благословим его успех!

Погнав коня, пусть он летит на нем,
С небесным соревнуется конем.

Свою отвагу пусть прославит он,
Своим човганом [3] пусть поставит он

Клеймо победы на щеке небес,
Коню небес скача наперерез.

Один певец, властитель дивных чар,
Угнал на этом состязанье шар [4].

В руинах мира для людей Гянджи
Открыл он щедрый клад своей души.

Когда страницы, полные добра,
Исчерчивал он кончиком пера,

То кончик расщеплялся: так сладка
Была гянджинца тонкая строка.

Он сахар — не слова — пером дарил,
Он мускус изливал взамен чернил.

Страницы, мыслями услаждены,
То сахара, то мускуса полны.

Для сердца сахарная хороша,
А мускусной пленяется душа.

Весь Индостан, Китай пройди ты весь,—
В тех странах неизвестна эта смесь.

И мускус он и сахар сочетал,
Чернилами он сахар пропитал

И сажу влажным мускусом смочил,—
Нигде подобных не найдешь чернил.

Как жизни нить, тонки слова его,
В них жизни постигаешь естество.

В его стихах — души высокий строй,
Его чернила — из воды живой.

Чернильницей владеет чародей:
Она — источник жизни для людей.

О нет, она — то самое русло,
Что воду жизни Хызру [5] принесло.

Кто из певцов сравнится с Низами?
Могуча «Пятерица» Низами!

Не пять поэм — пять кладов пред людьми,
Второй Карун [6], рассыпал Низами!

Кто взвешивает жемчуг, тот найти
Сто тысяч кладов может в тех пяти,

Где каждый жемчуг,— нет ему цены,—
Краса короны, подать всей страны!

Владеет жемчугами тот певец,
На чьей главе — поэзии венец.

Как быстро путь стихов прошел поэт:
Так катится по шелку самоцвет!

Никто вослед не шел: один Хосров [7]
Последовал за ним тропой стихов.

Нет, колдуном Хосрова назови:
В рабов своих волшебных месневи

Сын Индостана превратил людей.
Не говори: «индус», скажи: «злодей»,

Пьянящей чарой назови его,
Нет, божьей карой назови его!

Пером, как пламя, обжигал он мир,
Огонь стихами низвергал он в мир.

Он сам — огонь, он — храм огня любви,
Нет, саламандрой ты его зови! [8]

Мы уподобим небу каждый стих,
А мысли — звездам в небесах ночных.

Стихов его страницу мы сравним
С прекрасным мирозданьем,— но с каким?

Свет разума живого — стих его,
Дух мысли в теле слова — стих его.

Миры — чертоги ночи — он воздвиг.
Нет! Что бы прежний зодчий [9] ни воздвиг,—

Всю прелесть первозданную дворцов
Украсил позолотою Хосров.

Тот — нам раскрыл иремских роз красу [9],
А этот — пролил на цветы росу.

Привел нам тот, чья родина — Гянджа,
Красавицу, что так была свежа,—

Индус, преемник Низами прямой,
Натер ее румянами, басмой.

Тот — нам красавиц скромных показал,
А этот — их привел без покрывал.

Но так второй на первого похож,
Что близнецами ты певцов сочтешь.

Еще один искусный был писец,
Ума и тонкой мысли образец,

Но как ни изощрял он хитрый слог,
Тягаться с прежними двумя не мог.

Все, что сумел, осуществил Ашраф [10],
Пределы дара своего познав.

Пожалуй, был не очень он хорош,
Но в нем дурное тоже не найдешь.

Я сделался безумным и больным,
Несбыточным желаньем одержим;

Хотя не в силах я дойти к ключу,
Я выпить море целое хочу;

Я даже горсти праха не сберег,
А вот мечтаю возвести чертог;

Я слабостью тростинки наделен,
А думаю о кладе, как дракон.

Чтобы, попав меж этими двумя,
Сомнениями душу не томя,

С их словом я бы мог свое равнять,—
Вернее, заменять иль изменять,

Из Хорасана войско повести,
Все сокрушая на своем пути,

Чтоб войска звучный и согласный шум
Поверг в смятенье Индостан и Рум [11],

Чтоб видел мир: стократ же я сильней,
И кесаря и раджи я сильней!..

Не похвальба ли этот разговор?
Да нет, не похвальба, а сущий вздор!

Друг против друга на доске стоят
И белых крепкий ряд и черных ряд [12].

Что делать пешке на такой доске?
Бессильная, замечется в тоске,

Но тщетно все: борьбой разъярены,
Ее затопчут кони и слоны.

У белых, у румийцев, конь силен,
У черных, у индусов, страшен слон.

Но пешка — нет, презренный муравей,—
Быть может, ощутит еще живей,

Повержена воителями в прах,
Свою беспомощность, постыдный страх

И силу, возвышения оплот,
В уничиженье муравей найдет.

Познает он бессмертные слова,
Он устрашит рыкающего льва,

Бессильный, обретет он талисман,
Всесильным станет он, как Сулейман [13].

И, может быть, ничтожный Навои
Осуществит желания свои.

3

Автор объясняет причину разбивки семи садов и постройки семи дворцов; внося различные перемены, улучшает план садов и увеличивает пленительность дворцов; приносит извинения за дерзость и обращается с просьбой о прощении за смелость

Когда ночное небо, сей фигляр,
Нам показало свой коварный дар,

Оно в морскую превратилось гладь
И раковины стало набирать:

Так звездами зажегся небосклон,
По цвету каждая — хамелеон,

Таится в каждой сто различных чар,
А небо, удивительный фигляр,

То живит под завесою звезду,
То спрячет у Вселенной на виду,

Одну — счастливой делает звездой,
Зловещий облик придает другой.

Но, впрочем, не скажу, что так уж плох
Играющий в ракушки скоморох,—

Вернее, кукольник и лицедей,
Что забавляет куклами людей.

Сто тысяч звезд пленяют нас игрой —
Жасминоликих кукол светлый рой.

Нет, сотни тысяч среброгрудых дев
Прельщают, соблазняют, заблестев.

Как часто я их прелесть узнавал
Под блеском сребротканных покрывал!

Их прелесть мне отвагу придает,
Моя мечта пускается в полет.

На крыльях изумления летя,
Беспомощный и слабый, как дитя,

Стремился я постичь движенье звезд,—
Нет, не далось мне постиженье звезд!

Ошеломлен, подавлен, потрясен,
Я вдруг замолк: явился тихий сон,

Во тьму он сердца погрузил дворец.
Тогда, воображения творец,

Мою тоску художник превозмог:
Он светлой мысли расписал чертог.

Увидел я чудесный, тихий дол.
Кругом я всю равнину обошел.

На ней, небесный мне напомнив кров,
Семь возвышалось дивных куполов.

Вращались непрестанно купола,
У всех окраска разная была [14].

Под каждым куполом имелся храм
Семь человек расхаживали там,

Семь обладателей таких примет:
По куполам подобран был их цвет.

Был первый черен с головы до ног:
Таким же черным был его чертог.

Из золота одежда — на втором,
Он златоцветным тешился вином.

Был третий яркой зеленью покрыт,
Одежда — изумруд, лик — хризолит.

Четвертый красным зданием владел,
Одежду цвета розы он надел.

Был пятый в одеянье голубом,
И обитал он в зданье голубом.

Шестой, благоухая, как сандал,
Сандаловым чертогом обладал.

В чертоге белом пребывал седьмой,
Камфарною сверкая белизной.

В неделю было каждому дано
В один из дней плясать и пить вин

Одной планеты каждый был царем
Владел ее людьми, ее добром.

Всех семерых царей я посетил,
У каждого по дню я прогостил,

И мне любой мне оказав прием,
Мне каждый повесть рассказал о том,

Что на своей планете видел сам.
Неслыханным внимал я чудесам.

Был каждый поразителен рассказ,
Глубокий, дивный смысл меня потряс.

Так были все рассказы хороши,
Что я занес их на листы души.

Всю душу заполнил я дневник,
Явился Хызра вещего двойник.

«О путник, обходящий небеса,—
Сказал он мне,— ты слышал голоса

Семи людей, властителей планет,
Но сущность их постиг ты или нет?

Ты очевидцем тех диковин был,
Но взор твой вправду ли духовен был?

Из чистых уст невиданных людей
Запомнил ты семь чудных повестей,

Но ясен ли тебе их семицвет?
Ты сущность понял ли семи планет?»

Дивясь прекрасной старости его,
Остерегаясь ярости его,

Ответил на вопрос я мудреца:
«О ты, кто светом своего лица

Нам перворазума являет суть!
Я по чужбине совершаю путь.

Есть мудрость: «Чужестранец — как слепой».
Я, как слепой, стою перед тобой:

Я ничего не понял из того,
Что видел я. От взора моего

Сокрыто назначенье тех семи.
Прошу: завесу тайны подними».

А он: «Раскрытье тайны — твой удел.
Высок необычайный твой удел.

Отрада есть в известиях моих:
Небесный свод в созвездиях своих

Счастливую нашел тебе звезду.
Узнай: причастный высшему труду,

Хранитель слов стоял настороже
И пять сокровищ сотворил в Гяндже.

Тогда, решив пленить и слух и вкус,
Сокровищ столько же сложил индус.

Хотя и совпадает их число,
Хотя сверкает каждый стих светло,

Но для сравненья прежние возьми,—
Окажется богаче Низами.

И ты, их славословящий в трудах,
Добыл два-три сокровища в трудах.

Узнай: настало время для пера,
Четвертой книги пробила пора [15].

Четвертый жемчуг светит впереди,—
И ты его в порядок приведи.

Ты сочини могучие слова,
Соедини четыре вещества,

Приверженцами сделай всех людей,
Четвертой частью мира завладей.

Мы шлем «Семь красавиц» [16], а Хосров
Явил нам «Восемь райских цветников» [17].

Ты, обойдя равнинные пути,
Напротив них обязан возвести

Семь зданий, семь искусных крепостей!
Услышал ты семь дивных повестей,—

В них заключается благая весть.
Всем сердцем эту постигая весть,

Ты вновь обязан изложить,
Благополучье неба заслужить.

Ты видел семь чудесных куполов:
То были семь небесных куполов.

Ты семь царей под ними посетил:
То были семь сверкающих светил.

Воздвигни для поэмы семь столпов:
Воздвигни разноцветных семь дворцов.

В семи дворцах, житейских бурь вдали,
Семь разноцветных гурий посели.

Семь повестей стихами оживи —
Пусть люди обретут слова любви,

Источник жизни дивный обретут,
Веселья клич призывный обретут,

Жемчужины для слуха обретут,
Успокоенье духа обретут!

Блеснуть своих рассказчиков заставь,—
Ты превратишь неведомое в явь,

Их сказки ты в сказанья превратишь,
И в трудном состязанье победишь!»

Я выслушал святого старца речь,
Я в памяти сумел ее сберечь,

Но позабыл я толкованье сна,
Когда проснулся в обаянье сна.

Внезапным беспокойством одержим,
Нет, разума расстройством одержим,

Я жаловался: «Жребий мой суров.
Где совершенный толкователь снов?»

Премудрого нашел я наконец,
Мне тайну сна растолковал мудрец,

И слово в слово изложил он мне
Все, что от старца я узнал во сне.

Доволен совпадением таким,
Утешен сновидением благим,

Я обратился к светлому труду
В надежде, что к победе я приду,

Что поведет меня предвечный бог
Труднейшей, но вернейшей из дорог.

Хотя немало отговорок мне
Пришлось тогда услышать,— дорог мне

Был новый труд, завещанный творцом.
Благоговея перед образцом,

Приемля вдохновенья благодать,
Решил я осторожность соблюдать.

Те, что водили ранее пером —
Умения, старания пером,—

Так расписали все страницы книг,
Что книги засверкали, как цветник.

Я их с постройкой каменной сравню,
С китайской, яркой храминой сравню!

И в наши дни их ценят глубину,
Им похвалу сказать я не дерзну.

Вселенную, раскрыв свои ларцы,
Алмазами осыпали певцы.

То не ларцы, то море, то рудник,
Обильные жемчужинами книг!

Даритель, став источником щедрот,
Жемчужины без счета раздает,

Но так раздать, чтоб равное число
Досталось всем, я знаю, тяжело.

Из тьмы ли поливальщиков садов,
Кто розовую воду лить готов?

Тот мастер, что искусством знаменит,
Не зная страха, жемчуг просверлит,

И что ж? Испортит жемчуг дорогой
Умелою, но дерзкою рукой.

Кто слишком горд и слишком знаменит,
Тот в промахе себя не обвинит.

Но тот, кто к громкой славе не привык,
Опасливый и скромный ученик,

Благоговея пред своим трудом,
Начнет работу в трепете святом,

Прилежно постигая ремесло,
Он сократит оплошностей число.

Те двое, о которых шли слова,
Явили нам вершины мастерства,

Явили ткань прошедшего они,
Но ткали опрометчиво они.

Я не скажу: неровны их стихи,
Нет, их грехи — невольные грехи,

Затем что их пленительный рассказ
Украшен ими тысячью прикрас.

Те двое — чародеи, колдуны,
Поэмы их на радость нам даны;

Они чуждались промахов, творя
Сказанья, что сияют, как заря.

Но я ошибки нахожу у них [18].
Послушаешь — я расскажу о них.

Вот первая: в поэме нет любви,
Ее не озаряет свет любви,

Страдания любви ей далеки!
А на того, кто, жизни вопреки,

Не следует велению любви,
Не ведает горения любви,—

Мы не глядим, по правде говоря,
Пусть даже он сияет, как заря!

Они старались летопись вести?
Но в летописи рифмы не в чести!

Когда созвучья ищешь слову ты,
Любовь клади в его основу ты,

Чтобы сердечной глубины достиг
Огнем любви воспламененный стих:

Иначе станет вымысел грехом,
Безвкусным и растянутым стихом.

Но истиною обернется ложь,
Когда стихи любовью ты зажжешь:

Тому, кто ей послушен,— помоги,
Того, кто равнодушен,— подожги!

Второй упрек: в поэмах этих двух
Противоречья режут тонкий слух.

Для наслаждения, по их словам,
Велел построить семь дворцов Бахрам,

Привел царевен всех семи планет —
Подобной красоты не видел свет.

Он с каждой пребывал в один из дней
Для утоленья похоти своей.

Но странно, что, приверженный к вину,
Склоняясь, в опьянении, ко сну,

От каждой луноликой, чтоб заснуть,
Он сказки ожидал какой-нибудь.

Ужели это им на ум пришло,—
Сказительницы выбрать ремесло?

Так делают не дочери царей,
А дочери сказителей скорей!

Кто пьет все дни и ночи напролет,
Кто, вечно пьян, из полных кубков пьет,

Живет, не зная никаких забот,—
Ужели тот без сказок не заснет?

А не заснет он, как бы ни был пьян,
В сказительниц — на то и разум дан —

Не превратит царевен властелин:
Он позовет сказителей-мужчин.

Приказывать не станет он вовек
Царевнам юным, созданным для нег,

Прославленным в святилище любви,
Превознесенным в сотнях месневи,

Чьи очи, томной дремою полны,
От стольких тысяч глаз прогнали сны,

Чьи губы ярче яркого вина,
Вернее, жарче жаркого вина:

«Красавицы! Хочу послушать вас,
Без отговорок вы должны сейчас

Мне сказку рассказать: пришла пора.
Вы, бодрствуя, томитесь до утра,

А я, поев и насладясь вином,
Забудусь тихим, безмятежным сном».

Где слыхано, чтоб умный человек
К такому принуждению прибег?

«Пусть было так»,— я допущу на миг,
Другое дело ставит нас в тупик:

Не знаю, как пришло на ум певцам,
Единственным в их время двум певцам,

Чья слава так безмерно широка,—
Подобного прославить дурака,

Ему слова почета вознести,
Хваления без счета вознести,

Поставить между лучшими его,
Воспеть стихов созвучьями его.

Труд посвятив сокровищам пяти,
Одно из них — ему преподнести...

Что за сокровища! О боже сил,
Мучительный восторг нас охватил!

Пред блеском их таинственным стоим,
Признательны единственным — двоим.

Но пусть вовек не смолкнет им хвала,—
К небрежности их гордость привела.

Незряч самоуверенный певец:
Не видит упущения слепец.

Я — робкий подмастерье, без заслуг.
Неискушен, неопытен мой слух.

Как я боюсь в приемах согрешить,
Страшусь невольный промах совершить!

Мне осторожность потому нужна,
Что каждая ошибка мне страшна.

Понять хочу я слово, как знаток,
Постичь его основу и уток,

И за успех я должное воздам
Своим наставникам-учителям.

К чудесной сказке страстью заболев,
Верней, влюбившись в сладостный напев,

Желая осторожность соблюсти,
Я измененья должен был внести:

Во имя осторожности такой
Я не нашел возможности другой.

Тот, кто прочтет, увидит все равно,
Что именно и где изменено:

Об этом говорить излишне мне.
Я слаб; о, помоги, всевышний, мне:

Для муравья бессильного трудна
Работа исполинского слона.

Велик мой труд, а я безмерно мал.
Для солнечной свечи отлить шандал,

Построить лестницу до облаков,
Сплести аркан из нитей пауков,

Дракона паутиною связать —
Как я могу на это все дерзать!

Но так как бог мне помогал досель,
Я смелости познал безумный хмель.

Хочу идти труднейшей из дорог,
И если мне окажет милость бог,

То солнце я в пылинку заключу,
Я океан в росинку заключу,

И в недрах потрясенных толп людских
Столпотворенье вызовет мой стих.

Когда пером страницы распишу,
Я чудеса такие совершу,

Что на земле воздвигнется беда,
Как в страшный день последнего суда!..

О бедствиях опасно говорить,
Но сердце жаждет страстно говорить,

Но сердце жаждет света, и добра,
И песни, спетой голосом пера.

4

Несколько вступительных слов перед началом сказания о Бахраме и Диларам

Открывший блеск жемчужин в словесах
Стал на духовных взвешивать весах

Сокровищницу редкостных камней,
А в это время зодчий наших дней

Построил, наконец, базар мирской.
Но сущий мир охвачен был тоской

По тем камням невиданной красы,
Что высыпаны были на весы.

Тогда поднялся на базаре шум.
Меняла, чей товар — высокий ум,

Открыл на рынке лавку и в ларцы
Жемчужин-слов насыпал образцы.

Когда меняла в сущность их проник,
Вот что поведал нам его язык:

Лежат в морях вселенной жемчуга,
Блестят водой бесценной жемчуга,

Но посвятивший жемчугам труды
Не спутает их с каплями воды.

Смотри: рубин сверкает и горит,
Но праотец его — простой гранит:

Блестящий, вышел из потемок он,
Горы и рудника потомок он.

Хотя от раковины жемчуга
Ведут свой род,— цена им дорога.

А человек — не тот же ли рубин?
Отец ничтожен — благороден сын,

У толстого рождается худой.
Вот сын Азара, Ибрагим святой [19]:

Родитель идолами торговал,
А сын их, негодуя, разбивал.

А вот отец Бахрама, Ездигерд [20];
Был мрачен ликом и жестокосерд,

Как раковина, скрытный властелин...
Не диво: жемчуг — раковины сын!

Все, что отец отринул, сын постиг,
Все, что отец низринул, сын воздвиг.

Отец был палачом, а сын — врачом,
Нет, был отец бичом, а сын — лучом.

Но солнце, побеждая мрак, взошло,
И это солнце было так светло,

Что сразу озарился небосклон,
Был мир его сияньем покорен.

Бахрам воссел на царственный престол
И в царстве перемены произвел:

Великих мира с высоты низверг,
Униженных вознес на самый верх.

Увидев, что в грязи лежит алмаз,
Он в свой венец вставлял его тотчас.

Державный сад он оросил рекой,
Нет, ливнем справедливости благой.

Он сделал раем свой державный сад,
В котором листья весело шумят.

Законом беззаконие поправ,
Он стал на страже справедливых прав.

Он был отважней всех богатырей,
Он сделал больше всех земных царей.

Всех подвигов его не перечесть,
О них и в летописях не прочесть.

А если и найдем о них рассказ,
То все же усомнимся в них не раз.

Предшественнику моему хвала!
Подробно изложив его дела,

Довел он до конца пространный труд!
Пусть люди эту летопись прочтут.

А я не стану дополнять ее,
Подробностями удлинять ее —

И без того немало в ней длиннот!
Кто прелесть в повторении найдет?

Коль слово дважды произнесено,
Утрачивает красоту оно.

Я в красноречье не слабей других,
Но летописи уступает стих.

Но если мимо шахских дел пройду,
Не описав их,— что скажу суду

Взыскательных ученых? Их упрек,
Бесспорно, будет справедлив и строг.

Поэтому-то перечень я дам
Деяний тех, что совершил Бахрам:

События для порядка изложу,
Для красоты их кратко изложу.

Когда же повесть я начну свою,
Все мысли я подробно разовью.

Был шах Бахрам главою всех царей,
А солнце — прахом у его дверей.

Взошел он, как Сухейль, сперва: Йемен
Расцвел, его рукой благословен [21].

Державу превратил Бахрам в цветник,
Все земли — в мускус [22], камни — в сердолик [23].

Был царь Нуман [24] советником его,
Мунзир был собеседником его.

В Аравистане жил Бахрам сперва,—
Как Мухаммед [25], посланец божества.

Он для Йемена покидал Иран,
Для персов покидал аравитян,

Он для Йемена был началом благ,
Дворцом его пиров был Хаварнак [26].

Искусный, как семи небес творец,
Построил славный зодчий тот дворец.

Бахрама страсть, влечение и труд —
Вино, охота и звенящий руд [27].

От музыки, охоты и вина
Была душа веселия полна.

Но даже винным хмелем опьянен,
Хранил он справедливости закон.

Лишив своих соперников венца,
Он стал владыкой над землей отца.

Охотник, он унизил в чащах львов,
Он превратил в лисиц рычащих львов.

Все грабежи пресек его булат.
Убив дракона, раздобыл он клад.

Разбогатев, он на́ семь лет вперед
От податей освободил народ.

Он снял налогов тягостный ярем,
За то от бога получил Ирем.

Но жители Бахрамовой земли,
Как небо вероломны, перешли

На сторону хакана [28], и хакан,
Подняв стрелков необозримый стан,

Проник в его страну. Бахрам бежал,
Но скоро и противник задрожал:

Бахрам, собрав три сотни человек,
Внезапно совершил ночной набег.

Сумел он так хакана покарать,
Что и хакан, и вражеская рать

Исчезли после битвы без следа!
Из воинов никто и никогда

Такой победы не сумел достичь!
Когда в стране замолк победный клич,

Благоустроил свой народ Бахрам,
Восьми иремским сладостным садам

Он уподобил семь частей земли [29],
Достаток, счастье люди обрели...

Вот летописи краткий пересказ.
Правдивостью она пленяет нас.

Приняв ее и сердцем и умом,
Согласен с летописцем я во всем.

И Низами и вслед за ним Хосров
Сказали много справедливых слов.

Их мысли удивительно верны,
Однако не избег бы я вины,

Когда бы я ошибки им простил.
Я должен изо всех стараться сил

Не допустить, держа перо в руке,
Изъяна ни в одной своей строке.

С наукою они вступили в спор,—
Ученые винят их до сих пор:

Как видно, о Бахраме письмена
Лишь в поздние открыты времена.

Я письмена открыл и в этот миг
Увидел, что желанного достиг.

О, если б их открыли и они,
Чьи сказки украшают наши дни!

Но так как правды я нашел тетрадь,
То я могу сказание начать.

Немало я терпенья приложу,
Начало песнопенью положу.

Уже охвачен пламенем певец,
Пришел словам вступительным конец.

Каким бы ни был твой правдивый сказ,
О Навои, начни его сейчас.

СКАЗАНИЕ О БАХРАМЕ И ДИЛАРАМ

1

Тот мудрый, кто составил временник
Иранских полководцев и владык,

Дал место и Бахрамовым делам,—
Стал украшением письмен Бахрам.

Когда Бахрама,— так писал мудрец,—
С небесной славою связал творец,

Признали власть его державных дум
Хакан и кесарь, весь Китай и Рум [1],—

Все страны обитаемой земли
Ему свою покорность принесли.

Его предел — от Рыбы до Луны [2].
Он всем владел от Рыбы до Луны.

Царем царей Бахрама нарекли,
Царем царей семи частей земли.

Всем дерзновенным робость он внушил,
Всех венценосцев данью обложил.

Такой завел порядок искони:
Будь это раджа иль хакан [3],— они

Собрав налоги у себя в стране,
Их не держали у себя в казне,—

Несли всю дань к Бахрамовым стопам,
За ней гонцов не посылал Бахрам.

Так все цари, сполна и каждый год,
Бахраму отправляли свой доход,

А также и добычу рук людских
Из недр земных или пучин морских.

Все редкости, все ценности земли
Со всех сторон в его казну текли.

Велик ли, мал, но целиком налог
Исправно в шахский поступал чертог.

А шах, к игре и пению влеком,
Веселью отдавался целиком.

Любил он страстно музыку, игру,
Звенели песни на его пиру.

Не ведал он тоске своей границ,
Не видя музыкантов и певиц.

Повсюду он возил их за собой,
Без них терял он волю и покой.

Всевластный, музыки признал он власть.
Охота — вот его вторая страсть.

Но даже на охоте удалой,
Пронзая жертву меткою стрелой,

Вдруг останавливался, не дыша:
Алкала светлой музыки душа...

Он промаха не знал, стреляя дичь,
Кровь проливая, издавал он клич.

Среди лихих охотничьих забав
Он пил всегда вино, чей цвет кровав.

Нередко он, охотясь, открывал
Красивую поляну, и привал

Он объявлял; слетались сотни слуг;
Хмельная чаша обходила круг;

Звенел ребаб, то плача, то смеясь;
Шипел кебаб [4], на вертеле дымясь...

Однажды он, охотясь так, набрел
На холм; вокруг пестрел цветами дол —

Не охватить его, не оглянуть...
Вливался воздух животворный в грудь.

Расположился на холме Бахрам,
Стал пировать. И песня к небесам

Свободно, ясно, радостно взвилась,
Она согласно, сладостно лилась.

Певцу внимая, пил Бахрам вино,
А сердце было ввысь устремлено.

Хмель в голове, а музыка в ушах
Так весело звенели; видел шах,

Что он могуч, и славен, и велик,
Для слабых — упования родник.

В душе рождалась мысль: «Я сотворен
Для блага всех земель и всех племен,

И в благодарность за любовь творца
Я должен бедных утешать сердца.

Я буду милосерден, справедлив,
Добро и правосудье утвердив».

Казалось, озирает он простор,
Нет, в самого себя он бросил взор!

Тут путника в степи заметил шах:
Он приближался, ускоряя шаг.

Бахрам подумал: «Кто это идет?
Внушает жалость бедный пешеход!»

Душа склонилась к незнакомцу вдруг,
И приказал он одному из слуг:

«Сядь на коня, а на другом коне
Ты чужестранца привези ко мне».

Гонец к Бахраму странника привез,
И незнакомцу задал шах вопрос.

А тот сошел с коня, чтоб наземь лечь,
И, прах поцеловав, повел он речь.

Он в жемчуга свои слова облек,
Всех изумил его отменный слог,

Бахрама так восславил чародей,
Что в восхищение привел людей,

Не только в восхищение — в восторг,
Из их груди он похвалу исторг:

«Не подобает страннику стоять,
Он должен подле шаха восседать!»

И вот вино пришельцу подают
И предлагают сто различных блюд;

Когда поел он вдоволь и попил,
В беседу с чужестранцем шах вступил.

Понравился Бахраму разговор.
Был собеседник тонок и остер,

На все вопросы находил ответ...
Подумал шах: «Он обошел весь свет,

Он сведущ в жизни, он знаток наук!»
Сказал Бахрам: «О мой чудесный друг,

Отрадно мне беседовать с тобой!
По всей вселенной ты прошел стопой;

Твои движенья быстры; твой язык
Вкус ясности и плавности постиг;

Ты земли дальних пересек держав,
Пустынь и городов; скажи, я прав?

Из слов твоих сужденье извлеку:
Ты много видел на своем веку.

Диковинки встречал ты на пути,—
Нас в тайну приключений посвяти.

Встречался с чудесами ты порой,—
Хотя б одно из них ты нам открой!»

Воскликнул путник: «Добрый господин!
В степи я путешествую один.

Язык мой беден, дар мой слишком слаб,
Не произнес бы слова я, когда б

Тебя в степи не встретил я сейчас.
Я знаю удивительный рассказ.

Живу я, тайну от людей храня:
Так это чудо потрясло меня!

Свой путь я начал далеко отсель,
И шах Бахрам — моих скитаний цель.

Он царь царей, он шахов гордый шах,
А небо — у его порога прах.

Когда к его чертогу я приду,
Когда к его порогу припаду,

Лицо и очи к праху приложу
И цель прихода шаху изложу,

Ему открою чудо в тот же миг.
Бахрама я покуда не достиг,

А ты уже вопрос мне задаешь,
Невольно на моем пути встаешь.

Как быть! Сказать? Нарушу я обет.
Но и молчать не смею я в ответ!

Радушием тебе обязан я.
Смотри же, господин, как связан я!

В тебе я вижу гордые черты;
Твой сан высок; являешь облик ты,

Который свойственен одним царям.
Мне кажется: пусть ты — не шах Бахрам,

Царем ты предо мною предстаешь,
Мне кажется: ты на него похож,

Хотя невероятно сходство с ним:
Бахрам ни с кем на свете не сравним!

Сюда пришел я из чужих сторон.
Твоим великодушьем я пленен.

Но все же у меня другая цель:
С Бахрамом говорить — благая цель.

Ты лаской сердце мне развеселил,
Но две заботы в сердце поселил:

Смолчу — беда и расскажу — беда...
Как на тебя смотреть мне без стыда?»

Тогда расцвел властитель, как цветник.
Светильником он сделал свой язык:

«О ты, кто странником в пустыне стал!
Знай: ищущий — нашедшим ныне стал.

Ты сам не ведаешь, что в этот миг,
Искатель, ты искомого достиг.

Не жаждай, друг мой, около реки,
Не страждай, друг мой, счастью вопреки!

К Бахраму ты спешил степной тропой?
Начни рассказ: Бахрам перед тобой!»

Тут странник, небеса благодаря,
Целуя землю, пал к ногам царя:

Узрел он цель, хоть много перенес!
Он благопожеланье произнес,

Учтиво сел и начал: «Мудрый шах!
О разных ты спросил меня вещах.

Вот первая: кто я? Мой шах, внемли.
Зовусь я среди жителей земли —

Мани[5]; художник — звание мое,
Известно рисование мое».

Восторг Бахрама взвился до небес,
Как будто был он мертвым и воскрес:

Бахрам давно художника искал!
Он крепко обнял гостя, приласкал,

Остались все придворные в тени:
Увидел шах великого Мани!

Однако вскоре благосклонный шах
Ему напомнил о других словах.

Рассказчик молвил: «Слушай мой ответ.
Скитаясь, обошел я семь планет,

Под сводами блуждал я всех небес,
И очевидцем был я всех чудес.

Затмило все в моих глазах одно:
В Китае обретается оно.

Там с неким повстречался я купцом.
Не ошибемся, коль его сочтем

Богаче многих шахов и царей.
Сокровищами копей и морей

Владеет он: у этого купца
Товарам нет ни края, ни конца.

Число их даже передать нельзя,
А денег столько, что сказать нельзя,

Ему туманов [6] никогда не счесть:
Одних наличных сотня тысяч есть!

Хотя богаче прочих он купцов,
Хотя забыл число своих ларцов,

Хотя не знает счета сундукам,
Рубинам, серебру и жемчугам,—

Владеет он жемчужиной одной,
Жемчужиной? Зови ее луной,

Любовникам сияющей с небес,
Игрушкой, дивом, чудом из чудес!

Волшебница в Китае рождена,
Любовью к ней страдает вся страна.

Красы подобной не было вовек:
С тех пор, как существует человек!

Кто взглянет на нее, тот будет рад
Отдать ей душу за единый взгляд.

Когда же в руки чанг [7] она возьмет,
От счастья только мертвый не умрет.

Когда же струны чанга зазвенят
И стройным, животворным звукам в лад

Протяжно запоет она сама,—
Вселенную сведет она с ума!

Когда б я прожил тысячу веков,
Когда б я знал сто тысяч языков,

Я не сумел бы рассказать о той,
Чей голос нежный спорит с красотой!

Хозяин украшает красоту,
Богато наряжает красоту.

Он ей носилки для прогулок дал,
На них пошли алоэ и сандал [8],

Пленителен красавицы покров —
Крученый шелк изысканных цветов,

Он жемчугом искусно окаймлен.
Доносится до нас певучий звон:

То чанг звенит, и легче ветерка
Бежит по струнам тонкая рука.

Красавица играет, как Зухре [9],
Она подобна утренней заре.

Она игрой приводит всех в восторг.
Купец хотел продать ее, но торг

Не состоялся до сих пор. Смотри:
Зухре — одна, а сколько Муштари! [10]

Все богачи, юнцы и старики,
Опустошив мешки и сундуки,

Отвесили купцу свое добро,
Но золото, рубины, серебро

Отверг хозяин и сказал: «Казна
Всего Китая — вот ее цена!»

Неутолимой страстью обуян,
Уже хотел ее купить хакан,

Весь годовой доход купцу отдать.
Узнав об этом, возроптала знать,

Советники сказали: «Светоч наш!
Когда казну ты за нее отдашь,

Не сможешь больше денег ты собрать,
Тебя покинув, разбежится рать.

Ты должен дань обычную внести
Или восстать: иного нет пути.

Но, потеряв и войско и казну,
Как против шаха ты начнешь войну?

Страсть утолишь ты, царство погубя.
О, пожалей державу и себя!»

Хакана мудрый охладил совет,
А у других влюбленных — денег нет.

Хотя страдают тысячи сердец,
С продажей не торопится купец.

Но я, желая стать твоим слугой,
Подарок приготовил дорогой,

Когда решил отправиться к тебе,
Быть может, он понравится тебе.

В живой воде я краску растворил
И образ дивной пери [11] сотворил,

Хотя рисунок — не она сама,
Подобие найдешь в чертах письма:

Посильную красе принес я дань...»
Сказав, он вынул шелковую ткань.

Шуршала ткань, упруга и нежна,—
На ней певица изображена!

Художник жизнь в китайский шелк вдохнул.
Ресницами с картины пыль смахнул,

Расправив складки, разложил он шелк...
Бахрам взглянул, и вскрикнул, и замолк.

Казалось, разум у него погас!
До вечера не отрывал он глаз

От шелка, в думы погружен свои.
Казалось, он исчез в небытии.

До вечера ни с кем не говорил,
Он образ пери в сердце затаил,

Запали в душу дивные глаза,
Сжигали душу пламя и гроза.

Мани, почуяв боль его души,
Сказал: «Опомнись, шах, и поспеши,

Не упускай красавицу из рук,
Не то смертельным будет твой недуг!»

«Увы! — Бахрам воскликнул,— я в огне!
В целебном счастье жизни — горе мне.

Я обезу́мел: ты меня сразил,
Когда ее глаза изобразил.

Художник, сделал ты меня больным,
Как врач, недугом ты займись моим.

Скажи скорей, подай благой совет:
Что делать мне?» — Мани сказал в ответ:

«Ее цена — китайская казна.
Когда тебе краса ее нужна,

Когда из-за любви ты изнемог,
Да будет жертвой годовой налог!

Дирхемы — наилучшие врачи.
Всю дань Китая за нее вручи,

От денег в полной мере откажись
Иль от китайской пери откажись!»

«За близость с ней,— сказал ему Бахрам,—
Не только дань хакана я отдам,

А подати со всех моих держав
Отдам я, ничего не удержав,

И цену эту низкою сочту,
Когда осуществлю свою мечту!»

Воскликнув так, письмо составил он,
Немедленно в Китай отправил он

Сто мудрецов, ревнителей святынь,
А с ними — верных евнухов, рабынь,

Чтоб оказать красавице почет,
Чтоб на пути не ведала забот.

Хакану приказал он в точный срок
Купцу вручить весь годовой налог,

А людям он сказал: «Наказ таков:
Луну освободите от оков».

Стремясь исполнить шахский сей наказ,
Послы в Китай отправились тотчас,

С измученной душой остался шах,
Художник — рядом, а портрет — в руках.

2

Когда, за китаянкою спеша,
Китай избрать стоянкою спеша,

Ученые отправились мужи
И, наконец, представились мужи

Хакану, передав ему сперва
Письмо Бахрама, а потом — слова,

Хакан, гордясь посланием царя,
За эту честь послов благодаря,

Почтительно рукой коснулся глаз
И за купцом послать велел тотчас.

Сто радостей он выразил в речах,
Довольный тем, что счастлив будет шах.

Хакан и продавец в цене сошлись,
Был куплен для Бахрама кипарис:

Купцом за деньги продана душа,
Такая низость — свойство торгаша.

Цена ее — китайская казна.
Купцу вручив казну свою сполна,

Хакан отправил розу в шахский сад.
Простились люди, поспешив назад

По знойным долам, по степным тропам,
И каждый день за год считал Бахрам.

Его душою сделалась тоска,
И телом стал он тоньше волоска.

Он муку ожидания познал,
Разлуку и страдания познал.

Нетерпелива издавна любовь:
Вновь на рисунок он глядел и вновь.

На время черпал силы и покой
В изображенье пери дорогой,

На время о разлуке забывал
И для объятья руки раскрывал.

В отчаянье он покидал чертог,
Но места он себе найти не мог.

В садах не будет лучше ли ему?
Но и сады наскучили ему!

На крыше иногда Бахрам сидел
И на дорогу пристально глядел.

Увидев точку черную вдали,
Полоску пыли на краю земли,

Он обмирал; тряслось, как старый дом,
Его сухое тело, и потом,

Придя в себя, он плакал без конца,
Он посылал в ту сторону гонца:

Таил надежду мнимую Бахрам,
Но тщетно ждал любимую Бахрам.

Преследовал одну заботу он.
Предлогом избирал охоту он

И на коне, вздыхая, выезжал:
Он в сторону Китая выезжал,

Всем встречным задавал один вопрос:
«Ты весть о китаянке мне принес?»

Молчали все; шах вопрошал опять,
Надеясь о возлюбленной узнать.

Томленьем шаха был смущен Мани.
Пытался он Бахрама в эти дни

От горести картинами отвлечь,
Сказаниями длинными развлечь.

Он сердце шаха сказкой занимал,
Не понимая, шах ему внимал.

Влюбленного к спасенью не зови:
Он гибнет за пределами любви.

В разлуке тот не может не страдать,
Кого любви отметила печать.

«Тяжка разлука»,— исстари твердят,
Но ожиданье тягостней стократ.

Короче: шахом овладел недуг.
Но вот к нему вбежал один из слуг,

Доставив радостную весть о том,
Что под звездой счастливой — шахский дом,

Что солнце приближается сюда,
Развеяв ночь разлуки навсегда.

Отныне светлой стала эта ночь!
Бахраму сердце удержать невмочь:

Разлука и свидание равно
Опасны, если сердце влюблено!

Предстал очам Бахрама караван,
И доложили люди, что хакан

Исполнил слово шаха, что казна
На этот раз торговцу вручена,

Что радости лучи для них зажглись,
Что с ними — белогрудый кипарис,

Что пери прибыла в его жилье,
Что сотни солнц хотят купить ее,

Что розу не обжег пустынный зной,
Не утомил тяжелый путь степной...

Бахрам явил такую милость им,
Какая никогда не снилась им!

Он приказал: рожденную для нег,
Чей взор — гроза, разбойничий набег,

С почетом привести в его гарем.
Когда вступила гурия в Ирем,

В саду расположилась госпожа,—
В ее покой, от слабости дрожа,

Но с пламенем в груди, вошел Бахрам.
Он не поверил собственным глазам:

Знакомый сад неузнаваем был,
Теперь он первозданным раем был,

А в том раю — другой прекрасный рай,—
Не раем, а кумиром называй,

Да нет же: светоносною зарей,
Видением, парящим над землей!

Красива, обольстительна она,
Игрива и пленительна она.

Чернеют косы мускусом волос:
Китайский мускус караван привез.

Нет, мускусом груженный караван
В иремский сад пришел из дольних стран.

Ее густые локоны легки:
То ночь свои расставила силки.

А на щеках — шиповник и тюльпан.
Увидев их, любовник будет пьян.

Ее глаза, манящей глубины,
С китайскими джейранами сходны.

Даст мускус нам джейрана железа:
Две капли мускуса — ее глаза [12].

А родинка? То капля возле рта
Нечаянно джейраном пролита!

Ее лицо — прелестнее цветка,
А губы — два пунцовых лепестка.

Нектара полон каждый лепесток,
Живой водою стал медвяный сок:

Мертвец, его отведав, оживет!
И так укрыт между губами рот,

Что ты невольно вскрикнешь, изумлен:
«Рубин желанных губ не просверлен!»

Он для речей раскроется едва —
Жемчужины рассыплет, не слова.

Рубин,— а жемчуга рассыплет он?
Сок жизни,— кем же будет выпит он?

Жемчужная зубов белеет нить.
Как нам в рубин жемчужины вместить?

Но зубы все ж подобны жемчугам,
В живой воде подобны пузырькам!

Сошлись две брови: взорам предстает
Языческого храма низкий свод.

А где глаза? В кумирню мы войдем,
Двух пьяных, двух неверных мы найдем,

А побежим, раскаявшись, в мечеть,—
На своды будем набожно глядеть!

Смотри: продеты в мочки жемчуга.
Звездой сверкает каждая серьга:

Они расстались, чтобы мир познать,
Но сочетались, чтобы соблазнять.

Ты райским древом стан ее зови.
А что его основа? Дух любви!

Когда она, как некий дух земной,
Пройдет, покачиваясь, пред тобой,

То, стан ее не зная с чем сравнить,
Скажи: «Воображаемая нить...»

Такой на свете тонкой нити нет!
Незримый стан в багряный шелк одет,

Зеленый изумруд — ее наряд.
Не правда ль — в зелени раскрыт гранат?

Одежда — в блеске дорогих камней,
Чтоб не сойти с ума — смирись пред ней!

О нет, не дева райская она,
Не гурия китайская она,

Не пери, не мечта, не волшебство,
А гибель человечества всего!

При виде уст ее — смутится дух.
Заговорит — отнимет душу вдруг!

Из уст польется жизни сок тотчас,
Но стрелы смерти полетят из глаз.

Ее движенья, смех, и вздох, и взгляд —
Зовут, прельщают, мучают, пьянят!

К Бахраму привела ее судьба,
Он — раб ее, она — его раба.

Смиренно перед ним упала ниц,
Земли коснулась копьями ресниц.

Был взор ее лукавством наделен,
Игрив, но и почтителен поклон.

Когда увидел китаянку шах,
Из-за которой он страдал и чах,

Ее изображенье полюбя,—
Не мог от счастья он прийти в себя.

Та, что была бездушным полотном,
Та, что была картиной, сказкой, сном,

Вдруг ожила, предстала во плоти,—
О, мог ли он теперь в себя прийти?

Спокойно мог ли на нее взирать,
Взирая, не вздыхать, не замирать?

Короче: говорить нам не дано
О том, что было и прошло давно,

О том, как шах остался в тишине
С возлюбленной своей наедине,

О том, как, наконец, обрел Бахрам
Успокоенье сердца, Диларам [13],

Покорную желаниям его:
О них не расскажу я ничего.

Подруга нежная, влюбленный шах —
Их тайна не нуждается в словах.

Кто в тайну их проникнуть бы не мог?
Одним лишь глупым это невдомек.

Когда сверкнуть стихом, как не сейчас?
Но будет неумелым мой рассказ...

3

Шах, обретя счастливую любовь,
К вину и музыке вернулся вновь.

В звенящих кубках пенилось вино,
И пение звенело заодно.

В саду, нередко до ночной поры,
Он царственные задавал пиры.

Дворцовый сад мы раем назовем:
Царица рая пребывала в нем,

Нет, роза, украшавшая цветник!
Бахрам терял сознанье каждый миг...

Когда, вином веселым насладясь,
Из белой розы красной становясь,

Настраивала звонкий чанг она,—
Согласно пели струны, лишь одна

Струна, оцепенев, рвалась в тиши:
Рвалась струна Бахрамовой души.

Не чанг — отшельник у нее в руках:
Он стан сгибает, как святой монах,

Он опускает скорбную главу...
Нет, пьяницей его я назову:

Звенит он — и заслушался кабак,
Сам пьяный, опьяняет он гуляк.

Но входит гурия в его игру.
Заводит песню магов на пиру —

И мир преображается земной,
Задет ее волшебною струной.

Мы вспомним феникса, на чанг взглянув:
Всю чашу выдолбил чудесный клюв,

В ней дырочки сквозные — то проход
Для тонких струн... Какой мудрец сочтет

Число всех звуков, что звенят вокруг?
Из каждой дырочки исходит звук,

Летя по струнам! Лишь рукою тронь —
Как феникс, чанг низринет в мир огонь.

Заслушавшийся мир объят огнем,
Но чанг, сгорая, вновь родится в нем.

Хотя павлином феникс наряжен,
Он соловьиным горлом наделен.

Нет, феникс музыку завел свою,—
Сгорая, мир внимает соловью.

Не диво, что весь мир к нему приник:
Китайский соловей розоволик...

Розоволикой был Бахрам пленен,
Покоя без нее не ведал он,

Не отрывал от милой пери глаз,
От песен — слуха, пламенел и гас,

Он без нее метался без души,
Но рядом с ней лишался он души.

Он пил вино, от страсти к ней сгорев,
Жизнь возвращал ему ее напев.

Волшебным пеньем сердце зажжено:
Чтобы залить огонь, он пил вино.

Она лицо откроет — гибнет он.
Уста раскроет — издает он стон.

Чтоб успокоить сердце, бедный шах,
Прервав пиры, охотился в степях,

Но удалялся от пиров ли он,
Иль предавался шумной ловле он,

С возлюбленной не разлучался шах,
Быть без нее не соглашался шах...

В степях Китая жившая досель,
Любила черноокая газель [14]

Степной простор, степную пестроту,
Тюльпаны в обжигающем цвету.

Вот почему ей были по душе
Поездки в степь и отдых в шалаше.

Охотники неслись и гнали дичь,
Веселый, грозный издавая клич,

Скакал Бахрам по травам и камням,
Качалась в паланкине Диларам.

Охоту превратил в обычай он,
Но сам для пери стал добычей он:

Лукавый идол пеньем колдовским
Его смущал и властвовал над ним.

Желая загасить любовь, Бахрам
Все чаще припадал к ее устам,

Но пламя страсти не погасло в них:
Как видно, заключалось масло в них!

Любовь неутолимою была:
Ведь гурия — любимою была!

Чем больше утолял желанье он,
Тем дольше чувствовал пыланье он.

Шах даже рядом с ней терял покой,
А без нее стонал он, как больной.

Свиданья были гибельней огня,
А без нее не мог прожить он дня.

Она ему подругою была,
Возлюбленной, супругою была,

В беседах с ней он счастье находил,
В свиданьях с ней он страстью исходил.

Своей любовью так увлекся он,
Так близостью к луне зажегся он,

Так был он околдован, так привык
Перед собою видеть лунный лик,

Что, властный, он при ней не смел вздохнуть,
А без нее в тоске терзалась грудь.

И до того дошло, что мудрый шах
Забыл о государственных делах,

И правосудьем он пренебрегал,
Несчастным людям он не помогал,

Заботами не радовал народ.
Уже роптал, досадовал народ,—

Не слушал жалобы народа он.
Так прожил три-четыре года он...

Кто яд любви вкусил — в конце концов
Лишится всех престолов и венцов.

Бедняк последний, гордый шах страны —
Пред воинством любви они равны.

Любви подуют смелые ветра —
Взлетят равно и щепка и гора.

Поток любви обрушится с высот —
Равно дворец и хижину снесет.

Дракон пред ней дрожит, как муравей,
Как жалкий нищий, робок царь царей!

И вот, заботы царские поправ,
Завоеватель множества держав —

Владыкой всех племен его зови —
По доброй воле стал рабом любви.

Теперь одну преследовал он цель:
Охотясь, развлекать свою газель,

Отыскивать все новые места,
Чтоб скуки не знавала красота,

Покуда час веселья не пробьет
И луноликая не запоет.

Стремится он и к песне и к вину,
Лишенный воли, видит он одну

Свою черноволосую мечту,
Любовь звонкоголосую в цвету!

Погибелью душе грозит вино.
Когда ж оно с любовью — заодно,

Бессилен человек: судьбу губя,
Он пустит по ветру всего себя.

Был шах пленен любовью и вином,
О том, что стало с ним, рассказ начнем.

4

Бахрам, во имя песен и забав
Другим бразды правленья передав,

Оставил без надзора все дела.
Страна в расстройство тяжкое пришла.

С тех пор, как не каралось больше зло,
Неправый меч насилье занесло.

Шах отошел от справедливых дел,
Кто власть имел, тот делал, что хотел.

Мздоимная правителей толпа
Налоги отдала на откупа,

Разбойники закрыли все пути,
Да так, что ни проехать, ни пройти;

Был под угрозою домашний кров,
Удел народа — черен и суров.

Запели громко бражник, блудодей,
Затихли речи праведных людей.

Покрылся пылью мудрости сосуд,
С вином блестели кубки там и тут.

Как черви, волки развелись кругом,
Не овцами питались — пастухом!

И несколько советников царя,
Сановных собеседников царя,

С трудом к нему попали на прием,
Бахраму доложили обо всем:

О том, что нет порядка, что народ
Страдает, ропщет, правосудья ждет.

Их выслушав, Бахрам не спал всю ночь.
Он думал: «Как беде своей помочь?»

Увы, напрасно к помощи прибег:
Беспомощен влюбленный человек...

Хотя любовью был измучен шах
И прежней силы не было в руках,—

Душой и телом преданный луне,
Он думал о народе, о стране:

«Как исцелить себя? Лекарства нет!
Бежать, отдать другому царство? Нет!

Пока я царь, всегда в своем саду
Ей равную красавицу найду.

Не обладай державной властью я,
Ключа не отыскал бы к счастью я,

Не знал бы, где моей луны жилье,
Не стал бы я возлюбленным ее.

Но раз она существовать должна,
Не существует все, что — не она!

Сказав: «Живи для власти и для нег»,—
Ты скажешь: «Преврати мне пламя в снег».

Избавиться от страсти он желал
Затем, что жить без власти не желал.

Но отказаться от любви не мог,
Хотя найти пытался он предлог.

Несовместим с любовью царский сан.
Цари болтают о любви? — Обман!

Любовь предназначается тому,
Кто, в ней сгорев, исчез в ее дыму,

Кто, равнодушен к суете сует,
Душой отверг и тот и этот свет,

Кто ради прихоти любви готов
Пожертвовать блаженством двух миров,

Кто за возлюбленную жизнь отдаст,
Свою загубленную жизнь отдаст!

Но шаху, покорителю держав,
Который, битву ремеслом избрав,

Во имя власти проливает кровь,—
Чужда необоримая любовь.

Влюбленным он подобен иногда —
На жертву не способен никогда!..

И часто — на охоте, на пирах —
В такие думы погружался шах,

Он пил из рук возлюбленной вино,
А сердце было смутою полно.

Однажды ловлей завершился пир.
С Бахрамом рядом был его кумир,

А в голове шумел тяжелый хмель.
Вдруг Диларам увидела газель...

Бахрам так ловок был в метанье стрел,
Охотничьим искусством так владел,

Что промаха не знал, стреляя в цель.
Сказал он луноликой: «Вот газель

Несется, быстроногая, вдали.
В какое место,— пери, повели,—

Мне следует метнуть стрелу свою?
Как ты прикажешь, так ее убью».

О, нет китайским тонкостям числа!
Насмешница в ответ произнесла

Загадочные, тонкие слова:
«Мой шах! Оковы наложи сперва

На две ее передние ноги,
Потом стреле, охотник, помоги:

Остановив газель на всем бегу,
Зарежь добычу, стоя на лугу».

Шах, выслушав красавицы приказ,
Ее загадку разгадал тотчас:

Охотник ловкий был, умелый он!
И вынул из колчана стрелы он,

И, медленно натягивая лук,
Газельи две ноги связал он вдруг

Стрелою тополевой, и стрела
Под кожей к тонкой кости приросла.

Тогда в газель нацелился он вновь,
И горло ей рассек, и пролил кровь.

Исполнил шах желанье госпожи!
О ловкости Бахрама так скажи:

«Не только люди — неба древний свод
Соперника ему не подберет»!

Когда Бахрам искусство показал,
Застыл он в ожидании похвал,

Но гурия красавицей была,
А красота гордыню родила.

Руки Бахраму не поцеловав,
Не похвалив властителя держав,

Сказала: «Каждый день стреляя дичь,
Кто б совершенства не сумел достичь!»

Невольно шаха подняла на смех,
Старанью приписав его успех.

Поняв слова красавицы своей,
Морщины шах навел на лук бровей,

Сердясь: да разве это похвала!
Увидев, что Бахрама привела

В расстройство, поспешила Диларам
Дать объясненье дерзостным речам,

Но все испортила, сказав ему:
«Я твоего упрека не приму,

Правдивы и чисты мои слова.
Мой шах! Себя возьму в пример. Едва

Коснусь я чанга слабою рукой,—
Сердца перенесу я в мир другой.

Быть может, красота повинна тут?
Нет, упражненья, постоянный труд!

Я прилежанье видела твое.
Чем сердце я обидела твое,

Сказав об упражнениях? Ужель
Без них попал бы ты стрелой в газель?»

От этих слов пришел Бахрам во гнев.
Вскипела ярость, сердцем овладев.

Когда властители разъярены,
Бегите, жители, из их страны!

Гнев самовластья страшен, гнев обид:
Он очи милосердия слепит.

Уже Бахрам хотел ее убить,
Уже мечом своим хотел срубить

Цветущий, вольный, стройный кипарис,—
Но в свите люди мудрые нашлись

И молвили: «Поступок нехорош.
Ужели женщину мечом убьешь?»

А несколько глупцов произнесло:
«Их убивать — не просто ремесло,

А высшее искусство!» И луну,
Из паланкина высадив, одну

Отправили на самый край земли,
В бесплодную пустыню привели,

Где ядовитая трава росла:
Был каждый лист колючим, как стрела.

На землю опрокинув тонкий стан,
Скрутили косы длинные в аркан,

Вкруг шеи обвязав их... Вот, в петле,
Она лежит на высохшей земле:

Ей, косами пленявшей, довелось
Стать пленницею собственных волос...

Злодейство это было свершено
В тот миг, когда и ярость и вино

Бахрама ослепили. Дотемна
От ярости хмелел он и вина.

Наутро, встав с тяжелой головой,
Наполнить приказал он кубок свой.

Спросил, опохмелившись, царь царей:
«Где та луна, что мне всего милей?»

Он сам забыл о том, что совершил!
Один из приближенных доложил

О том, какое зло произошло.
И ужаснуло шаха это зло,

И светлый день померк в его очах.
И помраченным сердцем понял шах,

Что резкий ветер ярости слепой
Забушевал, что собственной рукой

Он обезглавлен. И сказал Бахрам:
«Сейчас в пустыню я помчусь и сам

Из края в край на поиски пойду,
Найду свою красавицу, найду,

Паду к ногам, когда она жива,
Умру я сам, когда она мертва!»

Однако честь венца, престол и власть
К ее ногам не позволяли пасть,

На это дело разум восставал,
Бахраму стыд покоя не давал,

Но с разумом любовь боролась в нем,
Любви звенел призывный голос в нем.

Так мучилась душа меж двух огней,—
Скажи: меж двух драконов — муравей!

Шах, голову на землю положив,
Метался, полумертв и полужив.

5

Достойный смеха более, чем слез,
Бахрам себе такой удар нанес,

Что без сознанья двое суток был.
Когда в себя пришел он,— жуток был

И темен третий день. Войска любви
На приступ силы двинули свои,

Вступила в крепость мстительная рать,
Державу сердца стала разорять.

С избытком сердце утолило страсть,
Чтоб эту страсть жестокую проклясть.

Поплыл купец. Что ж, прибыль он обрел?
В пучине моря гибель он обрел!

Трудясь в саду, садовник ждал наград,
Но обломал его деревья град.

Была желанья молния светла —
Сожгла Бахрама бытие дотла.

Он драгоценный камень отыскал,
Но раздавил его камней обвал.

Он, защищая царство, поднял меч,
Чтобы мечом свою же грудь рассечь.

Хотел ресницы начернить сурьмой,—
Мир оказался черною тюрьмой.

Навылет в грудь он ранен был тоской,—
Избави бог от участи такой!

Бахрам, великой скорбью удручен,
Напоминал согбённый небосклон.

Его душа блуждала, как в лесу,
Скрипела плоть, подобно колесу,

Ужиться тело не могло с душой,
Душа для тела сделалась чужой.

Когда же к горлу подошла душа,
Бахрам поднялся и пошел, спеша

В пустыню, над которой зной повис.
Он думал: «Если жив мой кипарис,—

Благословлю удачу я тогда,
А если мертв,— заплачу я тогда,

На мертвую взгляну я красоту,
От стонов избавленье обрету,

Убью себя, с возлюбленной сольюсь,
Разлуку вечный победит союз!»

Прошел он по степным тропам стопой,
Любимую ища в степи скупой.

Но вольный кипарис нигде не рос:
Его обитель — средь пахучих роз.

Кто розу обретет в степном песке,
Когда ее цветенье — в цветнике?

Она меж яблонь скрылась от людей,
Ее найдешь по яблокам грудей.

В потере убедившись роковой,
Стал шах о землю биться головой,

Вопил и плакал мира властелин,—
Фархад не разыскал свою Ширин! [15]

Как птица с переломанным крылом,
Припав к земле, рыдал он о былом.

Сказал он, обливаясь кровью слез:
«Я над самим собою меч занес!

Кому теперь судьбу свою вручу?
Задул я жизни собственной свечу!

Какое дело, боже, сделал я,
С душой и телом что же сделал я?

Кто равен скорбью мне в пыли земной?
Что сотворило, небо, ты со мной!

Добра у синей тверди я прошу,
Пылинки милосердия прошу,—

Жестоко ты, не хочешь мне помочь!
Мою судьбу ты превратило в ночь,

Но вместо звезд мне слезы принесло,
А солнце счастья моего зашло.

Пылает страсть великая моя.
Но где же солнцеликая моя?

О небо, жизни погаси свечу,
Жить в этом низком мире не хочу!

Ты отняло любимую,— молю:
С ней заодно возьми ты жизнь мою!

Возьми: я жизнью сыт, клянусь творцом,
О смерти дух скорбит, клянусь творцом.

Возьми, свое злодейство доверши:
Несчастна плоть, в которой нет души!»

Он плакал, стоном оглашая дол,
Забыл он свой венец и свой престол,

Забыл он о столице, о стране,
С печалью стал он жить наедине,

Лишь о любимой думал он теперь,
В пустыне стал он жить, как дикий зверь.

Стонал он, разрывая воротник,
Но вскоре город в той глуши возник:

Узнав, какая с ним беда стряслась,
Его любви мучительной дивясь,

Стремились люди в степь со всех сторон,
Пустынный край был в город превращен...

Как Диларам, небесный свод погас.
Лежал Бахрам, не закрывая глаз:

Мир превратился в мрак. Бахрам, скорбя,
В нем чужеземцем чувствовал себя.

Весь мир объял тысячерукий мрак:
То был печали мрак, разлуки мрак,

Он плоть, и мысль, и душу иссушал,
Живую воду в сушу превращал!

О нет, не мрак окутал мир, а дым:
Огонь разлуки буйствовал под ним.

Бахрам вопил,— что вопль его теперь?
В огне тоски он топливо теперь:

Разлука лучшим топливом сочла
Влюбленных бесприютные тела...

Хотя Бахрам от суеты мирской
Был отделен завесою ночной,

Разбила свита для него шатер,
Чтоб скрыть его страдания костер,

Людей отогнала подальше прочь...
Так вот что принесла разлуки ночь!

Таились люди по глухим углам,
Дивились вслух таинственным делам,—

Любой об этом диве говорил:
Один о страшном диве [16] говорил,

Другой о нежной пери говорил,
А третий о потере говорил,—

Для всех недуг непостижимым был,
А шах стонал: он одержимым был!

Заснули слуги под ярмом забот,
Не ведая, что их наутро ждет.

Остался шах в невидимом огне,
С измученной душой наедине.

6

Когда невыносимым стал ожог,
Бахрам перешагнул шатра порог,

В уединенный он вошел покой:
Он на людей теперь взирал с тоской.

Покрепче изнутри он запер дверь,
Упал на землю, заревел, как зверь,

И одиночества издал он крик.
Он разорвал сначала воротник,

Потом зубами искусал себя,
Он бил себя, он истязал себя,

По голове удары наносил,
И, весь в крови, он выбился из сил,

Припал, в бессилье, к двери шах Бахрам,
Увидел образ пери шах Бахрам.

Припомнил косы черные до пят,—
И вот печалью черной он объят.

Изогнутая бровь предстала вновь,—
Согнул он тело слабое, как бровь.

Нет, стал он полумесяца кривей
При виде полумесяца бровей!

Ее глазам газельим отдал дань,—
В пустыне сердца заметалась лань.

Ее ресницы мысленно узрел,—
Вонзились в тело сотни тонких стрел;

То были не ресницы-волоски,
А грозные индусские стрелки.

Вообразил он светлое чело,—
Увы, затменье на него нашло.

Тоскуя по живительным губам,
И умирал и оживал Бахрам.

Кровавыми слезами он рыдал —
Степные камни превратил в коралл.

Пошли душа и тело на ущерб,
Сноп бытия скосил жестокий серп,

В глухой степи он точкой мнимой стал,
Воспоминаньем о любимой стал!

Ты не гонись за призраком степным,—
Найдешь его по признакам таким:

Он в памяти о гурии живет.
Когда он вспомнит животворный рот,

Ее зубов жемчужную красу,
Прольет он слез жемчужную росу.

Но вот он вспомнил нежный голос вдруг,—
Душа на части раскололась вдруг.

Почудился ему ее напев,—
Исчез Бахрам, в небытии сгорев,

И ожил вновь, предав себя тоске
По ямочке на розовой щеке.

Чуть видный тонкий стан пред ним возник,—
Бахрам заволновался, как тростник.

На серебро грудей посмел взглянуть,—
И слезы стали тяжкими, как ртуть.

Он вспомнил, как держала чанг она,—
Оборвалась нить жизни, как струна.

Он заболел, а лекарь не помог.
«О, неужели это я, мой бог,—

Он плакал,— неужели это я,
Кто превращал дракона в муравья?

Теперь иной господствует закон:
Я — муравей, а страсть моя — дракон.

Я ль это? Прежде, грозен и суров,
Я побеждал неукротимых львов,

Теперь, как маленький мышонок, слаб,
Я не избег страданья львиных лап.

Я ль это? Прежде, возглавляя рать,
Я заставлял китайцев трепетать,

Теперь в моих войсках не счесть потерь,
Разбит я китаянкою теперь.

Я ль это? Был я наделен в былом
Терпеньем, верой, силой и умом,

Сносил беду с достоинством не раз.
Перед каким же воинством сейчас

Я должен голову склонить и пасть?
Ужасной силой обладает страсть!

Ее войска я вижу наяву.
Как мне назвать их? Ночью назову!

Но так ли ночь грозна, черна, долга?
Несметно войско моего врага:

То войско ночи. Эта ночь длинней
Душистых кос возлюбленной моей!

Нет, для меня — могила эта ночь,
И труп мой поглотила эта ночь.

Ты, небо, чтоб заснул я мертвым сном,
Меня в могилу бросило живьем,

Свое копье направило в меня,—
Зачем не обезглавило меня?

О полчища несметные мои,
О слуги безответные мои,

Я видел ваши головы в пыли,
У ног своих: так службу вы несли.

Я стал для вас источником щедрот.
Мои права никто не отберет.

Хвалились вы не раз: как благодать
Вы за меня готовы смерть принять.

Так где же вы? Где ваш двуострый меч,
Зачем вы не бежите в пламя сеч?

Так где же вы? На поле вышли вы?
Из подчиненья, что ли, вышли вы?

Пусть быстрый меч в мою вонзится грудь,
Чтоб, жизнь отняв, покой душе вернуть!

Не допущу, чтобы одна любовь
Без наказанья проливала кровь:

Вам право я такое же даю,—
О слуги, уничтожьте смерть мою.

Друзья по брани,— постоянство где?
О мусульмане,— мусульманство где [17]?

Убив меня, найдете путь к добру:
От мук избавлюсь я, когда умру!»

Так плакал шах Бахрам в степном шатре.
Когда запела птица на заре,

Бахрам без чувств лежал в крови, в пыли...
Бесплотной тенью мы б его сочли!

Тоска и ужас обуяли слуг,
Когда открылся им его недуг,

А между ними, что ни говори,
Имелись полновластные цари!

И каждый шах страны и каждый бек,
Простой слуга и знатный человек

Стояли с непокрытой головой
И выщипанной в горе бородой [18];

Но, видя: если плакать день и ночь,
Нельзя недуг опасный превозмочь,—

Собрание созвали, наконец,
И долго толковали... Наконец

Сошлись на том, что здесь, в глуши степной,
Не должен оставаться их больной.

Врачи нашли: здесь воздух нехорош,
Больного этим воздухом убьешь,

К тому ж за ним необходим уход,
А здесь больной удобства не найдет.

И люди шаха в город понесли,
Свой разрывая ворот, понесли

И поместили в розовом саду.
До вечера метался шах в бреду...

Едва царя лишается престол,
Народ находит время для крамол.

Беспомощное, в пламени горя,
Трясется тело бедного царя.

7

Хотя воссел Бахрам на свой престол,
Он до́ ночи в сознанье не пришел.

Он был убит, он был сожжен тоской:
Престол казался гробовой доской.

С престолом ты связал свою судьбу?
В конце концов окажешься в гробу!

Вот опустился занавес ночной.
Почуял запах мускуса больной.

Очнулась шаха скорбная душа,
Ночными благовоньями дыша.

Открыв глаза, мгновенье помолчал,
И вдруг он громким криком закричал.

Возлюбленной он вспомнил лунный лик!
И стон его, и вздох, и плач, и крик

Пронзили небо в чуткой тишине,
Затрепетали звезды в вышине.

Как острый меч — его тоски глагол:
Он звезды, очи неба, проколол.

Подула буря вздохов тяжело,
В движенье мира колесо пришло,

И встала на пороге смерть сама,
Увидела, что шах сошел с ума!

Ослаблен был его ущербный мозг —
В руках недуга мягким стал, как воск.

Уже Бахрам свой пламень погасил.
Уже для стонов не хватало сил.

Уже смятенье кончилось. Уже
Несчастный был на смертном рубеже.

Не слышно было голоса его.
Лишь иногда с престола своего

Он голос подавал. В тоске, в слезах
По временам просил о чем-то шах,

И просьба стоила ему труда,
Но разума в ней не было следа.

Утратили друзья надежды все,
Порвали на себе одежды все!

Чтобы вернуть ему сознанья свет,
Столпы страны собрали на совет

Врачей царя, четыреста числом,
Прославленных высоким ремеслом,

И вот какие речи повели:
«Наш господин, владыка всей земли,

Свое здоровье вверил вам, покой,
Вас награждая щедрою рукой.

Окружены заботами его,
Награждены щедротами его,

Вы жили здесь, не ведая нужды,
С единой целью: чуть рука вражды

Коснется шаха, волей неба вдруг
Придет жизнегубительный недуг,—

Его недуг должны вы устранить,
Чтоб шахской жизни вновь окрепла нить.

Так знайте же: настал несчастный час,
Без промедленья мы призвали вас.

Обласканы вы милостью царя.
Борьбу начните с хилостью царя,

Он много сделал подданным добра.
Теперь, у смертного его одра,

Обязан каждый шаху послужить —
И вы должны старанье приложить!

Когда ему грозил мятежный враг
Иль ополчался зарубежный враг,—

За шаха смело мы бросались в бой,
Гордясь, что можем жертвовать собой,

Царю царей служа всегда, везде.
Теперь, когда Бахрам в такой беде

И тьма в уме расстроенном его,—
Уподобляйтесь воинам его:

Рассейте царского безумья мрак!»
Врачи, подумав, отвечали так:

«Услышали мы истину от вас.
Сердца́ призыв о помощи потряс.

Однако тот, кто без ума влюблен,
Не будет врачеваньем исцелен.

К тому, кто сломлен муками любви,
Ты лекаря с лекарством не зови,

Его огонь, без помощи врачей,
Залить сумеет близости ручей.

Кто полюбил, тот пламенем палим,—
Мы снадобья со щепками сравним.

Но все ж борьбу со смертью поведем,
Когда пойдем усердия путем.

Должны мы отыскать в короткий срок
Лечения основу и уток.

Недуг любви должны мы побороть,
Чтобы опять здоровой стала плоть.

Однако знайте: только божество
Сумеет разум прояснить его».

Так порешив, немедленно, в ночи,
Леченьем шаха занялись врачи,

Попеременно находясь при нем,
По-разному борясь с его огнем.

Одни, молитву слезную творя,
Просили бога вылечить царя,

Входили с приношеньем в божий храм,
Дирхемы [19] раздавали беднякам.

Другие волхвованьем занялись,
Волшебным заклинаньем занялись,

Старались джинна криками прогнать [20],
Чтоб властелин покой обрел опять.

Для третьих сочетание светил
Казалось важным. Каждый обратил

К пластинкам астролябии [21] свой взор,
Судьбы прочесть желая приговор.

Четвертые алоэ жгли, стремясь
Спасительную приготовить мазь,

Изобретали яства и питье —
Усердно дело делали свое.

Блаженны духом, с думой на челе,
Себе не зная равных на земле,

Четыре сотни сведущих врачей
Трудились, не сомкнув своих очей,

Трудились не напрасно лекаря:
Рассеялось безумие царя,

Под благостным воздействием наук
Стал менее мучительным недуг,

Частичного здоровья шах достиг,
Луч разума в безумный мозг проник.

Сказали врачеванья знатоки:
«Теперь избавим шаха от тоски.

Лечили мы и холили его —
Спасем от меланхолии его.

Как быть нам с одиночеством его?
Займем искусным зодчеством его!

Он телом слаб, и взгляд его угрюм,—
Займем постройкой зданий скорбный ум,

И созерцанье зодческих работ
Успокоенье шаху принесет.

Когда строитель, мыслью вдохновлен,
Покажет свой дворец со всех сторон,

Когда покажет смелый он чертеж,
Где старое и новое найдешь,—

Забудет шах любви опасный зов,
Весь поглощен строительством дворцов!»

Решив, что мысль такая хороша,
Больного шаха исцелить спеша,

Сановники одобрили врачей...
И вот узнали семь земных царей,

Что заболел тоской великий царь.
И так как был для них владыкой царь,

То все отправились в его чертог —
Ресницами мести его порог

И днем и ночью состоять при нем!
И каждый шаху верным был рабом,

И каждый клялся дружбою своей,
Гордился каждый службою своей,

Бахраму угождал, как только мог,
В надежде, что, когда поможет бог,

Пойдет о них в народе добрый слух,
Шах наградит вернейшего из слуг.

Когда постановили мудрецы
Построить небывалые дворцы,—

Тогда цари семи частей земли
К согласному решению пришли:

Усердье проявив, молясь творцу,
Они построят каждый по дворцу —

Изящества он будет образцом,
Творения сияющим венцом,

А шах больное сердце развлечет,
Следя за ходом зодческих работ.

Бахрам слова их принял в добрый час:
Его согласье — милость и приказ...

Тянулись от столицы семь дорог.
По ним народов двигался поток,

Дороги эти длинные вели
К столицам всех семи частей земли.

В начале каждой из семи дорог
Воздвигнуть было решено чертог.

Строителей не молкли голоса
И шумом оглушали небеса,

А те дарили им свои лучи,
Из солнца создавая кирпичи.

И говорили, их труды хваля:
«Семь райских кущ вместит в себя земля!»

Дворцы росли, меняясь на глазах,
И, созерцая их, увлекся шах.

Вот, проявив усердье, наконец
Закончил каждый зодчий свой дворец.

Покуда шло строительство, Бахрам
Дивился башням, лестницам, стенам,

Многоискусных зодчих мастерство
Целебным средством стало для него.

Могучие дворцы достигли туч,
Но каждый зодчий тоже был могуч,

Свою работу каждый кончил в срок,
Украсились дворцами семь дорог...

Вот улеглось смятение любви,
Утихло наваждение любви,—

Но тут работы кончились, и впредь,
Казалось, шаху не на что смотреть.

Но молвили четыреста врачей,
Премудрости четыреста свечей:

«Еще одно лекарство нам дано:
Искусством называется оно.

Художники, прекрасного творцы,
Пусть разукрасят царские дворцы,

Их живопись, волшебна и нежна,
Для шаха стать целебною должна.

Пусть вдохновенье, озарив сердца,
Распишет стены каждого дворца,

Окрасив их в один и тот же цвет
Снаружи и внутри,— вот наш совет».

Вот привели сановники Мани,
И молвили художнику они:

«Ты создал кистью множество картин,
Явил ты всем художество картин,

Искусства красок ты вершиной стал,
Услады царской ты причиной стал,—
Здоровья царского причиной будь,
А мы тебе укажем верный путь.

Перед тобою — семь дворцов, Мани.
Немедленно их украшать начни,

Их распиши снаружи и внутри,
Но семь цветов различных избери.

Тебе не скажем: «Так, мол, распиши»,—
Ты следуй лишь велениям души;

«Не делай так!» — ненужные слова.
Не станем нарушать твои права,—

Так распиши, как пожелаешь сам».
Художник, руку приложив к глазам,

Ответил: «Хорошо. Вот мой приказ:
Все нужное доставьте мне тотчас».

И каждый по приказу поступил,
И мастер к делу сразу приступил.

Из всех земель Бахрама и держав,
Художников искуснейших созвав

И тех, кто позолоту наводил,—
Для каждого работу находил.

На семь отрядов их разбил Мани;
В семи дворцах работали они,

А сам учитель поспевал везде:
Он — вдохновитель их в святом труде.

Искусством увлечен, по всем дворцам
Ходил с утра до вечера Бахрам,

Картины целый день обозревал,
И в каждой новый мир он открывал.

Он о своей кручине забывал,
Он бытие в картине познавал!

Пленила сердце роспись мощных стен,
Забыло сердце свой любовный плен.

Прошло немного времени, и вот
Величественны, как небесный свод,

Окрашены в различные цвета,—
Дворцы готовы: прелесть, красота

Сюда из райских перешли садов,
И стали семь дворцов — семи цветов!

Хотя в душе Бахрама не погас
Огонь любви, он ослабел сейчас.

Тогда сказал врачей высокий круг:
«Нашли мы средство устранить недуг.

Семью дворцами обладает шах,—
Семь гурий поселим в его дворцах.

Подчинены Бахраму семь царей,
Отцы семи красавиц-дочерей.

Царевны эти — гуриям сродни,
Бахраму будут женами они.

Их музыкой, их пеньем опьянен,
Он будет их любовью исцелен».

Державы многодумные столпы
К семи царям направили стопы,

Нашли семь гурий, чудо из чудес,
Семь ярких солнц за пологом небес,

Семь бедствий мира, семь его даров,
Сознанья разрывающих покров,

Семь ясных звезд,— а блеск их нужен всем
В ларце невинности — жемчужин семь!

Да, звезды, но сокрыт их нежный свет,
Жемчужины, но в них отверстий нет!

Не только слово — самый тонкий стих
Изобразить не в силах прелесть их!

Когда узнали семь земных царей,
Каков совет премудрых лекарей,

То поразились: в голову царям
Ни разу не пришло, что шах Бахрам

К себе в гарем возьмет их дочерей!
Но, выслушав посланцев, семь царей

Ответили с покорностью в очах:
«Поступим так, как соизволит шах,

Мы — капли малые в его морях,
Мы — под ногами шаха бренный прах,

Пылинки мы: возшес он к солнцу нас.
К чему согласье наше иль отказ?

Он — царь царей, он украшает мир!..»
И каждый свадебный устроил пир.

Когда же наступил конец пирам,
Семи красавиц мужем стал Бахрам.

И каждая вступила в тот дворец,
Который строил для нее отец.

И вот, согнав с лица Бахрама тень,
Врачи установили час и день,

Когда, в какой дворец ему входить,
Кого из обитательниц почтить.

Сказали: «Вот зашел заботы день,
А завтра предстоит субботы день.

Для шаха счастлив этот день всегда:
В зените в этот день его звезда.
Пусть мускусом поит его газель,
В гареме черном постелив постель».

СУББОТА

Бахрам в Черном дворце

Когда за светлой камфарой [1] завес
В субботу утром ночи мрак исчез,

Шах в мускусный дворец решил вступить,
Вина с гашелью мускусной испить.

Дочь Индии, чьи губы — жизни цель,
Зови ее: китайская газель,

Явилась в одеянии ночном:
Горели звезды-жемчуга на нем.

На трон в одежде мускуса взошла,
На черном троне воцарилась мгла.

Она сияла в этой мгле ночной,
Она казалась круглою луной.

Весь в черном, к луноликой шах взошел,
Воссел потомок Джема на престол [2],

Воссел с луной своей наедине:
Завидовало солнце той луне!

Все было амброй [3] там напоено,
Благоухало мускусом вино.

Но вот на землю сумерки легли,
Закрыли темной амброй лик земли.

Отраду всем суббота принесла,
Лишь властелину — муки без числа.

Мрачнели очи скорбные царя...
Объятья допуская, лекаря

Велели целомудрие блюсти
И дальше поцелуев не идти.

Об этом знала светлая луна:
К Бахраму не приблизилась она.

Лекарство для него нашли врачи:
Веселье — днем и долгий сон — в ночи.

Но шах такой печалью был пронзен,
Что улетел от глаз в испуге сон.

Красавица ушла к себе в покой,—
Бахраму опротивел мир земной.

Метался и стонал несчастный шах:
О вьющихся он грезил волосах,

О пери, похищающей сердца,
И томным грезам не было конца.

Поняв: убьет бессонница его,
Ночь муками не тронется его;

Бахрам, жслая заглушить недуг,
Велел, чтоб двое или трое слуг

На поиски пошли в ночную тьму —
Ночного гостя пригласить к нему.

«В мой дом, где скорби раздается стон,
Да будет первый встречный приведен:

Быть может, мой утешит разум он,
Развеселит меня рассказом он,

Быть может, сон в мои глаза войдет,
Душе даруя отдых от забот».

И слуги сразу путника нашли,
Блуждающего по лицу земли.

Он был к Бахраму приведен тотчас.
«Садись!» — он шаха услыхал приказ,—

Отраду принеси беседой мне,
Сказанье мудрое поведай мне!»

Тот поступил, как приказал Бахрам:
Почтительно припал к его стопам,

В молитвах шаха помянул не раз:
«Твою тоску развеет мой рассказ!»

Прочтя молитву, произнес зачин:
«Был или не был некий властелин...»

Рассказ путника, приведенного с дороги в Черный дворец

«В Индийском царстве был когда-то встарь
В делах правленья мудрый государь.

Не знал он войску своему числа,
Казна его бессчетною была.

Мечом поверг он в ужас целый мир,
Пред ним дрожал Китай, дрожал Кашмир[4].

Звалась его столица Серендиб[5],
Его слугой мы небо счесть могли б.

Соседним шахам зависть он внушил,
Смертельным страхом шахов устрашил.

Он был грозою сопредельных стран,
Величественно правил Джусрат-хан.

Был у него один любимый сын,
Побег от корня, сердца властелин.

И первенствовал юноша во всем,
Ученостью сияя и умом.

Он был отрадой старого отца,
И подданных он озарял сердца.

Природой был он взыскан, сочетав
Приятное лицо и добрый нрав.

У сверстников главенства он достиг,
В искусствах совершенство он постиг.

Один лишь путь он знал среди путей:
От огорченья избавлять людей.

Он знал: надежней всякого щита
Богобоязненность и чистота!

Для ближних всем пожертвовать готов,
Обрел он в ближних преданных рабов.

Глаза ласкал он взглядом, речью — слух.
Вот имя сына ханского: Фаррух.

Султанствовал отец, не зная бед,
Своей страной он правил сорок лет.

К восьми десяткам подошли года,—
Вкус к жизни он утратил навсегда:

Решил покою старость посвятить,
Сыновним светом сумрак осветить,

Фарруху государство передать,
Престол, венец и царство передать,

Китая роскошь, Индии дары...
Но сын чуждался этой мишуры.

Фаррух стремился к бедности святой,
Богатство, власть считал он суетой;

Он склонности к женитьбе не питал,
А хан Джусрат женить его мечтал.

И вот однажды ночью, совершив
Моленье творцу, благочестив,

Фаррух смиренно сотворил поклон.
И на глаза его под утро сон

Внезапно совершил набег лихой.
Бесплотных сновидений чистый рой

Увлек Фарруха по степной тропе,
Увидел он себя в густой толпе.

Увидел он: потерян людям счет,
К единой цели путников влечет.

В движении был этот шумный люд,
И небосклон, горбатый, как верблюд,

Носилки чьи-то над толпой качал.
Завесы черный бархат источал

Свой мускус, как джейрана железа.
Увидели царевича глаза:

Восточный ветер широко дохнул,
Как облако, завесу распахнул,

Явилась пери, все животворя,—
Не пери, а восточная заря.

И вот Фаррух лучом зари сожжен,
Сияньем пери в пепел обращен!

Взглянуть он хочет вновь, лишенный сил,
Но бархат облачный зарю закрыл.

Тогда услышал он, огнем палим,
Что эта степь вела в Ерусалим...

От сна внезапно пробудился он:
Дыханьем горя был развеян сон.

Росла неимоверная печаль,
Великая, безмерная печаль.

Сказал: «Мне должен мысли свет помочь,
Не то меня любви погубит ночь».

И мысль зажглась решением таким:
Отправиться скорей в Ерусалим,

Идти, искать, чтобы в конце пути
Любовь или погибель обрести!

Когда сложило небо свой шатер,
Когда раздуло утро свой костер

И день открыл благословенный лик,
К ногам отца Фаррух с мольбой приник:

«Отец! Мое желанье — видеть свет,
И подавить желанье — силы нет.

Похитила мой разум эта страсть,
Приходит страсть — теряет разум власть.

Когда унять мою ты хочешь боль —
Отправиться в дорогу мне позволь.

А не позволишь — все-таки уйду,
А не уйду — покоя не найду!»

Старик отец в волнение пришел,
Рукой, дрожа, вцепился он в престол,

Боясь лишиться сердца своего...
Сказал: «Частица сердца моего!

Ты о разлуке говоришь? Молчи!
Стрелу разлуки в сердце не мечи!

Стать завтрашним дано сегодня мне.
Обитель предстоит господня мне.

Меч скорби спрячь в ножны: я сам умру.
Удары не нужны: я сам умру!»

Ужасным стоном застонал Джусрат,
Но сына страсть безгласная стократ

Была сильней, чем громкий этот стон.
Старик заплакал, горем потрясен;

Но тот огонь, который сына жег,
Отец слезами погасить не мог,

Не мог от страсти сына исцелить...
Велел он половину отделить —

Для сына не жалея ничего —
Своих сокровищ, войска своего,

Фарруха в дальний снарядить поход,
Убранством царским изумив народ.

С душою тело потеряло связь:
Хан зарыдал, со странником простясь,

Исполнился тревогой скорбный дух,—
Томлением исполнился Фаррух.

За городом он город обходил,
Днем, ночью, в жар и холод он ходил,

Холм за холмом топтал, за долом дол,
Нигде, нигде покоя не обрел!

В те времена, когда хотел народ
Вокруг святыни совершить обход,

Каабой делал он Ерусалим [6].
Паломников поток, неизмерим,
Со всех сторон пустыню наполнял,
Со всех сторон святыню окружал.

Святого места и Фаррух достиг.
В смирении лицом к земле приник,

И плакал, и пылал он, как свеча,
Была его молитва горяча,
У господа просил он об одном:
Соединить его с чудесным сном

И сердцу и глазам покой вернуть,
Открыв к прекрасной пери верный путь.

Текли страданья слезы по лицу,
А дни паломничества шли к концу.

Все расходились по домам своим,
И с каждым днем пустел Ерусалим.

Фаррух людских не слышал голосов,
Но вдруг, во сне, к нему донесся зов:

«Коль хочешь цели ты достичь,— пора
В дорогу: ты в Халеб [7] ступай с утра!»

Фаррух проснулся, тяжело дыша:
Надеждой вновь охвачена душа.

Метнул он в сторону Халеба взгляд:
Тьмы тем паломников текли назад,

Предела не было толпе людской,—
Воды не хватит ей в степи глухой!

Фаррух, велев стрелков своих собрать,
Обратно в Индостан отправил рать,

Лишь сотню слуг оставив при себе:
Он снизошел к их преданной мольбе.

В свои одежды царские одет,
Исполнил он таинственный совет,

Пошел и Халеб, закончив свой таваф[8],
Страданье паперсником избрав.

Фаррух пустился вольною тропой,
Смешался с богомольною толпой.

Влачил свой страннический жребий он,
И очутился так в Халебе он.

Шумел огромный город, как поток,
Всех жителей своих вместить не мог.

Царевич словно очарован был,
К носилкам взгляд его прикован был.

По шумной улице они плыли,
Качались на верблюдице они.

На них завеса та же, что во сне,—
Фаррух почувствовал себя в огне!

Внезапно ветер, как во сне, дохнул,
Завесы черный бархат распахнул,

И солнце светом ослепило тьму —
То солнце, что привиделось ему!

Но теплый ветер вновь подул слегка,
И снова солнце скрыли облака.

В глазах Фарруха белый свет потух.
Когда ж пришел в сознание Фаррух,

Была большая улица пуста...
Молчаньем он замкнул свои уста,

Решил он скрыть от воинов и слуг
Душевного бессилия недуг.

Он думал: горек будет мой позор,
Когда проникнет в горе чуждый взор,

Пусть в пламени сгорят душа и плоть,
Я должен пламя скрыть и побороть!

Но, скрыв от всех горение свое,
Явил он всем борение свое,

В отчаянье он спутников поверг.
А между тем горячий день померк,

И караван решил на отдых лечь.
Но всех Фарруха изумляла речь,

Страдальца слов никто не понимал,
А он друзьям рассеянно внимал.

До боли стало людям жаль его,
Их опечалила печаль его.

Но вот шатры теней раскинул сонм.
Затих Фаррух, объятый грустным сном,

Царевича тоской потрясена,
Сдалась в полон вся свита сонмам сна.

Но холоден полночный полог был,
А сон царевича недолог был.

Вошел огонь любви в его нутро...
Он встал, достал бумагу и перо

И написал товарищам своим:
«Воистину наш мир непостижим,

Его пути превратностей полны,
В своих желаньях люди не вольны.

Я чту предначертание свое:
Хочу найти мечтание свое!

Искавший предназначен мне удел,
Скитавший неизвестен мне предел.

Так труден и туманен жребий мой,
Что речь моя становится немой!

Зачем привел я на чужбину вас?
Я странник, я теперь покину вас,

А вы уйдите из чужой страны,
Разыскивать меня вы не должны.

Напрасно не стучитесь в каждый дом:
На родине друг друга мы найдем.

Я жизнью сыт по горло, но клянусь:
В живых останусь — в Индию вернусь,

Умру — отчизна милость мне пришлет...
Домой идите, мир вам и почет!»

Страницу горя он свернул, скорбя,
На ложе положил взамен себя.

Он царскую одежду сбросил с плеч,
В ткань грубую спеша себя облечь.

Палас[9] накинув на себя, как ночь,
Пошел он быстро от стоянки прочь.

Мучительной любовью одержим,
Носился он по улицам ночным,

Кружился, не встречая ни души,—
Вдруг баню видит он в степной глуши.

И пепел печи странника привлек:
Накрылся он паласом и прилег.

Хотя вблизи — потухшая зола,
Но в пламени душа его была:

Кому не посчастливится в любви,
Тот жертва нечестивицы-любви!

Когда же утро озарило всех,
Свой горн поставив и раздув свой мех,

Упали на шатры лучи небес.
Проснулись. Где Фаррух? Фаррух исчез!

Тут обуял испуг несчастных слуг,
Кто побежал на север, кто на юг,

Искали двое суток — не нашли.
Пришли, нашли записку и прочли.

И поняли: конца мытарствам нет,
Недуг тяжел — пути к лекарствам нет:

Царевича разыскивать нельзя!
Оплакивали верные друзья

Птенца, покинувшего отчий дом.
Но люди, вскоре убедившись в том,

Что им сейчас утраты не вернуть,
Пустились в Индию, в обратный путь,

Не зная, что Фаррух глядит им вслед,
Передавая родине привет.

Увы, сожгла царевича гроза:
Его сгубила девичья краса!

Из знатности в ничтожество он впал,
И в бедность из вельможества он впал.

Им овладели тысячи кручин:
Здесь множество людей, а он — один.

Распался на две части мир земной:
В одной — весь род людской, Фаррух — в другой.

Как мог он исцелить себя, когда
Исчез источник боли без следа?

Метался он по городу — нигде
Исхода не нашел своей беде,

Конца и края — толпам городским,
Числа и счета — улицам чужим:

Запомнить их не в силах человек,
Хотя бы он топтал их целый век!

Кто б сосчитал песчинки всех песков?
Поболе было в городе домов!

Кто б сосчитал травинки всех степей?
Поболе было в городе людей!

Блуждал по улицам Халеба он,
И вкус забыл воды и хлеба он.

Так о голодных люди говорят:
«Кто голодает, тот вкушает яд».

Чужбины жалким пленником он стал,
Мученья соименником он стал.

Легло так много тягот на него,—
Не знал, что разом лягут на него!

Гляди: немало в мире странных дел,—
Он выбрал удивительный удел:

Хотя он роскошь отвергал не раз,
Ужасен был от роскоши отказ.

Хотя он ясно цель свою постиг,
Он к ней не приближался ни на миг!

Сказал: «Довольно! Пусть я одинок,
Пусть нет со мной людей, со мною бог.

На розыски пойду, пока живу,
Свой сон опять увижу наяву!»

И встал он и пошел по площадям,
Куда пошел, того не ведал сам.

Любовью сыт, без пищи он ходил,
В страданьях силу нищий находил,

Блуждал он трое суток без еды,
Стал рыбой, вытащенной из воды.

Один, один средь множества он был,
И горький хмель убожества он пил.

Он стал несуществующим почти,
Не мог уже по улицам брести!

К развалинам побрел, не чуя сил,
И голову на камень положил,

Сказав: «Увы, к чему мне голова!»
В нем пламя жизни теплилось едва,

И, натянув на голову палас,
Лишился он сознания тотчас.

В те дни в Халебе знатный жил купец.
Шел слух по царству, из конца в конец,

Что он терял своим богатствам счет.
Снискал он уваженье и почет.

Он каждому был рад помочь в беде,
Гостеприимством славился везде.

Отзывчива была душа его,
И милостиво, щедро естество.

Кто был знаком ему, кто незнаком,—
Равно входил в его открытый дом.

Лились благословения стихи
На богача, а звался он Ахи.

Часы и дни угадывал купец,
В развалины заглядывал купец,

Больных и слабых в хижинах найдя,
Несчастных и обиженных найдя,

Их подбирал, как добрый пастырь, он,
Накладывал на рану пластырь он,

Бродяг и нищих приводил в свой дом,
Сердца сограждан наполнял стыдом:

Пусть многие краснели за него,
Его благословляло большинство!

Итак, великодушья образец,
Однажды город объезжал купец,

На улицу, пустынную забрел,
Развалину старинную нашел.

Желтели камни дряхлые вокруг,
На тех камнях был распростерт Фаррух.

Находкой осчастливленный богач,—
Иных он ведать не хотел удач,—

Спросил, сойдя с усталого коня,
Свое лицо к страдальцу наклоня:

«Кто ты? Какое горе ты вкусил?»
Фаррух поднялся из последних сил,

Открыл глаза и произнес в ответ
Чуть слышный, но почтительный привет.

Сказал: «Купец! Во имя всех святых
Не требуй откровенных слов моих,

Не то тебя сломает мой недуг,
Моим огнем воспламенишься вдруг!»

Ахи, увидев этот лунный лик,
Услышав этот пламенный язык,

Заплакал в простоте своей души:
Не ожидал, что встретит он в глуши

Телесную такую красоту,
Душевную такую чистоту!

Решил: его мученье — глубоко,
Его происхожденье — высоко,

Так этот нищий светел и красив!..
Ахи, о нем заботу проявив

И посадив с почетом на коня,
Доставил бедняка к исходу дня

В свое гостеприимное жилье;
Он подал гостю яства и питье,

И тот, купца благодаря за честь,
С большой охотой стал и пить и есть.

Ахш, в подходах тонких изощрен,
Стал подходить к нему со всех сторон,

Но гостя тонок был ответ любой,—
Вопрос опять рождался сам собой.

Купца обезоружил он вконец,
Не мог загадку разгадать купец:

Откуда гость? Куда пойдет отсель?
И уложил он странника в постель.

А тот, с тоской любви наедине,
Вздыхал, рыдал в глубокой тишине.

Всю ночь немолчно плакала любовь,—
Наутро молчаливым стал он вновь:

В покои для гостей, как учит долг,
С приветствием вошел он — и замолк.

Но встречен был он радостно купцом:
Утешен был купец его лицом,

На гостя бросил он радушный взгляд,
Богатый предложил ему наряд,

Но получил он вежливый отказ:
Скитальцу дорог был его палас.

Не стал хозяин гостя принуждать,
Решил беседы откровенной ждать.

Так несколько сменилось быстрых дней.
Привязываясь к гостю все сильней,

Ахш к нему приставил верных слуг.
Проникли в их настороженный слух

Ночные вздохи гостя, тихий плач.
Узнал о стонах странника богач.

Когда все люди отошли ко сну,
Купец Ахи приблизился к окну

Того покоя, где лежал Фаррух.
Какая скорбь ему открылась вдруг!

Стонал и плакал странник, не стыдясь,
Но стоны заглушал, людей боясь.

Ахи был этим плачем потрясен:
И он был жертвою скорбей, и он,

Богатством удивлявший весь Халеб,
Не раз познал гонения судеб!

Крик состраданья он сдержал едва,
Услышав гостя горькие слова.

Старался он значенье их понять.
Гость бредил: то свою он кликал рать,

То вспоминал он родину свою,
То вспоминал, что он в чужом краю,

То жалобно к возлюбленной взывал,
То о любви погубленной вздыхал.

Ахи подумал: «Кто же здесь лежит?
Он к царственной семье принадлежит!

Над ним горит величья ореол,
Он сам себя до нищеты довел.

Каким лекарством вылечить его?
Нельзя постичь болезни существо!

Как разум свой на помощь ни зови,—
Разнообразны бедствия любви:

Любовь иная — и беда в ином...
Быть может, напоить его вином?

От хмеля, нищенствуя, он отвык,
Вино развяжет страннику язык!»

Когда надело утро, до жары,
Чалму зари, халат из камфары,

Вошел Ахи в покои для гостей,
Велел позвать Фарруха поскорей.

И за полдень беседовали там,
И купанья отведывали там

Богач-купец и странник молодой,
Довольные беседой и едой.

Но вот к закату стал склоняться день.
Прохладой вея, удлинялась тень.

Велел хозяин принести вино
И кликнуть музыкантов заодно,

Как бы решив упиться допьяна
Игрою музыкантов и вина.

Вот нежный кравчий весь обходит стол.
Ахи привстал, к подносу подошел.

Он чашу, поклонившись, осушил,
Другую, поклонившись, предложил

Задумчивому гостю своему.
Царевич так обязан был ему,

Что, огорчить не смея богача,
До дна всю чашу выпил сгоряча!

Закончил первый кравчий свой обход,—
Второй гостей обходит в свой черед.

Так несколько прошло хмельных кругов,—
Не стало больше трезвых языков:

Чуть в головы ударило вино,
Как развязало языки оно!

Веселые запели голоса,
И здравицы взлетели в небеса.

Врывались в пенье крики, говор, смех,
Хмельная чаша победила всех,

Узду порядка вырвала из рук,—
И становилось все шумней вокруг;

Ахи от суеты устал такой,
Скитальца в дальний он увел покой.

Казался гость смущенным, был он слаб,
Хозяин землю целовал, как раб.

У гостя волю отняло вино,
Завесу тайны подняло оно:

Далекую отчизну вспомнил он,
Он вспомнил свой непостижимый сон,

Он вспомнил, сколько горя перенес,
Излил он много жарких слов и слез...

Ахи, преследуя благую цель,
Почти не пил; его не тронул хмель.

Повел он с гостем, скрытным до сих пор,
Искусный и приятный разговор.

Царевичу расставил он силок,
И тайну он из уст его извлек:

Он выведал у гостя наконец,
Что славный хан Джусрат — его отец,

Что стал бы он владыкою племен,
Но был он тяжкой скорбью потрясен,

Что полюбил он девушку во сне,
Что стал скитаться по чужой стране,

Что этот сон лишил Фарруха сна,
Что, без сомненья, здесь живет она,

Что ищет он любимую свою,
Мечту непостижимую свою!

Сказал ему купец: «О раб любви,
Красавицы приметы назови!»

Вином и горем сломленный Фаррух
Стал вспоминать ее приметы вслух,

Не зная, что терзает он купца,
Ему наносит раны без конца.

С трудом с собой хозяин совладал.
Он сразу по приметам угадал:

Красавица была не кем иной,
Как целомудренной его женой!

Фарруха опалила та свеча,
Что освещала спальню богача!

Когда купец отзывчивой душой
Постиг безумие души чужой,

Причину мук царевича постиг,
Он, сердцем благороден и велик,

Так рассудил: «Покинув царский дом,
Фаррух пошел скитальческим путем,

Оставил он сокровища свои
И сделался искателем любви.

Идет он по чужбине, терпелив,
Любовь от мира в сердце затаив.

О, кто, как он, в разлуке изнывал?
Никто подобной муки не знавал!

Смерть стала у Фарруха на пути.
Ужель я не могу его спасти?

Ужель неблагородно поступлю,
Сокровище свое не уступлю?
Ужель неисцелим недуг такой?
Ужель я не найду жены другой?»

Тут мягко молвил мудрый сердцевед.
«О юный путник, слушай мой ответ:

Обрадуйся, гони ты горе прочь,
Твоей беде нетрудно мне помочь.

Та, что тебя из дому увела,
Чья красота сожгла тебя дотла,

Хотя и стала мукою твоей,
Она — одна из близких мне людей.

Тебе сейчас к любви открою путь,
Лишь слову моему послушен будь».

Царевич, не сдержав счастливых слез,
Упал к ногам купца и произнес:
«Как смею отвергать твои слова?
Тебе моя покорна голова!

Послушен я приказу твоему,
Твое лекарство с радостью приму!»

Был каждый разговором потрясен,
Вино и ночь их погрузили в сон.

Вот, проповедь услышав петуха,
Заря-невеста ищет жениха.

От сна проснулись чистые сердца.
Фаррух направился в покой купца,

Подумав: «Слово должен он сдержать,
Когда от слова не ушел он вспять.

А я любому слову подчинюсь,
Не то пред ним неправым окажусь».

Отправил в баню странника Ахи,
Чтоб тот с себя разлуки смыл грехи.

Фаррух, оттуда выйдя, как заря,
Увидел одеяние царя.

Опять Навшада[10] месяц молодой
Всех ослепил великой красотой:

Он сбросил цвета ночи свой палас,
Надел одежды царские тотчас.

Фарруха дожидался конь гнедой.
Сев на коня, помчался он домой.

Мы будем правы, если назовем
Дом богача не домом, а дворцом!

Дивился гость: прекрасен был дворец...
Вошел в покои гурии купец.

Красавица навстречу поднялась,
Сто прелестей рассыпала, смеясь,

Мила, игрива, ласкова, скромна.
Ахи присел; присела и она.

Он мысль в оправу тонкую облек:
«Бессилен человек, всесилен рок.

Покуда к нам был милостив Аллах,
Не знали горя мы в своих сердцах,

И наша близость радовала нас,
Но пробил расставанья тяжкий час.

Подругой дорогой ты мне была,
Супругой и душой ты мне была,

Нерасторжимой мнилась наша связь,—
Теперь простимся, богу помолясь,

Пред ним покóрно головы склоня:
Нет выбора иного у меня!»

Был приговор внезапен и суров.
Красавица не находила слов.

Любимый муж отрекся от жены:
«Отныне мы с тобой разведены».

Придя в себя, заплакала она:
«Открой мне: в чем и где моя вина?

Меня бросаешь, сердце мне разбив,
О, почему ты так несправедлив!»

Но столько тонких слов нашел он вновь,
Но выказал такую к ней любовь,

Но столько денег в отступное дал,
Богатство и добро такое дал,

Сказав: «Теперь женой себя зови
Того, кто шах в отечестве любви,

Луна в сиянии султанства он,
Звезда на небе постоянства он!»

Он столько гостю расточил похвал,
Притом жену кинжалом устрашал,

Что слезы у несчастной унялись,
Смирился тонкостанный кипарис,—

Пред всем, что ниспослала ей судьба,
Смирилась луноликая раба!

Ахш, чья втайне мучилась душа,
Ушел, деянье завершить спеша.

К сокровищам спустился он в подвал
И деньги, не считая, он достал,

Открыл он склада своего замок,
Но-царски все устроил в краткий срок,

Соединив невесту с женихом,
Привел святого человека в дом,

И тот, как поступают с давних пор,
Скрепил молитвой брачный договор.

Купец на том трудов не прекратил:
Он две звезды в планеты превратил,

Чтоб в Индии они могли блеснуть!
Супругов снарядил достойно в путь:

Верблюдов подарил он и ослов,
Сгибавшихся под тяжестью тюков,

На всех — попоны, чепраки, ковры,
Роскошные носилки и шатры,

Отправил с ними сотню верховых —
И тюрков и румийцев молодых,

И проводил, тоскою обуян,
До первого привала караван.

Но долог путь, далек индийский край...
Ахи заплакал и сказал: «Прощай,

В отечество вступи в счастливый день,
Воссядь на царство и венец надень».

У гостя взял на память он палас.
Когда же скрылся караван из глаз,

Рыдая, возвратился он домой...
Рыдая, гость пустился в край родной.

Разлукой сломлен, горем угнетен,
К возлюбленной не приближался он,

И только успокоившись вполне,
Он склонность проявил к своей жене.

Ее увидев, подавил он крик:
Ногтями был изранен лунный лик,

Следы царапин рдели, как гранат!
Вновь соловей тревогою объят,

Узнал он: белой розы лепестки
В тюльпан превращены, в цветок тоски!

Сказал: «Твой лик сияет мне луной,
Вчера мы стали мужем и женой,

В такие дни устраивают пир,
В такие дни благословляют мир,

Веселье, радость посещает нас,—
Ты в скорбь и грусть погружена сейчас!

Откройся мне, о свет моей души,
Премудрую загадку разреши».

Сказала: «Каждый женщину поймет:
Нам свадьба — радость, горе нам — развод!»

Сказал Фаррух: «О гурия в раю!
Уразуметь хочу я речь твою.

Зачем ты о разводе говоришь?
При встрече об уходе говоришь?»

И рассказала гурия тогда,
Какая приключилась с ней беда.

Услышал исповедь ее Фаррух
И жизнь свою возненавидел вдруг!

Внезапным бедствием ошеломлен,
О бедствии Ахи подумал он.

Убить себя? Он близок был к тому!
Сказал: «О совершенство по уму!

Я так страдал из-за любви к тебе!
Послушай и дивись моей судьбе».

Он ей открыл мучения свои,
Поведал злоключения свои,

Сказав: «Хотя отрадна близость мне,
Противны произвол и низость мне.

Хотя в тебе — лекарства все мои,
Тебя не стану принуждать к любви.

Всем для меня пожертвовал Ахи.
И пали на него мои грехи.

Великодушьем он меня сразил,
Последуем ему по мере сил.

Есть в наших муках все же благодать:
Мы не успели близости познать.

Теперь глаза с надеждою открой,
Пребудь отныне милой мне сестрой».

И, радостный, оставил он ее,—
От горестей избавил он ее.

С того мгновенья, видя в ней сестру,
Фаррух не подходил к ее шатру.

Так было с ним. А шумный караван
Все время шел по землям чуждых стран,

Достиг страны индийской наконец.
Фарруха царский ожидал венец:

Джусрат, в печали, испустил свой дух,
Наследником объявлен был Фаррух.

И хлынул весь народ встречать его,
И встреча превратилась в торжество.

Фаррух воссел на отческий престол,
В нем край родной заступника обрел.

Фаррух одним желаньем воспылал:
Развлечь розоволикую желал.

В его печальной памяти возник
Ее покой, пред окнами — цветник,

Дворец и галерея у ворот,
И сад, где был приманчив каждый плод,—

Все, что навеки сохранил в душе,
Как зодчий, он явил на чертеже.

Созвал он мастеров со всех сторон,—
Сказал: «Дворец да будет возведен!»

Дворец в саду воздвигли мастера,
Чтоб не скучала милая сестра.

В строенье ожил на земле чертеж.
Дворец был так хорош и так похож

На тот, где прежде гурия жила,
Что не смолкала мастерам хвала.

Что мог бы ты воскликнуть: «Иль я слеп,
Иль перебрался в Индию Халеб!»

Когда вступила пери во дворец,
Воскликнула она: «Благой творец!
Я, кажется,— иль это волшебство? —
Не покидала дома своего!»

Царю, как младшая сестра, мила,
Опять она веселье обрела.

Сто среброгрудых стали ей служить,
Ее дыханьем каждым дорожить.

Она забот не ведала, познав
Блаженство нег и сладостных забав.

Так поступил Фаррух, надев венец.
Посмотрим, как в Халебе жил купец.

Когда разлуки выпил он питье,
От пери сердце оторвал свое,

Когда из глаз его исчез Фаррух,
В созвездии степном не стало двух
Счастливых звезд,— судьбы его звезда,
Казалось, закатилась навсегда.

Хлеб не родился на его полях,
Урон в торговых он понес делах,

Его повсюду настигало зло,—
Ни в чем, за что ни брался, не везло!

Купцы, проведав о его делах,
Царю Халеба доложили: «Шах!

В лице Ахи имеешь ты врага,
Другому шаху он теперь слуга,

Он тайно приведет его в Халеб,
Чтоб твой соперник, победив, окреп.

Ему вручил тьму денег сей купец,
Предатель он, изменник — сей купец!»

Халебский шах пришел в ужасный гнев.
Последнее добро отнять велев,

Купца Ахи он заточил в тюрьму,
Но страж позволил убежать ему,

Узнав, что хочет шах его казнить...
Ахи решил обличье изменить.

Всю ночь он пролежал в печной золе,
Встал и пошел к Фарруховой земле.

Теперь Фарруха он познал удел,
Палас Фарруха на себя надел.

Он много вынес тягот, бед и зол,
Пока до Серендиба он дошел.

Не избежав свирепости небес,
Не взяв слезами крепости небес,

Он крепости разрушенной достиг,
В развалинах заснул он в тот же миг...

Когда Фаррух в свою страну вступил,
Он доли чужестранца не забыл.

Ахи себе он взял за образец,
Так поступал, как поступал купец.

Фаррух страннопримный дом воздвиг:
Он сам скитальца тяготы постиг.

Он часто город объезжал верхом,
Скитальцев приводил в свой щедрый дом.

Приехал шах, влеком своей звездой,
К развалинам за городской чертой.

Когда на камни быстро посмотрел,
Свой страннический вспомнил он удел.

Подумал: «Чужеземец там лежит.
Из-за каких страдает он обид?

На нем палас...» — И всаднику тотчас
Знакомым показался тот палас.

«Встань, чужеземец, чья судьба темна!» —
Сказал Фаррух; Ахи, восстав от сна,

Открыл глаза. Лишь миг прошел всего —
Узнал он шаха, шах узнал его!

Ахи поднялся; наземь спрыгнул шах;
Друзья друг друга обняли в слезах!

Слезам, казалось, не было конца...
Фаррух узнал о бедствиях купца,

А свита окружила их, дивясь:
Какая меж царем и нищим связь!

Вот, благодарность вознеся творцу,
Фаррух и гость помчались ко дворцу.

Шах в доброте не думал уступить:
Велел для гостя баню истопить.

Ахи скитанья смыл густую пыль,—
Фаррухова с ним повторилась быль!

Сто слуг ловили гостя каждый взгляд.
Надел он удивительный наряд.

Всем тронут, изумлен, ошеломлен,
Пред очи шаха был он приведен.

Фаррух на славу угостил его,
В честь гостя долго длилось торжество.

Так веселились гость и шах вдвоем.
Но вот устроен общий был прием.

Шах уваженье гостю оказал,
Созвать столпы державы приказал.

Сияя, шах поднялся на престол,
О милостях купца рассказ повел.

Услышав этой повести слова,
О благородной совести слова,

Все восхитились добротой купца:
Он чистотою поразил сердца.

Такая поднялась купцу хвала,
Толпа гостей в такой восторг пришла,

Что стала гостю ноги лобызать.
Тут соизволил мудрый шах сказать:

«Я — только шах, а он, Ахи,— святой.
Как со святым сравняюсь чистотой?

Как спорить с ним в деяниях добра?
Есть у меня названая сестра.

Цветет все ярче розы красота,
Она и он — достойная чета.

Он одинок, и я тому виной:
Он мне своей пожертвовал женой.

Ему, чей лик сияет на пиру,
Отдам свою названую сестру».

Всем по душе пришлась такая речь.
Никто подобных не запомнил встреч,

Таких никто не видывал чудес
Под сводами старинными небес!

Чтоб не нуждался друг его ни в чем,
Шах снова сделал друга богачом.

Ахи владыкой стал его казны,
Его сокровищ и его страны.

Фаррух былое в памяти хранил,
В нерукотворной грамоте хранил,

То грамота о братстве двух сердец:
Отныне шаху братом стал купец.

Шах стал Мусой, Харуном стал Ахи.[11]
Скажи: вторым Каруном стал Ахи!

Чтоб свадьбою закончить сватовство,
Фаррух, призвав Ахи, повел его

В обитель красоты, в ее дворец.
Был поражен, был изумлен купец:

Дворец в саду был так ему знаком —
Не здесь ли жил он с гурией вдвоем?

К покою пери подошел жених,
И люди их оставили одних.

Друг друга увидав, она и он
Исторгли из грудей единый стон.

Сознанье отняла у них любовь.
Когда ж они пришли в сознанье вновь,

Когда рыдать уже не стало сил,—
Ахи свою красавицу спросил:

«Поверю ли глазам? То явь иль сон?
Я поражен, я замертво сражен!

Молю, загадку разреши скорей:
Мне жизнь вернешь ты повестью своей!»

И пери, чтоб Ахи не изнемог,
Сняла со рта рубиновый замок,

Явила речи сладкий леденец.
Ахи узнал всю правду наконец.

Узнал он: благороден мудрый шах,
Велик и светел он в своих делах,

Попрал он целомудрием грехи!
Услышав все, лишился чувств Ахи.

Когда ж к нему сознание пришло
И прояснило сердце и чело,

Увидел, что владеет он дворцом
И сребротелой с розовым лицом.

С тех пор, когда у шаха пребывал,
Одежды золотые надевал,

Но, возвратясь к себе домой, тотчас
Он облачался в черный свой палас.

Весь в черном, он молился: видел бог,
Что черное — смирения залог...

Я сам, когда б удача мне далась,
Не стал бы шелком заменять палас!

Хотя снаружи в ночь он был одет,
Он в сердце принял сокровенный свет:

Лучился утра свет в его очах.
Узнал об этом благородный шах

И, восхищен деянием его,
Оделся одеянием его.

Стал подражать Фарруху весь народ:
Вошла одежда ночи в обиход.

Кто облачился в черноту одежд,
Постиг душою чистоту надежд.

Что говорит нам, смертным, черный цвет?
Погибнет мрак и возгорится свет».

От сказки шах повеселел душой.
Сказал он: «Путник из страны чужой,

Откуда родом ты? Где жил досель?
Ко мне пришел ты из каких земель?»

Тот молвил, сотворив земной поклон:
«О мудрый шах! Я в Индии рожден.

Ахи — мой предок. Я пришел сюда,
Чтобы тебе, о шах, служить всегда!»

Его избавил от забот Бахрам,
Привлек к своим делам, к своим пирам.

Шах погрузился в тихий, светлый сон
Веселием рассказа просветлен.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Бахрам в Золотом дворце

В воскресный день, когда зажглись лучи,
Оделось небо в платье из парчи.

Прекрасен пери золотой наряд,
Ее ланиты розами горят.

А шах — он солнцем бы назваться мог:
Он в золоте от головы до ног.

Он щедро сыплет золото свое,
И купол золотой — его жилье.

Красавица-румийка входит в дом.
Она — как солнце в небе золотом,

Вот в желтом кубке — желтое вино,
То пламя в пламени заключено.

Кровавым блеском исходил дворец,
Под сводами как бы пылал багрец.

Бахрам — как саламандра в том огне,
Не саламандра — солнце в вышине!

Он вызов бросил желтому вину,
И вел он с ним до той поры войну

Покуда солнца лик не пожелтел,
И день одежду черную надел:

Закрыл он чернью солнца желтизну...
Красавица, затмившая луну,

По крови — золотого Рума дочь,
За полог свой зашла. Настала ночь.

На ложе золотое шах прилег,
Но светлый сон от шаха был далек.

Опять Бахрам велит слуге идти:
Да будет первый встречный на пути

Сюда, пред очи шаха, приведен,
Поведает о том, что знает он.

На розыски отправился гонец,
И путника привел он во дворец.

И путник шаха услыхал приказ,
И так повел он дивный свой рассказ,

Начав его красивой похвалой,
Приятной и учтивой похвалой.

Рассказ путника, приведенного с дороги в Золотой дворец

«В те дни, когда Джемшида [1] славил мир,
Жил в Руме знаменитый ювелир.

И говорили мудро про него:
Мехами было утро для него,

Небесный круг был горном для него,
Металлы — солнцем горным для него!

Работал он в дворцовой мастерской,
У шаха был доверенным слугой.

Проверку пробы ведал он в стране,
Был стражем государевой казне.

Из рудников к нему текло добро,
Все золото страны, все серебро,

Ремесленные люди всей земли
Умельца Зейд-Заххабом нарекли [2].

Он зодчим был, а также мудрецом,
Гранильщиком и златокузнецом.

Сегодня — лекарь, завтра — медник он,
Для шаха — лучший собеседник он.

Философом из любопытства был,
Но только дерзок до бесстыдства был!

Он был искусством с головы до ног,
Но в том искусстве был один порок...

Весна сменяла светлую весну,—
Своей он сделал шахскую казну,

К себе таскал он шахское добро,
Но так как воровал всегда хитро,

То милость в шахских он читал очах
Хвалил его искусство старый шах,

А люди, слыша эти похвалы,
Боялись говорить слова хулы,

А говорили — шах не слушал слов,
А если даже слушать был готов,—

Обманщик, заглушая голоса,
Показывал такие чудеса,

Умел таким искусством ослеплять,
Что шах безвольным делался опять,

В руках таил такое волшебство,
Что шах почти молился на него!

Однажды шаху молвил ювелир:
«О царь царей! Ты покорил весь мир.

Ты всех владык величьем превзошел,—
Достойным должен быть и твой престол

О шах! Твой лик — счастливый лик зари.
Пусть прочие владыки и цари

Довольствуются деревом простым,
Но твой престол да будет золотым!

Богата золотом твоя казна,
И не скудеет, множится она.

Зачем в подвалах золото держать?
Зачем ему без пользы там лежать,

Когда ему другое суждено:
Особый блеск тебе придаст оно,

Великолепье — шахству твоему,
Едва на свет его я подниму!»

Всем сердцем принял шах такой совет.
«О свсточ знаний! — молвил он в ответ,—

Ты хорошо придумал, чудодей,
Начни же труд желанный поскорей!»

А тот: «О шах! Чтоб я престол воздвиг,
Чтоб золота я существо постиг,

Две тысячи батманов [3] нужно мне».
И шах сказал: «Возьми в моей казне».

Вот, нагружен добычей золотой,
Искусный мастер скрылся в мастерской.

Усердно он трудился день и ночь,
Чтоб вещество искусством превозмочь,

В усильях и бореньях год прошел,—
Был золотой сооружен престол.

Глаза людей манил он, изумлял,
Он миру восемь ярусов являл.

Сияли восемь башен, как стекло,
Высоких, низких — равное число;

Четыре башни — дивной высоты,
На них павлиньи светятся хвосты,

Четыре — низких, в прорезях витых,
Четыре попугая было в них.

В рубинах, рдевших ярко и светло,
К престолу восемь ступеней вело.

Но все с уменьем сделаны таким,
Что, если поднимался шах по ним,

Они склонялись под его ногой,
К ногам одна спускалась за другой.

Но вот он восемь ступеней прошел,
Но вот воссел владыка на престол,—

Тогда ступени поднимались вновь.
Шах поднимал от удивленья бровь,

А попугаи, будто подан знак,
В четыре горла заливались так:

«Да сбудутся твои желанья, шах!
Да будет крепок твой престол в веках!»

А все павлины, полные ума,
Над головою шаха, как Хума [4],

Вдруг расправляли пестрые крыла,
Чтоб над счастливцем тень от них легла.

Сидение, чтоб возвышался шах,
Уставил мастер на восьми столбах.

Под ними восемь двигалось колес,
И самого себя владыка вез —

Куда хотел, без помощи людей,
По мановению руки своей.

Диковинки вселенной превзошел
Тот самодвигающийся престол!

Такого чуда, выше всех похвал,
Никто из венценосцев не знавал!

Когда людей кудесник удивил
И во дворце престол установил,

Довольный шах, повеселев душой,
Возвысил ювелира пред собой,

Искусника в высокий сан возвел
И расплатился щедро за престол.

Однажды во дворце, в одном углу,
Собратья мастера по ремеслу,

Чей быстрый ум, чей труд ценил народ,
Сказали так: «Престол — как небосвод:

Хоть солнечный он излучает свет,
В нем скрытно серебрится лунный цвет.

Не перечислим всех чудес его,
Две тысячи батманов — вес его,

Но к золоту, заметить не хитро,
Подмешано, бесспорно, серебро.

Украл соперник не один батман!
Но чтобы обнаружен был обман,

Но чтобы шах сумел его понять,
Немыслимо такой престол сломать,

Все превзошедший по своей красе...»
И так как Зейда опасались все,

То ювелиры начали совет:
Как дело вывести на божий свет?

И выход найден был в конце концов.
Добыв двух попугаев, двух птенцов,

Их обучали, приручив сперва,
Чтоб каждый затвердил свои слова:

Один: «Лишь позолочен сей престол»,
Другой: «А позолоту вор навел».

Зеленые, как всех лугов наряд,
Два попугая Зейда посрамят!

Один из заговорщиков нашел
Тропу к тому, кто охранял престол,

Вручив ему немало серебра.
И тот, подумав, обещал: с утра

Двух прежних попугаев заменить,
Доносчиков пернатых посадить,

Чтоб шах услышал не себе хвалу,
А низкому обманщику хулу.

Вот утром на престол садится шах,
Предчувствует хвалебный звон в ушах.

Что ж слышит он, владыка всех владык?
Два попугая поднимают крик,

Два попугая режут напрямик,—
У шаха отнимается язык!

Но так решил, когда пришел в себя:
Замыслил некто, мастера губя,

С ним нынче счеты давние свести,
Но, зная, что у шаха Зейд в чести,

Открыл проступок птичьим языком...
А если так, то правду мы найдем!

И вот напильник золото совлек,
И сразу обнаружен был подлог!

Сумел напильник Зейда обвинить
И оборвать приязни шахской нить.

Шах приказал, узнав его вину,
Отнять его имущество в казну,

А мастера, который так лукав,
В колодец бросить, в цепи заковав,—

В колодец с узким ртом, с широким дном:
Вход — как отдушина, а дно — как дом.

Как ночь разлуки, мрачен и глубок,
Жесток, как одиночества силок,

Насилием воздвигнут, страшен он:
В нем заживо преступник погребен.

В нем Зейд немного получал еды:
Два сухаря, один кувшин воды.

Но тот, кто шаха обмануть хотел,
Предвидел для себя такой удел.

Вот почему запрятал он кинжал,
Всегда напильник под полой держал.

Сказав: «Пускай паденье велико,—
Отречься от спасенья нелегко,

Пусть я в пучину бедствия сойду,
Но для спасенья средство я найду,

Пройду все испытания судеб!» —
Он сделал так: припрятал в угол хлеб,

А воду применил весьма умно:
Изрыв кинжалом глинистое дно,

Замешивал он глину на воде.
Так, дни и ночи проводя в труде

И выбиваясь из последних сил,
К отверстию ступени возводил.

«Воды!» — молил и клял судьбину он,
Стеная, припадал к кувшину он,

И глину, воду получив, месил,
И вновь, рыдая, он воды просил.

Хотя душа едва держалась в нем,
Ступени поднимались с каждым днем,

И много лун прошло, и пробил миг:
Он глиняную лестницу воздвиг.

Перепилив оковы на ногах
И дрожь и слабость чувствуя в руках,

По лестнице взобрался он, идет...
Увы, заложен тяжким камнем вход!

Ужель ему не выбраться отсель?
Кинжалом сбоку просверлил он щель,

Подкоп подвел под камень мастерски,
И каменные разорвал тиски,

И вышел из колодца наконец!
И в дальний край направил путь беглец,

Он в землю франков [5] свой направил шаг...
Когда узнал об этом бегстве шах,

Узнал о том, как в пропасти земли
И труд и разум Зейду помогли,

Кусал от удивленья пальцы он,
И часто вспоминал скитальца он.

А Зейд все шел, не отдыхал в пути.
Он торопился, чтобы жизнь спасти.

И, множество преодолев преград,
Вступить на землю франков был он рад:

У франков не дрожал от страха он,
У франков не боялся шаха он!

В дороге сделав не один привал,
В Кустантынию [6] странник наш попал.

В дороге он приветствовал зарю,
Дорога привела к монастырю.

Измучен странствиями, запылен,
В монастыре остановился он.

Как небосвода голубая ширь,
Был бесконечен древний монастырь,

И храм стоял светло и мирно в нем —
Не храм, а капище, кумирня в нем!

Сверкала позолота потолка,
Пол мраморный — из одного куска,

А стены — в украшениях лепных,
Горят лазурь и золото на них.

Из цельных слитков — каждая стена,
И яшмой облицована она.

Сомкнулись своды, сводам нет числа,
Как будто смотрят своды в зеркала.

Над каждым сводом — яхонт и сапфир,
Под каждым сводом — золотой кумир,—

Каменьев драгоценной красотой
Увенчан каждый идол золотой.

Туда ворота преграждали вход,
Они напоминали небосвод.

Монахи на ночь запирали храм
И снова открывали по утрам...

Придя в восторг от роскоши такой,
Как циркуль, сделав круг одной ногой,

Сказал философ, очарован весь:
«Так много вижу золота я здесь.

Так много здесь добычи даровой,
Что шаху долг я возвращу с лихвой!»

Вот идолопоклонником он стал,
Язычества сторонником он стал,

С неверными он жил, как друг и брат,
У монастырских поселился врат,

Ничем лица не выдал своего,
Стал богом каждый идол для него.

То каменным он застывал столбом,
То бил он перед идолами лбом,

Как пред единым богом мусульман.
И так искусен был его обман,

Что вскоре полюбил его народ,
В нем видя веры истинной оплот,

Избрав его, в душевной простоте,
Наставником в молитвах и посте.

Усердной службой, тяжестью вериг
Он в храме сана важного достиг.

Святыни ложной пламенем горя,
Добился он ключей от алтаря.

Теперь начнет он с капищем войну!
Едва склонялись жители ко сну,—

Привесив к кушаку от храма ключ,
Он мчался в город, словно горный ключ...

Давно, во время странствий, на пути
Двух правоверных он сумел найти,

В дни радостей — служителей своих,
В дни горестей — хранителей своих.

Но гнев и ужас их безмерным стал,
Когда товарищ их неверным стал.

С отступником у них вся дружба врозь,
Когда грехопаденье началось.

Но Зейд пошел и, разыскав друзей,
Поведал им о выдумке своей.

Те счастливы, что стоек в вере Зейд!
Обоих поселил в пещере Зейд:

В скале пещера вырыта была,
Вдавалась в море дикая скала.

Сказал: «Друзья, помочь вы мне должны.
Приборы ювелира мне нужны.

Достаньте их, я не боюсь затрат.
В пещере мы устроим тайный склад».

Друзья сумели мастеру помочь.
В пещере Зейда заставала ночь,

А утром властелин его — Сомнат,
На людях — он поклонник верный Лат [7].

Но лишь входил в глаза людские сон,
От глаз людских спешил укрыться он

И до утра в пещере мастерил:
Он из железа идолов творил,

Их легкой позолотой покрывал,
Друзей своей работой поражал:

От монастырского не отличим,
Был каждый идол с виду золотым!

И, довершая сходство, ювелир
Венчал камнями каждый свой кумир:

Но то не камни рдели так светло,
То было разноцветное стекло!

Сообщники, дивясь его делам,
С кумиром ночью проникали в храм,

Таясь прохожих добрых и дурных,—
С поклажею два призрака ночных!

Ощупывала идолы рука,
Искала золотого двойника

И ставила поддельного взамен.
Назад две тени двигались вдоль стен.

За ними — храм, огромный и пустой,
А с ними — идол тяжкий, золотой!

И двигались кумиры по нсчам:
В пещеру — золотой, поддельный — в храм.

Никто, никто в их тайну не проник,
Так был на образец похож двойник.

За божеством таскали божество,
И в храме не осталось ничего.

Все золото светильников и чаш
Железом заменил искусник наш!

Закончив дело, заболел он вдруг:
По родине тоска — его недуг.

Когда открыл тоски причину он,
Язычников поверг в кручину он:

«Для нас отцом, подвижником ты был,
И мудрецом и книжником ты был,

Зачем стремишься к нашим ты врагам?
Или душой ты охладел к богам?»

А тот: «Я верен божествам вовек,
Но без отчизны скорбен человек.

К тому же боги приказали мне
Направить путь к моей родной стране.

Я нашу Лат умею понимать
И понял: у меня скончалась мать.

Богам усердный собеседник я.
А матери своей — наследник я.

Все золото, что накопила мать,
На нужды храма я хочу отдать.

Свершить я святотатство не хочу,
Я для себя богатства не хочу,

Но, материнским золотом богат,
К Менат и Лат я возвращусь назад.

Хотя в разлуке буду я страдать,
Но мне поможет веры благодать».

И люди, слыша похвалу богам,
Склонились до земли к его ногам:

«Печалит нас известие твое,
Но видим благочестие твое.

Не покидай своих послушных чад,
Благополучно возвратись назад.

В язычестве прослыл ты мудрецом,
И, так как нашим сделался жрецом,

Теперь, когда спешишь к местам родным,
Тебя достойно в путь мы снарядим».

Воскликнул он: «Не вижу в том нужды,
Лишь божествам я посвятил труды!»

А те в ответ: «Помочь тебе — наш долг!»
И он пред уговорами замолк.

Когда прощанья подошла пора,
Ему собрали множество добра,

Шли в храм со всех сторон и чернь, и знать,
Чтоб слово расставания сказать.

Спеша от этих удалиться мест,
Он все же на день отложил отъезд.

Он ящики большие сколотил,
Два идола он в каждом поместил

И — ловкости образчики свои —
Заделал крепко ящики свои.

Всех ящиков набрал он пятьдесят:
Сто истуканов в ящиках лежат!

В скале, в пещере вся работа шла.
Вдавалась в море дикая скала.

На берегу безлюдно было там,
И наготове судно было там:

Отсрочки миг любой — бедой грозил!
Он ящики на судно погрузил

И доброхотных не забыл даров,—
К отплытью мореплаватель готов!

Неверных паства собралась опять,
Чтобы в последний раз его обнять,

Язычники рыдали без конца,
В огонь разлуки бросили сердца,

Но мастер, с виду грустен, втайне рад,
Их так утешил: «У подножья Лат
Найдете вы послание мое,
Прочтете назидание мое».

И вот повел он судно по волнам,
А стадо глупое вернулось в храм.

Послание нашла толпа мирян.
К глазам прижав его, как талисман,
Глазам не веря, все письмо прочла:
В нем описал хитрец свои дела!

Ошеломил язычников обман,
Как при похмелье — бенджа [8] злой дурман,

Все бросились к богам, не чуя ног,—
Железо обнаружило подлог.

Тут крики раздались, стенанья их...
Глядите же на ум и знанья их!

Тем временем хитрец из мусульман
Пересекал, как ветер, океан.

Попутный ветер тоже был силен.
Мелькнули в небе Рыбы, Скорпион [9],

И на заре наш опытный пловец
Увидел берег Рума наконец.

В те дни румийский шах страдал от мук.
В постель свалил владыку злой недуг.

Лишь ювелир умел недуг прогнать,
Но врач исчез — вернулась боль опять.

Никто не мог владыке угодить,
Никто не мог владыку исцелить,

Недуг его давил, как тяжкий груз,
К усладе жизни потерял он вкус.

Раскаивался в совершённом шах,
Раскаивался, но сильнее чах

И вспоминал, тоскуя и крича,
Лукавого, но милого врача.

Зейд, на берег ступив, решил в тетрадь
Свое повествованье записать:

Он много дел свершал, как волшебство,
Но это — удивительней всего.

Свои пожитки спрятав под замком,
Он в город вечером вошел тайком.

Те самые оковы раздобыл,
Которые когда-то распилил,

Себе жильем колодец он избрал,
Тот самый, из которого бежал.

Властителю, волнуясь и дрожа,
О чуде сообщили сторожа.

Едва ли не из мертвых шах воскрес,
Узнав об этом чуде из чудес!

И прошептал он, слабого слабей:
«Ко мне ведите мудреца скорей!»

Философа приветствуя возврат,
Почетный преподнес ему халат,

Склонил он сердце к милостям таким,
Что своего коня послал за ним.

Тот на коне примчался во дворец.
Порог дворца поцеловал мудрец.
Вступил в покой, поцеловав порог,

Как прах, на землю перед шахом лег.

Шах поднял этот прах и обнял прах,
Сел на престол с желанным гостем шах,

Чтоб, насладясь рассказами его,
Найти отраду в разуме его.

Любимца своего лаская так,
Он подал Зейду руку, дружбы знак.

Поцеловав ее, наш мастер вдруг
Нащупал пульс и понял, в чем недуг,

Стал врачевать и суток через пять
Сумел недуг от шаха отогнать.

Тогда искусник шаху преподнес
Сокровища, которые привез.

От изумленья шах лишился чувств!
Потом сказал: «О гордость всех искусств,

Свои поведай приключенья мне
И побеседуй в поученье мне!»

И тот поведал о своих делах.
Дивясь, внимал его рассказу шах,

Внимал всю ночь, не отходя ко сну!
Зейд отдал все сокровища в казну.

Шах оказал ему такую честь,
Что нам о ней и в книге не прочесть,

Да и не так-то прост о ней рассказ!
И тут же властелин издал приказ:

«Все идолы разбить на сто кусков,
И наделить богатством бедняков».

Народ на площадь стали созывать,
Добро Каруна стали раздавать,

Чтоб черноту и белизну одежд
Народ украсил золотом надежд,

Чтоб те обновки радость принесли,
Чтоб все цыновки золотом легли!

Шафран, мы знаем, вызывает смех [10].
Так золото развеселило всех.

На волю вышли узники темниц.
Не золото ли желтизна их лиц?

И вид их так развеселил народ,
Что, чудилось, без чувств он упадет...

Хотя не веселит янтарный цвет,
Им дорожит неблагодарный свет.

Хотя лицо любовью сожжено,
И желтое к себе манит оно.

Пока не станет желтою заря,
Не выйдет солнце, золотом горя».

Все это выслушав, сказал Бахрам:
«Красноречивый гость! Поведай нам

И о себе и о делах своих,
Ты, рассказавший о делах чужих,

Начни о жизни собственной рассказ.
Умом своим очаровал ты нас!»

И тот сказал: «Моя отчизна — Рум,
Я медицине посвятил свой ум;

Философ я, хочу постигнуть мир,
А предок мой — тот самый ювелир

О чьих делах поведал я тебе.
Участие прими в моей судьбе:

Я шел сюда, чтоб стать твоим слугой,
Тебя избрал я целью дорогой!»

И путника недимом [11] сделал шах,
Советником любимым сделал шах,

И щедро наградил его Бахрам...
Нашел дорогу сон к его глазам,

И крепким сном заснул Бахрам тотчас,
И до рассвета не открыл он глаз.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Бахрам в Зеленом дворце

Вот солнце понедельника взошло,
Небес желто-зеленое стекло

От ржавчины отмыло: засверкал
Небесный свод сверканием зеркал

И пожелал, исполненный причуд,
Чтоб вспыхнула заря, как изумруд,

В таинственном сиянии своем...
В зеленом одеянии своем,

Зеленый тополь взяв за образец,
Бахрам в Зеленый поспешил дворец.

К нему в покои гурия вошла:
Небесная лазурь ее вошла,

Зеленой веткой гибкою вошла,
Со сладостной улыбкою вошла:

Улыбка — сахар нежного стручка,
А зелень хороша, когда сладка!

Игрива, и нежна, и весела,
Царевна кубок шаху поднесла.

И принял шах лазоревый сосуд,
Из рук луны он принял изумруд,

Он пил вино из этих тонких рук,
Покуда неба изумрудный круг

Черней ночного сонмища не стал.
Шах благодатным сном еще не спал,

Печальным думам он предался вновь:
На шаха порчу навела любовь.

Пошли рабы за путником ночным,
Они в степи рассеялись, как дым,

И пешехода из чужой земли
Пред очи шаха вскоре привели.

Шах молвил из-за полога: «Тотчас
Пусть сядет он и поведет рассказ».

И чужестранец, похвалу воздав
Могучему властителю держав,

Прося благословенья божества,
Повел неторопливые слова.

Рассказ путника, приведенного с дороги в Зеленый дворец

«Давным-давно в Египте жил купец.
Богатством наделил его творец.

Был целью бедняков его порог,
Был стол его обилен и широк.

Был у него один счастливый сын:
Во всех искусствах он достиг вершин,

Юсуфа красотою наделен,
Был юноша богат, как фараон.

Его достоинств нам не счесть число.
Светилось ясным разумом чело.

Владел он всем, что было у купца,
Владел он всем имуществом отца!

Науки светской мудрость возлюбя,
Он окружил учеными себя.

Саадом звался. Видел в нем отец
Всей жизни счастье, дней своих венец.

Покои для гостей воздвиг Саад.
Прохожему любому был он рад.

К нему дорогу знали свой, чужой:
Он всех встречал с открытою душой,

Всем путникам предоставлял приют...
Спросив: откуда и куда идут,

Какая цель у них и в чем нужда,—
Он милость им оказывал всегда,

Оказывал гостям в жилье своем
Внимательный и ласковый прием.

Когда же, чуткий сердцем, видел он,
Что гость благодеяньями смущен,

Хозяин с лаской задавал вопрос:
Что видел он? Что знал? Что перенес?

Что, странствуя, стремился он познать?
В какой науке видит благодать?

Саад внимал гостям, как ученик,
Он в тайны сокровенные проник,

Он стал наук заморских знатоком,
Алхимией и волшебством влеком.

Но вот привел непостижимый рок
Двух чужестранцев на его порог,

Одетых в одинаковый наряд:
В зеленое от головы до пят.

Поставил блюда для гостей Саад,
Раскрыл объятья, их приходу рад.

Он ласковым не для приличий был,—
Таков души его обычай был!

Великодушьем он гостей потряс.
Такую милость встретив в первый раз,

Переглянулись оба, замолчав:
Их поразил его приятный нрав.

Желая их развлечь, в один из дней
Хозяин пир устроил для гостей,

Который полон был всего того,
Чего желает наше естество.

Когда вино дыханием паров
Отбросило смущения покров,

Своим гостеприимством сын купца
Пленил навеки странников сердца.

Когда он лаской поразил гостей,
«Откуда вы? — он вопросил гостей,—

Ответьте мне: где жили прежде вы?
В зеленой почему одежде вы?»

А те: «Далек родной страны рубеж,
Она зовется Шахрисабз и Кеш [1].

На зеркале ее широких вод
Трава, подобно ржавчине, цветет.

Одета вся страна в зеленый цвет,
Кто в ней живет, в зеленое одет.

Как видишь, в зелень мы облачены:
Мы Шахрисабза верные сыны».

«Теперь скажите мне,— спросил Саад,—
Какой диковинкою мир богат?»

Один промолвил гость: «Моя страна
В зеленые одежды убрана,

Благоуханна, как цветущий рай.
В раю цветущем есть нагорный край,

То место называется Кетвер,
А в нем, поднявшись до небесных сфер,

Кумирня гордо своды вознесла:
Она из камня сделана была,

А на ее стенах, со всех сторон,
Был ярко мир зверей изображен.

Опомниться не сможет человек,
Когда найдет в монастыре ночлег:

Узнает он годов грядущих даль,
И радость будущую, и печаль.

Когда он вступит в тот стеклянный храм
И сон к его приблизится глазам,

К нему во сне два странных существа
Придут и скажут вещие слова,

В лицо вперив зрачки недвижных глаз,
По очереди поведут рассказ.

И первое поведает о том,
Что встретит он, идя благим путем;

Поведает второе существо,
Какое горе поразит его.

И станет пробужденному от сна
Вся будущая жизнь его ясна.

Он радостно проснется поутру:
От зла уйдет он и придет к добру».

Так молвил первый странник и затих.
Второй повел начало слов таких:

«В той области живет святой старик.
Он сердцем чист, он разумом велик.

Когда, увидев сон в монастыре,
Узнав о зле грядущем и добре,

Иной постичь не сможет благодать,
Понять не сможет, как от зла бежать,

И станет пред загадкою в тупик,—
Страдальца просветит святой старик.

Так нужно поступить: увидев сон,
Но не поняв, что означает он,

Не зная, как благим путем пойти
И как дурного избежать пути,

Отправься к старцу, расскажи свой сон.
Советом старца будешь умудрен,

И, выполнив его благой совет,
Увидишь ты добра желанный свет».

Саад сознанье потерял: рассказ
До глубины души его потряс.

Он до ночи не отпускал гостей,
Измучил их беседою своей.

Тоскою беспредельною объят,
Бессонницей томясь, решил Саад

Отправиться в зеленую страну,
В кумирню, к удивительному сну.

Настало утро, чей лазурный свет
Наполнил ярким блеском дольний цвет.

Лишенный воли, потеряв покой,
Саад томился темною тоской.

Свое решенье он открыл отцу.
Чтоб сына удержать, пришлось купцу

Принять немало хитроумных мер,
Но юношу влекла страна Кетвер.

Ты болен страстью? С нею не борись,
Одно поможет средство: покорись...

Поняв, что сына удержать нельзя,
Ни уговаривая, ни грозя,

Купец, хотя стонал и плакал сам,
Сыновним все же уступил слезам,

Дитя свое он богу поручил,
Казну свою пред сыном положил

И молвил: «Все возьми, чем я богат!»
Обрадованный, приказал Саад

Собрать в теченье суток десяти
Все нужное для дальнего пути.

По-царски сына снарядил он в путь,—
Саад царю не уступал ничуть!

Он видел, нетерпеньем обуян,
Верблюдов среброносный караван;

Свисали тяжкие тюки с горбов;
Четыре сотни молодых рабов,

Чьи золотом блестели кушаки,
Привязывали накрепко тюки;

Все, что придумать может человек,
И то, чего не выдумать вовек,

И то, что будет в будущих веках,—
Все было в преизбытке в тех тюках!

Попутчиками сделав двух гостей
И две реки пролив из двух очей,

Вздохнув, простился юноша с отцом.
Отец стоял с заплаканным лицом:

Ему хотелось мертвым сном заснуть!
Саад отправился в далекий путь.

Он торопился: делал он зараз
Два перехода, не смыкая глаз,

Два гостя к рубежам своей земли
Его, подобно ангелам, вели.

Осталась позади степная ширь,
Языческий пред ними монастырь:

До неба своды храма достают!
Брахманы [2], предоставив им приют,

Преподнесли им яства и питье,
Добросердечье выказав свое.

Саад велел двум спутникам-друзьям
Сейчас же обозреть стеклянный храм.

Они вошли вовнутрь монастыря,
На стены с изумлением смотря.

Сказал один из спутников тогда:
«В храм не входи, чтоб не было вреда!»

Но, болен страстью, пребывал он глух,
Замкнул пред уговорами он слух.

Когда зажглись лучи ночных светил,
Он в крепость монастырскую вступил,

А спутники стояли у стены,
Предчувствием дурным омрачены.

Саад вступил, друзьям не веря, в храм.
Брахман снаружи запер двери в храм.

Всем существом затрепетал Саад.
Ему хотелось убежать назад.

Дрожа, он впал в отчаянье тогда,
Почувствовал раскаянье тогда,

Но было поздно: мраком устрашен,
Увидеть жаждал он чудесный сон.

Но разве сон к тебе отыщет путь,
Когда глаза не в силах ты сомкнуть?

Так было с ним. В испуге и мольбе
Он тщетно сновиденье звал к себе.

Заснул он лишь на утренней заре.
Увидел он себя в монастыре,

В том самом, где нашел себе ночлег,
Где ночь провел он, не смыкая век.

Внезапно два пернатых существа,
Чьи перья — как зеленая трава,

Запели дивным пением и ввысь,
Подобно легким птицам, поднялись,

Над головой Саада сделав круг,
Ему на плечи опустились вдруг.

Одна, чьи перья — ангела крыла,
Сновидцу весть благую подала:

«Тебе в подруги пери суждена,
Прекрасная, как солнце и луна».

За ней другая птица, вестник зла,
Пророческий свой голос подала:

«Твоей судьбою станет грозный див,
Тебя он свяжет, в рабство обратив».

Проснулся, пораженный сном, Саад.
Смущением и трепетом объят,

Он завопил. Восточная заря
Вдруг осветила мрак монастыря.

Он ринулся в смятении к дверям,—
Брахман открыл снаружи двери в храм...

Саад утратил разум и покой.
Томим тоской, он слезы лил рекой.

Свет разума в глазах его померк.
В отчаянье он слуг своих поверг,

И те, исполненные скорбных дум
И обратив лицо к пришельцам двум,

Сказали так: «Сбылось, увы, сейчас
Предупрежденье одного из вас,

Но от другого помощи мы ждем».
Тогда другой, с возвышенным умом,

С приязнью откровенною в глазах
И тайной сокровенной на устах,

Сказал страдальцу: «Помощь такова,—
Мои ты вспомни прежние слова,—

Ты поднимись на горную тропу,
К святому старцу ты направь стопу,

Поможет он тебе, как верный друг,
Прогонит он, быть может, твой недуг».

И все пошли к жилищу старика.
В зеленых платьях два проводника,

К вершинам гор, поднявшимся вдали,
Несчастного к пещере привели.

Паломники вошли, сгибая стан.
В пещере той увидели айван [3],

А выдолбил его, подняв топор,
Не кто иной, как низвергатель гор.

С трудом пройдя сквозь каменную мглу,
Заметили отшельника в углу:

Как драгоценный камень в руднике,
От мира скрывшись в горном тайнике,

Он возлюбил пещеры темный мир,—
То в мире малом был огромный мир!

Как мир скрывают ночи небеса,
Распущенные скрыли волоса

Его худое тело; как рудник
Таит богатства, в сердце скрыл старик

Науки драгоценную руду;
Причастная духовному труду,

Сияла мудрость на его челе;
Он семь столетий прожил на земле;

Он удалился от пути невежд,
От разочарований и надежд;

К богатству, к власти потерял он вкус:
Без страха жил премудрый Файлакус [4]...

Поражены обличием его
И внутренним величием его,

Молчали гости, трепетно дрожа,
Смиренно руки на груди сложа.

Но понял их смятение старик:
Откинув волосы, открыл он лик.

Он своды озарил, и мрак исчез:
Так солнце озаряет свод небес.

Их встретил с милостью старик святой,
Глаза его светились добротой.

Все гости к праху приложили лбы.
«Саад,— сказал старик,— ты свет судьбы,

Ты — соименник счастья [5]. Узнаю,
Благовеститель, красоту твою!

Сейчас ты мне расскажешь обо всем.
А хочешь — волосок за волоском —

Я сам твою же повесть изложу?
Сам о тебе всю правду расскажу?»

Упав пред старцем ниц, сказал Саад:
«Когда Лукман [6] вещает, все молчат».

Сверкнул улыбкой старца чудный взор.
Главу склоняя, тихий разговор

Повел сердца пленяющий мудрец
О том, где гость родился; кто отец

И мать его; где вырос он; о том,
Как для гостей открыл Саад свой дом;

О том, как он ловил из уст гостей
Диковинки чудесных повестей;

Как путникам он деньги раздавал;
Как, путникам внимая, познавал

Науки совершенство; как постиг
Творения таинственный язык;

Как, выслушав слова пришельцев двух,
Он стал мечтать, и беспокойный дух

От близких и родных его увлек
В дорогу дальних странствий; как он лег

На ложе в монастырской тишине;
Как дивных птиц увидел он во сне;

Как, прорицаньем вещим потрясен,
Не в силах был истолковать свой сон...

Саад внимал, надеясь и скорбя,
А старец продолжал: «Я ждал тебя.

Я сновиденью объясненье дам,
Я сновиденью воплощенье дам,—

Пойми: я цель преследую свою!
Тебе я жизнь поведаю свою.

Я некогда верховным был жрецом,
Меня считала паства мудрецом.

Во сне и наяву хотелось мне
Услышать прорицанья в дивном сне,

Мечтал избрать своим ночлегом храм,
Но мудрость преграждала путь мечтам.

И, наконец, мечтанья взяли верх.
Я голос робкой мудрости отверг.

Не сам, а силой странною влеком,
Вошел я в храм в молчании ночном.

«Вот здесь,— решил я,— будет мой ночлег!»
Сон сразу на меня свершил набег.

Открылось в этом сне моим глазам:
Сто тысяч обликов явилось в храм.

И двух существ увидел я полет,—
Ты тоже видел их, мой гость! — И вот,

Слетев ко мне с высот монастыря,
Запели обе птицы, говоря,

И первая сказала: «Будет миг —
Согнешься ты под тяжестью вериг,

Твой день погаснет, с темной ночью схож,
Обитель ты в пещере обретешь».

Другая возразила: «Кто крылат,
Пусть не скорбит. Тебя спасет Саад.

Хотя стезя к спасенью тяжела,
Перелетишь, почуяв два крыла».

Но тут, испуган речью вещих птиц,
Сон удалился от моих ресниц.

А я смущен великой смутой был,
Раздавлен я тоскою лютой был,

Я вопрошал: «Где толкователь снов?
Где благовест его правдивых слов?»

В огне я бредил и во тьме бродил,
Но толкователя не находил.

Какая мне готовится беда?
Мне вспомнилась пословица тогда,

Я повторял ее на все лады:
«Предчувствие беды страшней беды».

Меня пугало будущее зло,
И вскоре дело до того дошло,

Что я, терзаться не желая впредь,
Одно придумал средство: умереть...

Вдруг старца вижу я. То призрак был?
Но старец так похож на Хызра был,

Что я подумал: это Хызр святой!
Он в рубище облек свой стан худой,

Зеленый посох он держал в руке.
Сказал: «Не плачь, испуганный, в тоске.

Я сон твой истолкую, но сперва
Мне обещай, что все мои слова

Без отговорок примешь ты сейчас,
Исполнишь без докуки мой приказ».

Запечатлев на прахе поцелуй,
Сказал я Хызру: «Сон мой истолкуй.

Я всей душой слова твои приму,
Покорен я приказу твоему».

А тот: «Запечатлей в своем уме
Страницы мудрые Джамасп-намэ [7].

Когда прозренья книгу ты прочтешь,
Ты повесть о самом себе найдешь.

Джамаспа слово для тебя — закон.
Прочти — поймешь, как толковать свой сон.

Но вот условье,— слух свой напряги,—
Ты знанием иным пренебреги.

Науками свой разум не дробя,
Снотолкованью посвяти себя.

Познав науки этой глубину,
Дашь толкованье ты любому сну.

Усердие твое — награда нам.
Ты должен тем, кто ночью вступят в храм

И выйдут утром, скорбью сражены,
Растолковать мучительные сны,

Утешить слабых должен ты, как врач,
Развеять их печаль, унять их плач».

Сказав, исчез. Я волю дал слезам,
Я приложил глаза к его следам.

Был след его стопы, как свет во тьме!
Я встал, пошел, раскрыл Джамасп-намэ,

На той странице книгу я раскрыл,
Где обо мне провидец говорил.

И вот его слова: «В такой-то век,
В такой-то год, такой-то человек,

Чей разум высшим знаньем просвещен,
В монастыре заснув, увидит сон.

Познает пламенное горе он,
Но пусть поднимется в нагорье он.

В пещере пусть отшельником живет.
Сто лет промчит времен круговорот,

Пройдет столетье, как единый миг,—
Постигнет он значение вериг.

Благая весть придет к нему тогда.
Над ним взойдет счастливая звезда,

То есть: придет счастливый человек,
Чей путь его дорогу пересек,

Чье прозвище — Саад, чей счастлив лик,
Чей скорбный сон тяжеле всех вериг.

К пещернику придя, попросит он
Растолковать его ужасный сон.

Едва найдет желанное Саад,
Поняв свой сон и не страшась преград,

Свой сон поймет и толкователь сна,
Загадка станет для него ясна.

Он таинства небесные поймет,
Все небо мыслью быстрой обоймет,

Украсит он собой сады небес,
Проникнет ум его в труды небес;

Ничтожеством считая небосвод,
Отшельник тот над небом власть возьмет,

В пещере темной умерщвляя плоть,
Сумеет он страданье побороть.

Настолько станет дух его велик,
Сильнее плоти, всех ее вериг,

Что внидет он, не ведая оков,
В сокровищницу мудрости веков.

Вот объясненье первой части сна.
А часть вторая так объяснена:

Кто светлой мыслью к небу воспарил,
Почуял силу двух духовных крыл».

Когда проник я в смысл чудесных строк,
Пещеры я переступил порог,

Я целое столетье в ней провел,
Я людям подавал благой глагол,

Я размышлял о зле и о добре.
И тем, кто видел сон в монастыре,

Я, сновиденья объясняя суть,
Указывал к добру тернистый путь.

Я часто думал: счастье обрету,
Когда твою увижу доброту.

Сто лет промчалось на моих глазах,
И ты пришел. Благословен Аллах!

Сейчас услышишь толкованье сна.
«Тебе в подруги пери суждена»,—

Вот первой птицы вещие слова.
Разгадка прорицанья такова:

О дочери царя слова гласят.
На ней блестит лазоревый наряд,

Сурьма [8] для солнца — след ее ноги.
Отец ее, пред кем дрожат враги,

Чья гуще трав бесчисленная рать,
Решил столицей Шахрисабз избрать.

Подобно пери шахское дитя.
Красавицу соперницей сочтя,

Питают пери зависть ныне к ней,
А гурии годны в рабыни ей.

Старуха неба [9], зеркало держа,
Ее причесывает. Госпожа

Считает солнце зеркалом своим.
Нет, лучше с ясным солнцем мы сравним
Ее красу: она весь мир сожгла,
И рядом с ней тускнеют зеркала!

Пред ней, восторг в смущенье заглуша,
Глаголющая замолчит душа.

Язык пред ней немеет, слишком груб,
Живой водой блестят рубины губ.

Подобно Хызру вещему, она
В зеленое всегда облачена.

Ее лицо — как райский цвет живой,
Что всходит над зеленою травой.

Она для шаха — радости ручей,
Она — зеница, свет его очей.

Шах на вершине горного хребта
Построил крепость. Башня поднята
До самых туч. Она, превыше гор,
Бросает небосводу свой укор.

Посередине крепости дворец
Воздвиг для гордой дочери отец.

Вокруг дворца — три крепостных стены,
И башни на стенах возведены.

В стенах обширных — крепкие врата,
До неба их доходит высота,

Тропа ведет к подножью этих врат,
Она полна немыслимых преград.

У первых врат на страже — великан
Свирепый негр по имени Катран.

Пред ним, как муравей, бессилен слон,
А каждый волос на плечах — дракон,

Но волосы и шеи и спины,—
Слоновыми назваться бы должны!

Как страж небес, как полуночный мрак,
Стоит он, и пред ним трепещет враг.

Мудрец, который знанием богат,
На страже встал у следующих врат.

Перелистал он сотни древних книг,
Он крепость эту шахскую воздвиг.

У третьих врат старуху мы найдем.
Ей любо заниматься колдовством.

В коварстве, в хитрости, в науке зла
Она старуху неба превзошла.

Нельзя ее свирепость обмануть,
Не смеет ветер в крепость заглянуть.

Заглянет птица — выпадут крыла,
Заглянет муха — и сгорит дотла.

Волшебный пламень жжет все горячей,
Он может камень превратить в ручей...

Царевна, с сердцем каменным луна,
К супружеству презрения полна.

Она, недосягаема для глаз,
В той крепости от мира заперлась.

Но мир, наслышан о ее красе,
Стремится к ней: о ней мечтают все,

Хотя повергнут в страх влюбленный мир:
Его сердцегубительный кумир

Условье ставит, гордо говоря:
«Будь это грозный царь, иль сын царя,

Иль мудрый муж, прославленный вовек,
Иль просто благородный человек,

Но каждый, кто в сердечной глубине
Взлелеял мысль о близости к луне,

Кто речь, когда негаданно придет,
О брачном договоре заведет,

Пусть как ему угодно: колдовством,
Коварством, силой, хитростью, умом —

Ворота шахской крепости возьмет!
Дойдя до первых крепостных ворот,

Пусть победит сперва Катрана он.
Его связав, пусть невозбранно он

Приблизится потом к вторым вратам.
Мудрец ему задаст вопросы там.

Когда ответов он найдет язык,
Поставит вопрошавшего в тупик,

Пусть до последних он дойдет ворот:
Там победителя колдунья ждет.

Когда он, силой знанья своего,
Старухи уничтожит колдовство,

Когда, с противником расправясь так,
Он водрузит над крепостью свой стяг,

Над крепостью явив права свои,
Он завладеет крепостью любви.

А нет,— он будет схвачен, как злодей,
С позором выгонят его людей,

Пусть на себя тогда пеняет сам:
Его убьют, останки бросив псам,
А голову, всем прочим в образец,
Поднимут вверх, на крепостной зубец».

Условье гордой пери тяжело,
И дня еще такого не прошло,

Чтоб не был умерщвлен один из тех,
Кого манил и обманул успех.
Для псов добычей стали храбрецы,
Чьи головы воздеты на зубцы...

Но ты не трепещи, судьбу кляня.
В пустыню страха не гони коня:

Красавицу соединю с тобой,—
Она тебе назначена судьбой.

Тебе с подругой сблизиться пора,
Тебя наставлю я на путь добра».

Когда премудрый так проговорил,
Он раковину гостю подарил,

И несколько волшебных слов подряд
Он начертал, чтоб заучил Саад.

Еще одну записку написал
И, юноше вручив ее, сказал:

«Вставай и отправляйся в путь скорей.
Вожатыми ты сделай двух друзей

В зеленых платьях: не теряя дня,
До Шахрисабза ты гони коня.

Зеленый город — всех стараний цель.
Когда же ты достигнешь тех земель,

Ты спутников к царю отправь тотчас:
Пусть обо всем доложат без прикрас.

Шах скажет: «Негра победи сперва».
Вступи в борьбу, но затверди слова,

Которые тебе я начертал,—
Их чарами владея, начертал:

В них мощь твоя, они — твой талисман,
Пред мощью их беспомощен Катран!

Как только в раковину дунешь ты,
Когда сквозь раковину плюнешь ты,

В какое б место ни попал плевок,
Твой враг заснет, и будет сон глубок.

Ты возликуй, Катрана победив:
Когда в борьбе погибнет черный див

И будет крепость первая взята,—
Раскроет радость пред тобой врата,

И ступишь ты уверенной ногой,
И так дойдешь до крепости другой.

Ты будешь остановлен мудрецом.
Ты будешь поражен его лицом,

В глазах увидишь мудрости лучи.
Мою записку ты ему вручи.

Смирится пред тобой, ее прочтя,
Поможет он тебе, мое дитя.

Он с высшею премудростью знаком,
Он стал мне сыном и учеником.

Развеет он старухи колдовство,
И счастья ты достигнешь своего».

Так молвив, улыбнулся он светло,
Поцеловал он юношу в чело,

Напутственное слово произнес:
«Удачлив будь! Ты счастье мне принес,

Теперь за счастьем ты своим иди.
Спеши: преграды будут впереди».

С порога старец крикнул: «Счастлив будь!»
Саад, повеселев, пустился в путь.

Луга пересекая и поля...
И показалась, наконец, земля,

Покрытая зеленою травой,
Слиянная с небесной синевой.

Терялся в небесах ее рубеж:
Предстал пред путниками город Кеш.

Саад сказал своим проводникам:
«Ступайте к шаху во дворец!», а сам

Верблюдов он развьючить приказал,
Устроил посреди степи привал.

Явились к шаху два проводника
И повесть начали издалека

О том, как непостижная звезда
Саада издали вела сюда.

Они хвалили ум его и нрав,
Его радушью должное воздав.

К ним шах склонил свой милостивый слух:
Друзей и слуг он видел в этих двух,

Он твердо знал, что их рассказ правдив.
Уже к Сааду сердце обратив,

Приязнь к нему почувствовав, приказ
Двум правдолюбцам отдал он: «Тотчас

Помчите вы коней к его шатру,
Я к завтрашнему жду его утру».

Наутро уроженцы той земли
К властителю Саада привели.

Шах, увидав его счастливый лик,
Утешился душой и в тот же миг,

Едва на юношу он бросил взгляд,
Решил: ему, как сердце, мил Саад!

Шах возвеличил гостя и вознес
И благопожеланье произнес.

Упал пред ним Саад, целуя прах,
Но поднял гостя милостивый шах

И оказал невиданную честь:
Велел ему перед престолом сесть.

Когда чужой и свой, собравшись тут,
Вкусили вдоволь от богатых блюд

И шах узнал от сведущих двоих,
От добрых верноподданных своих,

Желанье юноши,— сказал он так,
И это был расположенья знак:

«Был труден, утомителен твой путь.
Саад, сейчас ты должен отдохнуть.

А завтра час борьбы назначу я.
Предчувствую твою удачу я».

Тогда Саад направился к шатру.
Друзей и слуг собрал он на пиру.

Он пил вино, и сладостный кумир
Незримо украшал веселый пир.

Мрак над землей свой полог растянул,
Не раз ночной менялся караул,—

Опьянены и сражены вином,
Пирующие спали крепким сном.

Для пьяного — все беды позади:
Хмель — в голове, любимая — в груди.

Саад покинул свой шатер, ведом
Отвагою, любовью и вином.

Не видели друзья, пьяным-пьяны,
Как он дошел до крепостной стены,

Как падал он, как поднимался вновь,
Как опьяняла пьяного любовь,

Как вопли он, шатаясь, издавал:
Он о любви к возлюбленной взывал...

А в это время кровожадный негр,
Что, словно дым, восстал из горных недр,

Чья грудь бесстрашна, чьи глаза остры,—
Расхаживал на выступе горы.

Он стражу нес у крепостных ворот,
Вдруг слышит: голос плачет и зовет.

На голос он с крутой горы сбежал,
Держа в руке безжалостный кинжал.

Он увидал сраженного вином:
Сознания свеча погасла в нем!

Сперва хотел убить его Катран,
Но передумал черный великан.

Сказал: «В пещере пьяного запру.
Когда же мир проснется поутру,

Убью при всех. И завтрашний мой враг,
Взглянув на мощь мою, почует страх,

И я затрепетавшего убью,
Народу силу покажу свою,

Чтоб восхвалял меня и стар и млад».
Катран, жестокому решенью рад,

К пещере приволок его, свиреп.
Пещера та напоминала склеп.

В тот склеп Саада бросил черный див,
Связав и руки на спине скрутив.

Он завалил тяжелым камнем вход,
На страже встал у крепостных ворот...

Заснул влюбленный, хмелем побежден.
Когда заря взошла, развеяв сон,

Он вспомнил, что произошло вчера,
Как, пьяный, убежал он из шатра,

Как, пьяный, крепости вчера достиг.
Тогда слова, что написал старик,

Он стал читать, их повторяя вслух,—
И в тело мощь вошла такая вдруг,

Что выпрямился в мрачном склепе он,
И разорвал стальные цепи он,

От входа камень отвалил рукой
И быстро побежал с горы крутой.

Не озирался он, к друзьям спеша:
Взволнована была его душа.

Когда стоянки он достиг своей,
Застал он огорченными друзей:

Исчезнув ночью, он расстроил их.
Но ласково он успокоил их,

Вскочил в седло и поскакал на бой...
Жестокой удручен его судьбой,

Неисчислимый заполнял народ
Ристалище у крепостных ворот.

Посередине возвышался шах,
А злобный негр, внушая людям страх,

На исполинском гарцевал коне.
Подобная и солнцу и луне,

Глядела пери на Сатурна цвет [10],
Струя из башни свой лазурный свет.

Блуждал Катрана кровожадный взгляд.
Так думал негр: «Появится Саад,—

Убью хмельного пленника при всех,
Саада испугает мой успех».

Едва на поле прискакал Саад,—
Воитель черный поскакал назад,

Людей немало этим удивив.
Войдя в пещеру, поразился див:

Исчез вчерашний пленник без следа!
В Катране ярость вспыхнула тогда,

Он ринулся на бой, угрюм и зол.
Воинственный Саад с коня сошел.

Они вступили в рукопашный бой,—
Не побеждал ни тот и ни другой.

Не страшен был Сааду великан:
Ему помог священный талисман.

Он раковину приложил ко рту
И плюнул через раковину ту,

И брызнула снотворная слюна,
И сделался Катран добычей сна.

Саад взметнул его над головой
И бросил наземь с силою такой,

Что появилась трещина в скале,
Остался отпечаток на земле!

В народе грянул изумленья крик,
Он купола небесного достиг!

Когда Саад Катрана превозмог,
Он положил его у шахских ног,

Спросив: «Что делать дале? Повели!»
Саада по дороге повели

К вторым вратам, где пребывал мудрец,
Вход преградив к царевне во дворец.

Саад его лицом был поражен,
Он сотворил с достоинством поклон,

Вручил ему записку старика.
Тот задрожал, раскрыв ее: рука

Наставника писала те слова!
Ко лбу записку приложив сперва,

Он стал читать: отшельника перо
Приказывало сотворить добро.

Готовый пред Саадом наземь лечь,
Премудрый страж повел такую речь:

«Наставнику я предан своему.
Где смелости, где силы я возьму,
Чтоб повторить высокие слова?
Душа святого старца в них жива!

Исполнить я готов приказ его:
Старухи уничтожу колдовство».

Смотрел народ, столпившийся вдали,
Как эти двое разговор вели,

А страж сказал: «Колдунья — звук пустой,
Изображенье, созданное мной.

Хотя людей измучила она,
Не человек, а чучело она.

Ее прославленное колдовство —
Обман и ловкость, только и всего.

Приблизясь к ней, ударь старуху в грудь,—
И в храм любви свободен будет путь».

Поставив стража якобы в тупик,
Вновь к шаху обратил Саад свой лик,

Спросив: «Что делать дале? Повели!»
И вот его к старухе повели.

Все разбежались у ее ворот.
Один Саад бесстрашно шел вперед.

За ним стоял немолчный шум людской:
Был подвиг удивителен такой!

Вокруг старухи — тысяча смертей,
Над головой — огнеобразный змей.

Саад, не испугавшись ложных чар,
По высохшей груди нанес удар.

Тогда старуха зашаталась вдруг,
На множество кусков распалась вдруг:

То были тряпки. Связывал их клей,
Из ниток сделан был ужасный змей.

Откуда ж эти грозные огни?
Из пестрых тряпок сделаны они!

Разрушив чародейства мнимый ад,
Вернулся к шаху радостный Саад.

Шах, как отец, его поцеловал,
Любимым сыном он его назвал!..

«Зеленый рай»,— так прозван был цветник,
В котором старый шах дворец воздвиг.

Зеленому дворцу дивился мир,
Был во дворце устроен брачный пир:

Обвенчан ангел с пери молодой,
Слилась денница с утренней звездой!

Владыка вскоре в лучший мир ушел.
Счастливец унаследовал престол.

Саад в Зеленом восседал дворце,
В зеленом одеянье и венце.

В вазиры [11] взял он правдолюбцев двух,
К словам народа он склонял свой слух.

Его кумир, красив, розоволик,
Зеленый шелк носил, как базилик [12].

Весельем ясным душу просветлив,
Сад пребывал к народу справедлив,

Была его лицом озарена
Веселая, зеленая страна.

Зеленый цвет нам всех цветов милей:
Он — цвет весны, садов, лугов, полей.

Когда несчастья змеи к нам вползут,
Их ослепит зеленый изумруд [13].

Красавца молодого берегись:
Он строен, как зеленый кипарис.

Недаром Хызр в зеленое одет:
Бессмертье нам дарит зеленый цвет!»

Когда рассказчик смолк, сказал Бахрам:
«О чужеземец! Ты поведай нам:

Где корень твой, начало бытия?»
Ответил странник: «Родина моя —

Град Шахрисабз, а предок мой — Саад.
На мне зеленый видишь ты наряд».

Бахрам, узнав, кто этот человек,
Его градоправителем нарек;

И сразу, позаботившись о нем,
В ту ночь заснул он беззаботным сном.

ВТОРНИК

Бахрам в Красном дворце

Когда во вторник звездный сад исчез,
А звезды, розы красные небес,

Рассыпали, как искры, лепестки,
Когда старуха неба, вопреки

Годам, чтобы вернуть красу, слегка
Покрыла киноварью облака,—

В розовоцветный дом Бахрам вошел.
Подобный розе, там алел престол.

Была одежда шахская красна.
Он цвета розы попросил вина.

На зов его пришла царица роз,
В ее руках был розовый поднос.

Бахрам и роза пили дотемна,
Порозовели оба от вина.

Простился мир с вечернею зарей.
День отпылал и скрылся за горой.

Глаза Бахрама вспыхнули огнем.
Был сон развеян розовым вином.

Но слуги в тех глазах приказ прочли,
Пошли и чужестранца привели,

О нет, не чужестранца,— колдуна:
Была над словом власть ему дана!

Когда Бахраму странника приход
Известен стал, он молвил: «Пусть начнет

О том, что видел он в пути, рассказ»,—
И путник, шаха услыхав приказ,

Свое сказанье начал с похвалы:
«Как солнце, дни Бахрамовы светлы,

Вино его, как аргаван [1], красно,
Кровь побежденных — вот его вино!»

Окончив похвалу, сказал он:

Рассказ путника, приведенного с дороги в Красный дворец

«Встарь
В Дехли [2] был знаменитый государь.
Страна его обширною была,
А власть его всемирною была.

Затмил он шахов славою своей,
Гордился он державою своей,

Безмерной, мощной, как небесный свод,
Сокровищам своим терял он счет.

Был нрав его собраньем редких черт.
Он прямодушен был и милосерд,

Он был правдолюбив и справедлив.
Законы правосудья утвердив,

Он добротою славился в стране.
Так звался он среди владык: Джуне.

Дарами он сумел сердца привлечь,
О щедрости его не молкла речь.

Его недаром всякий восхвалял:
Он без причины лаки [3] раздавал,

Причину отыскав хотя б одну,
Дарил он человеку всю казну!

Забавной шутке, мысли тонкой рад,
Он острослову не жалел наград.

Рассказывают так: один бедняк
Ушел на поиски насущных благ.

Вернулся из чужбины этот муж
И шаху преподнес корзину груш.

Но плата запоздала дня на два,—
У продавца поникла голова.

Шах, вспомнив, приказал: «Обиняком
Поговорите с этим бедняком.

Чем наградить его? Каким добром?»
Ответил тот: «Пилой и топором».

«В чем тут премудрость?» — удивился шах.
«Вот в чем,— сказал бедняк.— В твоих садах

Срублю деревья, их плоды продам,
Найдя дорогу к даровым плодам».

Ответ услышав, молвил шах Джуне:
«Он десять лаков заслужил вполне».

Сто тысяч составляет каждый лак!
Объял вазиров страх: нельзя никак

Так щедро деньги раздавать в стране!
Решили: «Шаха приведем к казне;

Награду всю воочью увидав,
Невольно он воскликнет: «Я не прав!

Нельзя такое множество монет
Отдать в награду: в этом смысла нет!»

Но, подойдя к казне, сказал Джуне:
«Здесь мало, надо наградить вдвойне».

И это лишь одно из многих дел...
Однажды за беседой шах сидел.

Как небо, чистым помыслом высок,
На пир созвал он дружеский кружок,

Жемчужин-милостей рассыпав горсть.
Среди друзей был чужеземный гость.

Он зеркало принес владыке в дар,
Невиданных исполненное чар:

Промолвишь правду — чудное стекло
Твой лик правдивый отразит светло,

Солжешь — тебя разоблачит оно:
Изображенье будет в нем черно!

Шах, зеркалу немало удивясь,
В его чудесных свойствах убедясь,

В награду гостю много денег дал;
Тот о десятой доле не мечтал

И щедрость шаха до небес вознес.
В беседе задал шах ему вопрос:

«Земных прошел ты множество путей,
В пути встречал ты множество людей,

Скажи по чести, правду не тая:
Есть в мире люди, щедрые, как я?»

Вопрос поставил путника в тупик,
От страха онемел его язык:

Он скажет «есть» — царя сожжет гроза,
Он скажет «нет» — царю солжет в глаза!

Пошла по телу чужеземца дрожь,
И, правду скрыв, решил сказать он ложь:

«По всей вселенной я прошел стопой,
Никто на свете не сравним с тобой».

«Не лжешь?» — «Не лгу: поверить можно мне».—
«Взгляни-ка в зеркало»,— сказал Джуне.

Тот глянул — отразился черный лик.
Смутился гость и головой поник.

Такой же стыд почувствовал Джуне,
Сказал: «Солгал ты по моей вине,

Но если скажешь правду, навсегда
Избавишь нас обоих от стыда».

Гость молвил: «Есть один, тебе сродни».
Сказал властитель: «В зеркало взгляни».

Тот глянул: отразился светлый лик.
Джуне сказал: «О чистоты родник,

О щедром человеке расскажи!» —
«Великий шах! Ты — ненавистник лжи,—

Воскликнул гость,— услышишь ты сейчас
Никем еще не слыханный рассказ,

Но лучше будет, если шах Джуне
Останется со мной наедине».

Сказал придворным шах: «Покиньте нас!»
Все люди вышли. Начал гость рассказ:

«Индийский город есть, известный тем,
Что говорят о нем: «Второй Ирем».

Он входит, о Джуне, в твою страну,
Дань вносит каждый год в твою казну.

Пленяет он людей, как древний сказ
О любящих: зовется он Тараз [4].

Наверно, славный шах, бывал ты в нем
Иль с описанием его знаком?»

Шах отвечал: «Нет, в нем я не бывал,
Но много я слыхал ему похвал.

Однако, путник, продолжай рассказ».
И тот: «Иремом я назвал Тараз,—

Иремским древом пальмы назову.
Там Каусар [5] струится наяву.

Рек полноводных — изобилье там,
Сладка вода, как в Сельсебиле, там,

В садах и рощах блещут воды там,
Все горожане — садоводы там,

Никто из них не пожалел трудов
Для украшенья розовых садов.

К душистым розам с детских лет влеком,
Владеет каждый житель цветником,

У каждого благоухает сад,—
Дворцы, а не дома в садах стоят!

Ты скажешь: райская обитель там,
А каждый смертный — небожитель там,

А город весь — как дивный вертоград,
А весь народ воистину богат.

Был в явном замешательстве народ,
Когда богатствам сделал он подсчет,

В развалины заглядывать пришлось:
И в них богатства складывать пришлось!

Там юноша цветет, как рдяный куст.
Его нам не опишет златоуст.

Он чист, как животворная вода,
Лучист, как солнце, светел, как звезда.

Он прожил на земле немного лет,
Но знаниям его — предела нет.

Как зеркало, прозрачно естество:
С процеженной водой сравню его.

В понятьях тонких изощрен весьма,
Проник в любые тонкости ума.

И так как много он постиг наук,
Ученых вкруг него собрался круг:

Наставник их, премудрости сосуд,—
Тот юноша по имени Масуд!

Господь ему не отказал в дарах.
Он любит время проводить в пирах.

Когда земля цветеньем роз пьяна,
Он розового требует вина.

Он розами венчает красоту,
Он утопает в розовом цвету.

Когда же розы вянут на лугах,
Он утопает в розовых шелках,

Опрыскав амброй розовый покой:
Так розы он опрыскивал водой.

Шелка розовоцветные надев,
На пир зовет розоволиких дев.

На их ланитах розы — не обман,
Ланиты их не ведают румян,

Они красивы и счастливы все,
Они готовы для полива все!

Веселие, придя к его двору,
Раскроется, как роза, на пиру.

Когда на пир его ты бросишь взгляд,
Взглянуть на райский не захочешь сад!

О нем я, пусть бессвязно, рассказал,
Поверь, не для соблазна рассказал.

Я слово находил одно из ста,
Но слова не найдут мои уста,

Чтоб щедрости его хвалу воздать.
Что я! Когда бы мог Хатем [6] восстать

Из мертвых,— не склонявшись ни пред кем,
Пред ним склонил бы голову Хатем!»

Замолк рассказчик из чужой земли.
Потряс он повелителя Дехли.

Воскликнул тот, у странника в плену:
«На редкостного юношу взгляну!»

Сказал: «Неделю буду отдыхать,
В покоях женщин чашу осушать.

Освобождаю всех дворцовых слуг:
Пусть у себя проводят свой досуг».

Когда придворные домой пошли,
Джуне, решив уехать из Дехли,

Дал наставленья приближенным всем:
Он их заботам поручил гарем.

Был у него быстробегущий конь.
Он ярких молний обгонял огонь.

Бесстрашному послушен седоку,
Он обгонял пернатых на скаку:

Он за день покрывал недельный путь,
А за неделю — беспредельный путь!

Свой облик и одежду изменя,
Джуне вскочил на быстрого коня.

Он за̀ два дня покрыл сто ягачей [7]
И вот увидел город богачей,

Сады густые, стройные дома...
Хотя рассказчик точен был весьма,

Описывая город,— во сто раз
Красивей описанья был Тараз!

Дорогу расспросив, Джуне достиг
Дворца Масуда. Был дворец велик,

Айван — подобен утренней заре.
Шел пир, и шумно было на дворе,—

Хозяина приветствовал народ.
А путешественников у ворот

Встречали слуги. Увидав Джуне,
Который к ним подъехал на коне,

Они пред ним склонились до земли,
Его коня в конюшню отвели,

А самого — в гостеприимный дом.
Джуне дивился, слугами ведом,

Великолепью утвари, ковров,
Достойных даже царственных пиров.

Вот кушанья принес один из слуг,
За ним хозяин появился вдруг.

Красив и благороден гость, а все ж
Не так, как этот юноша, хорош!

Хозяин юный так радушен был,
Так щедр и так великодушен был,

Что потускнел в сравненье с ним Джуне!
Когда Джуне насытился вполне,

Хозяин предложил ему вина.
Была учтива просьба и скромна,

Согласием ответил гостя взгляд.
И юноша, его согласью рад,

Вином украсил пиршества ковер,
Потом повел о бане разговор.

Был бесподобен банный тот покой:
Покрыты стены яшмой дорогой,

Из мрамора цветного сделан пол.
Туда хозяин путника привел.

Как небо, там сияли зеркала,
И розовая там вода текла.

Дорожную с себя смывая пыль,
Дивился гость: то сказка или быль?

Вся утварь очаровывала глаз.
Как солнце, позолочен каждый таз.

Но где сравненье ручке подберем?
Как полумесяц, блещет серебром!

Там полотенца — златотканны все,
Как лепестки, благоуханны все!

Шах думал, опускаясь в водоем:
«Нет роскоши такой в дворце моем!»

Едва исполнил омовенья долг,
Увидел он розовоцветный шелк.

Для гостя подчинение — закон.
В одежду цвета розы облачен,

Масудом встречен, шах пришел на пир.
Такого пира не запомнит мир,

Такого пира не было давно,
Там ангел — кравчий, Каусар — вино!

Был каждый из гостей одет в халат,
Как роза, рдяный, красный, как гранат.

Алела утварь у Масуда вся,
Рубиновой была посуда вся!

И кравчий путнику вино поднес
Душистое, как сок пунцовых роз,

И много раз, кругла и тяжела,
Гостей хмельная чаша обошла.

Всем в головы ударил буйный хмель.
Джуне, который сдержан был досель,

Вдруг осторожность потерял свою,—
Джуне себя почувствовал в раю:

Куда ни взглянет — гурии кругом.
Был наголову он разбит вином!

Достоинства завесу он совлек,
Снял со шкатулки уст своих замок.

Сломал Джуне молчания печать,
Без выбора он стал слова метать,

Развязанным он сделал свой язык;
И так как тонкости ума постиг

И так как был красноречивым шах,
То жемчуг заблестел в его речах.

Сказал он: «Много стран объемлю я.
Не только Индию — всю землю я,

Скитаясь, обошел из края в край,
Но знанья чистый свет, счастливый рай

Увидел я лишь во дворце твоем.
Поведай мне, блаженный бытием,

Откуда столько у тебя добра?
Так много золота и серебра —

Да во сто крат умножит их Аллах —
И в царских я не видел погребах!»

Масуд сказал: «Твой лик — счастливей роз.
Необходим ответ на твой вопрос.

Богатство — богом смертному дано.
Узнай, откуда у меня оно.

Есть справедливый шах у нас в стране,
Тень бога над землею — шах Джуне!

Пусть день его не меркнет никогда,
Пусть вечный бог продлит его года!

Он любит справедливость: всех людей
Объемлет справедливостью своей.

Сумел он беззаконье устранить,
Он разорвал неправды черной нить.

И вот, по мановению царя,
Нам светит справедливости заря,

Покой вкушая сладкий, мы живем,
В довольстве и в достатке мы живем.

Сокровищ наших выросло число,
Когда он взял нас под свое крыло,

Все осенив могуществом своим!
Мы знаем, что имуществом своим

Обязаны царю: таков закон,—
Мы счастливы затем, что счастлив он.

А я других счастливей потому,
Что господу молюсь я своему:

За все дары его благодаря,
Прошу я долголетья для царя.

Кто жаркою молитвой пренебрег,
Немилостив к тому суровый рок.

Я каждый день молюсь,— и вот Аллах
Стал спутником моим во всех делах».

Шах, выслушав, пришел в такой восторг,
Что счастья вопль едва он не исторг.

К Масуду он почувствовал любовь,
И красноречьем засверкал он вновь.

Никто с ним состязаться не посмел!
Масуд, им восхищенный, онемел

И понял: многоумен гость его,
Он — украшенье века своего,

Мудрец в нем собеседника найдет!
И в благодарность за его приход

За гостя жертвой пасть он был готов...
Ему служило множество купцов.

В тот вечер двое прибыли к нему,
Доставив много прибыли ему.

Была та прибыль подати равна,
Что вносит шаху целая страна.

Но гостю подарил ее Масуд,—
К стопам Джуне все золото несут!

Шах равнодушен: он узнать хотел,
Где щедрости Масудовой предел.

Сказал Масуд: «Пусть гурии сейчас
Войдут и розами осыплют нас».

Явилось десять гурий со двора.
Хотя настала осени пора,

Нежданно ветер осени принес
Весеннее благоуханье роз.

С приходом гурий дом расцвел, как сад,
На всех розовоцветный был наряд,

Манили, словно розы, лица их,
Готов был каждый гость влюбиться в них.

Веселие сияло в их очах,
Волнение в душе почуял шах...

Масуд кому-то подал знак, и вдруг
Одна явилась, всех затмив подруг.

Вот, легкая и томная, спешит
И чашу — не видал такой Джемшид,—

Вином наполнив, шаху подает.
Как солнце озаряет небосвод,

Так чаша озарила всех гостей.
«Ты должен присмотреться к чаше сей,—

Сказал Масуд,— закон ее такой:
Наполнил раз — не станет вновь пустой.

Когда ее направо пустишь в круг
И в руки перейдет она из рук,

Ни разу не иссякнет в ней вино:
Ей свойство необычное дано!

Когда налево в круг пойдет она
И гости все напьются допьяна,

Вина в ней меньше станет, но чуть-чуть.
Волшебных свойств уразумел я суть:

Когда творцы ее произвели,
Заклятие они произнесли».

Шах сделался поклонником вина.
Он пил, а чаша все была полна,

И, брат его по щедрости, Масуд
Поднес ему в подарок свой сосуд.

Но день и вечер превратились в ночь.
Вину служить уже гостям невмочь.

На них дыханьем сна повеял мрак.
Когда рассвет, гуляка из гуляк,

Стал наслаждаться солнечным вином,
Расстались гости с благодатным сном.

Хозяин задал пир на целый день,
Всех пригласив под розовую сень.

Расселись гости посреди двора.
Был этот пир пышнее, чем вчера,

Вкуснее утренний напиток был,
Вина хмельного преизбыток был,

И кипарисы с розовым челом
Всех угощали розовым вином.

Опять хозяин сделал знак рукой,
И тот, кто был догадливым слугой,

Ушел и вскоре дивный чанг принес,
Привел одну из тонкостанных роз.

Свое лицо, учтива и скромна,
Закрыла шелком розовым она.

«Пусть покрывало снимет на пиру,
Пусть сядет, чанг возьмет, начнет игру»,—
Сказал Масуд. И чанг она взяла
И покрывало легкое сняла,

И гости разума лишились вдруг.
Когда же звонкий чанг у тонких рук

Обрел пьянящий звук, даруя жизнь,
Все гости обрели вторую жизнь!

Был музыкантшей так Джуне пленен,
Что вместе с чангом издавал он стон:

Она зажгла в душе его пожар!
Прощения прося за скромный дар,

Ему вручил красавицу Масуд,
А слугам поручил приятный труд:

От солнечной до сумрачной поры
Все время гостю подносить дары.

Настала ночь. Сразило всех вино —
И пьяного и трезвого равно.

Когда проснулись гости поутру,
То снова оказались на пиру.

Еще не отшумел двухдневный пир,
Был вновь устроен задушевный пир,—

Вино розовоцветное опять
На лицах стало розы раскрывать.

Явились розы, томны и легки,
Рассыпав розовые лепестки.

Убранство было во сто раз пышней,
Гораздо больше собралось гостей,

Веселье бурной пенилось рекой.
Опять хозяин сделал знак рукой,

И гости вдруг увидели слугу:
Он вел коня, который на бегу

Был, словно молния, неукротим.
Шебдиз [8] не мог бы состязаться с ним!

Был масти нежно-розовой скакун,
Недаром прозывался он: Гульгун [9].

Как пери, розов, грозен был, как див,
Красу и мощь в себе соединив.

Он чудом был, он дивным дивом был,
Он, пери, в то же время дивом был:

Мы будем правы, если назовем
Гульгуна двуединым существом.

Еда Гульгуна — сахарный тростник,
Вода Гульгуна — сладостный родник.

Он всех коней быстрей и горячей,
Он за̀ день сто покроет ягачей.

Масуд, пред гостем голову склоня,
Подвел к нему бесценного коня.

Джуне был всем его подаркам рад,
Но конь его обрадовал стократ.

Масуд был верен щедрости своей:
Он много шаху преподнес вещей.

Он одарял его до той поры,
Когда в дворцах кончаются пиры,

Когда и мрак ночной и светлый хмель
Поклонников вина кладут в постель.

От солнца вспять помчался мрак-индус [10],
Проснулся шах и сбросил сонный груз.

Опять Масуд его на пир зовет,
Исполненный веселья и щедрот.

«Прекрасноликий друг,— сказал Джуне,—
Любовь к себе посеял ты во мне.

Запомню я, пока я не умру,
Добросердечье на твоем пиру.

Хотя разлука причинит мне боль,
С тобой расстаться все-таки позволь:

Без спросу входит гость, таков закон,
Но с разрешенья пусть уходит он».

Был этой речью огорчен Масуд.
Сказал: «Зачем уста твои рекут

Слова разлуки? Скорбь в твоих речах,
О путник с блеском знания в очах!

Была беседа наша весела,
Мне наша встреча радость принесла.

Иль провинился я, тебе служа?
Пусть мне простит мой грех твоя душа!

Я радовался лику твоему,
Приязни, красноречью и уму.

Прошу: еще немного погости.
А нет,— когда виновен я,— прости».

Но, извиненья попросив, Джуне
Пустился в путь на розовом коне;

Измерит землю конь, помчась вперед,
Пришпорь его — измерит небосвод!

Собрав большое множество монет,
Хозяин их отправил гостю вслед;

Надзору поручил проводников
Огромное количество тюков;

Отправив слуг, сел на коня потом
И, гостя проводив, вернулся в дом.

Стрелой помчался конь в степной пыли.
Шах в тот же день обрел покой в Дехли.

И вскоре к шаху прибыли дары,
И в честь Масуда стал он с той поры

Розовоцветным кубком тешить взгляд,
Розовоцветный надевать наряд...

В те дни Таразом правил самодур.
Всей Индии известен был Джайсур.

Попал народ правителю в тиски,
Чей сан высок, а помыслы низки.

Всех в содроганье приводил злодей,
И жалобы загубленных людей

Дошли до шаха. Отдал шах приказ:
«Сместить Джайсура с должности тотчас,

Ко мне Джайсура привести на суд,
Таразом править пусть начнет Масуд».

Но прежде чем пришел указ такой,
Сумел Джайсур проведать стороной

О том, что скоро будет он смещен,
Что шах его правленьем возмущен,

Что будет учинен ему допрос,
Что шах поймет, как много перенес

Народ, измученный в его узде:
Раскроется вся правда на суде,—

И по заслугам шах ему воздаст!
Был у него, на хитрости горазд,

Как он, влеком к насилию и злу,
Помощник; прозывался он Маллу.

Злодей позвал злодея на совет.
Сказал Маллу: «Виною наших бед —

Масуда щедрость, все его дела.
Молва до шаха, видимо, дошла

О щедрости, о чистоте его,
О беспримерной доброте его.

И шах решил Тараз отдать ему,
Тебя сместить и посадить в тюрьму.

Но если будет удален Масуд,
Вновь звезды счастья над тобой взойдут.

Узнав, что он исчез, заплачет шах,
А власть в твоих останется руках!»

Сказал Джайсур: «Я внял словам твоим,
Но как теперь Масуда удалим?»

Сказал Маллу: «Приязни и любви
Обычаи сперва ты прояви,

Отдай гостеприимной дружбе дань,
К нему придя, Масуду другом стань,

Смиренно пригласи его в свой дом,—
Сам позабочусь я об остальном».

Злодей пришел в восторг. Пустил он в ход
Уловки всевозможные и вот

Масуду другом задушевным стал,
Масуда гостем каждодневным стал,

Стал каждый день Масуд ходить к нему,
Радушье находя в его дому.

Переступал Масуд его порог,
От подозренья всякого далек,

Джайсура чистым сердцем возлюбя...
Однажды, пир устроив у себя,

Масуд сидел за чашей дотемна.
Ум ослабел от крепкого вина.

С Джайсуром рядом, на свою беду,
Упал он без сознания в саду.

Сразив Масуда наповал, вино
Всех слуг его сразило заодно.

Об этом только и мечтал Маллу,
В укромном притаившийся углу.

Окликнул он своих бесчестных слуг.
Они к Масуду подбежали вдруг,—

Был всем известен их жестокий нрав! —
И, руки, ноги путами связав,

Масуда понесли в ночную тьму,
Послушные владыке своему.

Отправил их Маллу к себе домой,
А там в колодец, словно в мрак ночной,

Масуда бросил, и пошел он прочь...
О боже, сотворивший день и ночь,—

Несчастный там лежит, он — жертва лжи,
О нем родным и близким расскажи!

Вот ночи ворон опустил крыла,
Голубка утра плакать начала.

Она к Масуду заглянула в дом
И разбудила всех... Что пользы в том?

Проснулись все,— не мил им белый свет:
Хозяин их исчез, Масуда нет!

Раздался страшный вопль, протяжный стон,
Но больше всех Джайсур был потрясен,

Он громче, горше плакал что ни миг,
Все крики заглушал Джайсура крик.

На поиски домашние пошли,—
Потери драгоценной не нашли.

И тосковали о Масуде все,
Его оплакивали люди все,

И таяла надежда с каждым днем.
И вот поминки справили по нем.

Джайсура тоже горе потрясло.
Он возлюбил страданья ремесло,

Он, дальновидный, слезы лил из глаз.
Был мнимой скорбью поражен Тараз,

И люди утешали хитреца,
И кончились печали хитреца

Поминками, что были всех пышней
И длились ровно семь веселых дней...

Вернемся к ночи той, когда Маллу
Поверг людей в безрадостную мглу.

Проснувшись в темной спальне под земле
Покинула заря колодец свой.

Придя в себя, открыл глаза Масуд.
Почувствовал он боль от грубых пут.

Дивясь, увидел он себя в беде,
До половины — в грязной он воде,

А сверху — в мраке, словно в дегте, он...
Какой попал печали в когти он?

Сказал: «О боже, силы мне прибавь!
Где нахожусь я? Вижу сон иль явь?»

Он вспоминал о проведенном дне:
«Как очутился я на мрачном дне?»

Но вот в колодец узкий луч проник,
Веревка опустилась в тот же миг.

Он ухватился за нее рукой,
В мученьях выбрался на свет дневной,—

И сразу был он схвачен палачом!
Когда Масуд глаза открыл с трудом,

Увидел он свирепого Маллу,
Тот извергал на пленника хулу,

Пришел с охапкой палок злобный раб,
А юноша так жалок был и слаб!

Сказал Маллу: «Мы пленника от пут
Освободим: пытать мы будем тут».

Не понимал несчастный ничего!
Посыпались удары на него,

И каждый обжигал сильней огня.
Он крикнул: «Что вам нужно от меня?

Хотите денег? Я вам денег дам!
Хотите жизнь? Ее вручаю вам».

Но от мольбы злодей замкнул свой слух.
«Покрепче бейте!» — он кричал на слуг.

Удары стали сыпаться опять.
Сказал Маллу: «Пора вам перестать:

Убить его я сразу не хочу».
И слуги подчинились палачу.

Смутило небеса такое зло.
Масуд, в крови, поднялся тяжело

И зарыдал: «Скажите, о друзья,
О мусульмане, в чем виновен я?

А я не знаю за собой вины:
Злодейство и жестокость не нужны!»

Но тщетно пленник вопли поднимал:
Ему каменносердый не внимал.

Так несколько прошло ужасных дней.
Казалось бремя жизни все трудней,

Глумился над обиженным палач.
Напрасен был Масуда горький плач:

«О, наконец меня ты пожалей,
Избавь меня от жизни поскорей!»

«Я завтра,— тот решил,— его убью:
Насытил злобой душу я свою».

В колодец бросив пленника опять,
Слуге велел он устье охранять,

Потом, придя к Джайсуру, молвил так:
«Обрадуй сердце: уничтожен враг».

Джайсур воскликнул: «Пленника убей!»
И вот к себе отправился злодей,

Устроил пир, напился до скотства,
На грудь упала камнем голова...

Он был прекрасной дочери отцом.
Украшен город был ее лицом.

Ты самый горький ей задай вопрос,—
Сладчайший даст ответ царица роз.

Превыше всех похвал ее краса.
Давно ее сожгла любви гроза:

Масуд был этим грозовым огнем!
Рассказывали много ей о нем,

Но девушка, стыдлива и робка,
Глядела на него издалека,

В глубокой тайне от людей храня
Пылание любовного огня...

Она, чуть пленник попадал в тюрьму,
Стремилась всей душой помочь ему,

Сама страдая от любовных уз,
Как бы вступала с пленником в союз.

Давно ее ушей коснулась весть
О том, что в доме тайный узник есть,

Но расспросить отца боялась дочь.
Когда она узнала в эту ночь,

Что люди стали жертвой винных чаш,
Что пьян отец, пьян у колодца страж,—

Красавица, в колодец заглянув,
Сияньем лунным узнику сверкнув,

Спросила нежно: «Кто ты, пленник бед?
Ты жив иль мертв? Ты слышишь? Дай ответ!»

Масуд подумал: «То сама душа
Зовет меня, ко мне сойти спеша!»

Он прошептал: «Зовусь Масудом я.
Твои слова услышал чудом я:

Свершило горе на меня набег...
Но кто ты — ангел или человек?

Из божьей доброты сотворена?
Мне в нежном голосе твоем слышна

О жизни весть. Вокруг меня — враги.
Когда помочь мне можешь,— помоги,

Не можешь,— смерть меня спасет одна!»
Красавица была потрясена,

Узнав, что имя пленника — Масуд!
Огонь любви сильнее вспыхнул тут,

Он вспыхнул ярко, вспыхнул до небес!
Когда Масуд таинственно исчез,

Она беды измерить не могла,
Но в смерть его поверить не могла,

Твердило сердце ей: «Отцу не верь,
Ужасен твой отец, как дикий зверь».

Услышав, что несчастного зовут
Масудом, вскрикнула она: «Масуд!

Могу ли, умерев, тебя спасти?
Себя хочу я в жертву принести!»

Она рыдала, но кончалась ночь,
А пленнику слезами не помочь.

Увидели тут сверстницы ее,
Служанки две, наперсницы ее,

Как плачет, как страдает госпожа:
Она, сердечной тайной дорожа,

Открыла сердце только этим двум.
Служанки сердце напрягли и ум

И, к пленнику сочувствия полны,
Масуда извлекли из глубины.

Изображеньем тела без души
Был юноша. Нет, лучше напиши:

Душою бестелесной был Масуд!
Он сразу был освобожден от пут.

Красавица, припав к нему в слезах,
Была готова превратиться в прах,

Но увидав, что пользы нет от слез,
Что будет не ко времени расспрос,

Велела тайно в дом его ввести,
Чтоб вновь не оказался взаперти.

И пери, сердце радуя свое,
То яства подавая, то питье,

Вкруг юноши, как бабочка, вилась,
Не отводя влюбленных ясных глаз.

Но вот рассвет прогнал ночную мглу.
С тяжелой головою встал Маллу

И сразу же к колодцу поспешил:
Убить сегодня пленника решил.

Что ж он увидел, страхом обуян?
Колодец пуст, а страж смертельно пьян!

«Убейте стража!» — отдал он приказ,
К правителю направился тотчас

И, трепеща, всю правду рассказал.
Сраженный этой вестью наповал,

Джайсур был вне себя. Но где беглец?
Решил палач жестокий наконец:

Наверно, в город убежал Масуд,
И там найдя, они его убьют!

Они дома обыскивали все,
Окрестности обрыскивали все,—

Исчез Масуд, исчезла тень его,
Хотя искали целый день его!

К исходу дня красавицы любовь
Любимому вернула силы вновь.

Решили оба: надо им бежать.
Когда злодеи обратились вспять,

Когда освободились все пути,
Лишь для того, чтоб любящих спасти,

Красавица добыла двух коней,
Опережавших бег ночей и дней.

Два друга понеслись одним путем:
Сначала спутник, странствие — потом...

Их бегство обнаружили чуть свет.
Отправилась погоня им вослед,

С таким усердьем яростным скача,
Что не осталось даже ягача

До беглецов: уже в степном песке
Виднелись очертанья вдалеке!

Но господу несчастных стало жаль:
Увидели они морскую даль,

Корабль грузился, пенилась волна.
Всю плату корабельщику сполна

Они вручили, сели на корму,
Еще не веря счастью своему.

Погоня — в гневе: на ее глазах
Корабль на всех умчался парусах.

Не удалось злодеям сделать зло!
И десять суток по воде несло

Двух любящих, и вот видна земля.
Они сошли поспешно с корабля;

Случилось так, что около Дехли,
Столицы царства, беглецы сошли [11].

Помчались на конях своих вперед,
Всю ночь они промчались напролет,

К утру, надеясь обрести покой,
Окраины достигли городской.

Но крепостью был путь их прегражден:
В той крепости разбойничий притон.

Разбойники, по десять человек,
На всадников свершили свой набег,

Отняв коней, раздели догола,—
И скрыла их предутренняя мгла...

У двух несчастных сожжены сердца.
Они пошли, благодаря творца

За то, что не рассеялся туман.
Вдруг их толпа нагнала горожан.

Приблизился Масуд к толпе тотчас,
Разжалобил людей его рассказ,

Прикрыли бедных рубищем они,—
Так помогли двум любящим они.

Благодаря людей за доброту,
Прикрыли два страдальца наготу,

С возлюбленной вперед пошел Масуд:
В развалинах они нашли приют.

Вот вспыхнула заря, туман прогнав.
Умчалась ночь-разбойница стремглав.

Горячий день страдальцев озарил,
Но голод их лишил последних сил.

Возлюбленную голод поборол,
И встал Масуд, и в город он побрел.

«Добуду денег — сразу накормлю
Красавицу, которую люблю!»

Так думая, пришел он на базар
В тот миг, когда отменный свой товар

Выкладывал на блюда продавец:
Тамбуль и манго [12] шаху во дворец

Он посылал. «Друзья мои! Дирхем,—
Так продавец кричал,— вручу я тем,

Кто эти блюда шаху понесет!»
Масуд услышал этот крик, и вот

Он блюдо взял и во дворец пошел.
День зноен, путь носильщика тяжел,

С трудом он шахского дворца достиг.
Вокруг Джуне благоухал цветник,

Стонал и плакал най [13], а сам Джуне
Топил слезу в бесчувственном вине,

Масуда вспоминая, пил вино,
А сердце было горем сожжено...

Вошел Масуд. Что ж видит он в саду?
Гульгуна держит конюх в поводу!

Узнал Масуд знакомое тавро,
Свое узнал он прежнее добро!

Он изумился и проговорил:
«Мой гость Гульгуна шаху подарил!»

Пошел он дальше — услыхал напев,
Застыл, едва на месте не сгорев!

Внимая музыкантше, сад затих.
Знаком Масуду каждый звук и стих.

Ту самую узнал царицу роз,
Которую он гостю в дар принес,

И так подумал юноша: «Она,
Как видно, шаху гостем продана».

Когда на царский он вступил ковер,
На чашу бросил он случайный взор,

И сердце крови сделалось полно:
Так чашу переполнило вино.

Узнал он чудодейный свой сосуд.
«О боже, где я!» — прошептал Масуд.

Взглянул на шаха. Что за колдовство:
Узнал он в шахе гостя своего!

Затмила взор несчастного слеза.
«Как шаху в этом виде на глаза

Я покажусь? Подумает Джуне:
«Пришел он за расплатою ко мне,

За все подарки он попросит мзду».
Нет, я к нему сейчас не подойду!»

Так стыд лишил Масуда головы.
Рыдая, снял он блюдо с головы.

И царский сад покинул он бегом.
Стояли слуги важные кругом,

Средь них в то время, волею судьбы,
Нашлись Масуда прежние рабы:

Он подарил их от своих щедрот...
Когда, рыдая, он достиг ворот,

Вдруг зарыдали до едина все:
Они узнали господина все!

На них взглянув, невольно вздрогнул он,
Из сердца вырвался невольный стон.

Все бросились к Масуду. Был горяч
Невольников невольный, громкий плач...

Едва снаружи этот шум возник,
Тотчас он слуха шахского достиг.

Поспешно побежал к воротам шах,
И светлый мир померк в его очах.

Он увидал: рыдает скорбный друг
В кругу рыдающих и скорбных слуг.

Обняв его, заплакал горько шах,
Масуд к его ногам припал в слезах.

Над юношей, над горестным цветком,
Кружилась музыкантша мотыльком,

Кровь из очей лила царица роз,
Розоволикой сделалась от слез.

Когда ручей кровавых слез иссяк,
Шах приказал своим придворным так:

«Ведите в баню путника». Но тут
В словах коротких рассказал Масуд

О жертве рока, спутнице своей,—
О том, что надо ей помочь скорей.

Шах, выслушав Масуда, произнес:
«Носилки и одежды цвета роз

Отправьте утешающей сердца».
И вот рабыни, евнухи дворца

Одежды и носилки понесли,
В развалинах красавицу нашли,

Одели розу в розовый наряд,
Доставили ее в дворцовый сад

И, охраняя розу, как царя,
Служили ей, усердием горя.

Масуд исполнил омовенья долг.
Он увидал розовоцветный шелк:

Шах поступил, как некогда Масуд,—
Друг друга люди щедрые влекут!

Масуд оделся в царственный наряд,
Был добрый шах ему, как сыну, рад.

О том, что было, задал он вопрос;
Излил Джуне ручьи горячих слез,

Когда Масуд закончил без прикрас
О приключениях своих рассказ.

И с той поры Масуда сделал шах
Помощником, товарищем в трудах.

Наперсником, советником своим,
Любимым собеседником своим;

Ему был другом — не владыкой он,
Его связал с розоволикой он,

Масуда он богатством наделил,
Приязнью, дружбой, братством наделил!

Он в управленье дал ему Тараз
И вскоре обнародовал приказ,

За что народ вознес ему хвалу:
Джуне казнил Джайсура и Маллу,

И кровью их окрасились поля,
Розовоцветной сделалась земля...

Пришла пора цветенья роз. Взгляни,
Какие дивные настали дни!

Друзья лежат на розовых коврах,
В крови, как в розах, утопает враг.

Из сада сущих роза хороша,—
Пышней цветет бессмертная душа».

Когда закончил путник свой рассказ,
Узнал Бахрам: прославленный Тараз —

Его страна; пришел оттуда он,
Потомок щедрого Масуда он.

Велел причислить странника Бахрам
К наперсникам своим, к своим друзьям.

А это стоит больше, чем Тараз!
И шах счастливым сном заснул тотчас.

СРЕДА

Бахрам в Голубом дворце

Вот в среду голубой небесный свод
Отправил войско звезд в ночной поход.

Вот, золотом расплавленным горя,
Пустилась в путешествие заря.

Озолотил все небо солнца жар,
Заголубел под солнцем ненюфар [1].

Шах, в голубом от головы до ног,
Избрал жилищем голубой чертог.

Был сам подобен ненюфару он,
И поднял голубую чару он.

Вошла к нему красавица тотчас.
Ее одежда — голубой атлас.

Шах, выпив, снова попросил вина.
Хмельную влагу налила луна.

Он долго пил, не ведая забот,
Пока вращающийся небосвод

Не опрокинул солнце, как ладью,
На индиго [2] сменив лазурь свою.

Бахрам покинул несказанный пир,
Чтобы во сне вкусить желанный мир.

Вот пиршества посуда убрана,
Готово ложе царское для сна.

За пышный полог, весел и шутлив,
Зашел Бахрам. Так, небо накалив,

Заходит солнце, свой свершая круг.
Усердье проявили сотни слуг,

Нашли скитальца из чужой земли,
К Бахраму, как обычно, привели.

Уселся чужестранец на ковре,
О справедливом думая царе,

Чей полог — небосвода синева.
Вдруг слышит из-под полога слова:

«Пусть путник сказкой позабавит нас».
Но путник, прежде чем начать рассказ,

Вознес хвалу: «Семь голубых завес
В сей голубой дворец сошли с небес

И сразу превратились в полог твой.
Весь мир не более как сколок твой,

А небо — лотос [3] в цветнике твоем,
А солнце — капля в роднике твоем!»

Когда восторженная похвала,
До этого сравнения дошла,

Остановился он и начал так:

Рассказ путника, приведенного с дороги в Голубой дворец

«В Адене [4] жил когда-то чести враг.

Тираном и грабителем он был,
Несчастных душ губителем он был.

Он обитал на берегу морском.
К добру чужому всей душой влеком,

Ничем иным давно не дорожа,
Обычаи усвоил грабежа.

Опасности, препятствия презрев,
Он был отважен и силен, как лев.

Добычи полновластный господин,
На промысел он выходил один,

Творил он в одиночестве разбой,
В ночи напав на караван любой.

Он, землю не считая рубежом,
И на море занялся грабежом.

Он изготовил несколько ладей,
В укромном месте прятал их злодей,

А в нужный час неслись его челны,
Подобно лодке молодой луны.

Был к каждому челну приставлен страж
Из тех, кто создан для убийств и краж.

На дерево взбирался часовой,
Следил он за пучиною морской.

Чуть замечал он судно сквозь туман,
Об этом извещался атаман.

Садился тот на быстроходный челн,
Что птицею летал по гребням волн.

Всех устрашал своим обличьем он,
Всех оглушал свирепым кличем он,

Его смертельный меч сверкал остро.
Всех умертвив и превратив добро —
Богатого, убогого — в свое,
Он возвращался в логово свое.

Вот имя притеснителя: Джабир.
Разбойником его ославил мир.

Он хищному уподоблялся льву,
Когда в густую прятался траву,
А в море был прожорливым китом:
Сравнения другого не найдем!

На острове разбойник этот жил.
Пустынный остров хищнику служил

Убежищем, надежным тайником,
Где он хранил добычу под замком.

Была окружность острова равна,
Примерно, ягачу. Морского дна
Вкруг острова не доставал никто.
Упряталось разбойничье гнездо

Среди воды. Великое число
Цветов и трав на острове росло.

Там протекал источник сладких вод,—
Мы скажем: в яде оказался мед!
К ногам деревьев там бежал родник,
У родника Джабир дворец воздвиг.

Как небосклон, был купол голубым,
С водой живою мы родник сравним...

На острове соседнем, говорят,
Был город по названью Райский Сад.

Им управлял премудрый шах Новдер.
Великодушья, честности пример,

Творил он только добрые дела,
И, говорят, у шаха дочь была

Красы неописуемой. Она
Была, как пальма тонкая, стройна,

Нет, как в садах Ирема — кипарис,
Чьи кудри гиацинтами вились!

Ушам ее завидовал бутон,
Был мир ее ланитами сожжен,

А солнце не могло, хотя рвалось,
Уйти из длинных пут ее волос.

Ей солнце — раб. Ее назвали Михр [5].
Над ней кружился счастья светлый вихрь.

Был взор ее такой любовью полн,
Что в море поднимал кипенье волн.

Она, как солнце, освещала мир,
О нет, как пламя, обжигала мир!

Был день, когда наскучил ей покой.
Прогулки захотелось ей морской,

Движенья ветра и соленых брызг.
Как на море садится солнца диск,

Царевна, свиту всю собрав свою,
Уселась в легкокрылую ладью:

Вдоль острова она пустилась в путь,
Чтоб на его окрестности взглянуть.

Внезапно в недрах волн поднялся гул,
Противный ветер на ладьи подул,

Погнал их в море, злобой обуян,
И вскоре превратился в ураган.

Кричали корабельщики в слезах:
«Спаси, помилуй, пощади, Аллах!»

Так несколько ночей и дней подряд
Неслись ладьи — средь бури — наугад.

Когда же сила бури улеглась,
Тот часовой, что, не смыкая глаз,
За каждым судном пристально следил,
Увидел рваных несколько ветрил.

К Джабиру он со всех помчался ног.
Разбойник сел немедленно в челнок.

Нагнав суда, на глади голубой
Вступил он с корабельщиками в бой.

Он бурю стрел обрушил на суда,
От крови красной сделалась вода.

Разбил Джабир противников своих.
Оставшиеся на судах в живых

Пощады запросили, кончив бой.
Разбойник их погнал перед собой,

Им плыть в свою обитель приказал.
Вот к берегу грабитель привязал
Весь караван награбленных ладей,
Имущество отняв у всех людей.

Когда последний выгрузили вьюк,
Красавицу Джабир увидел вдруг,—

И бездыханным стал он, как мертвец.
Когда вернулся разум наконец,

Джабир осмелился глаза поднять,
Но, разум потеряв, упал опять.

Все это повторялось много раз.
Он понял, что ослепнет он сейчас.

Нельзя смотреть на равную заре!
Велел он солнцеликую Зухре

Ввести в чертог, приставив для услуг
Двух-трех ее служанок и подруг.

Всем остальным — хорошим и дурным —
Сказал он грозным голосом своим:

«Когда себе хотите вы помочь,—
Вот судно вам, и убирайтесь прочь!»

На судно в страхе глянули они,—
И в даль морскую канули они.

Осталась Михр на острове чужом:
Исчезло солнце в сумраке ночном.

Довольствуясь мечтой о ней, Джабир
Не смел глаза поднять на свой кумир.

Все дни ее покрыла ночи тень,
Сгорало сердце, как сгорает день...

Был, не был город полуостровной.
Прослыл он всюду райской стороной.

Так говорит о нем седая быль:
Его река текла, как Сельсебиль,

Он был покрыт финифтью [6] голубой,
У ног его шумел морской прибой.

То был Йемен. Владел им шах Нуман.
Он презирал насилье и обман,

Он превратил страну свою в цветник.
Добросердечен, мягок, он достиг

Высокой справедливости вершин.
Был у него такой красивый сын,

Что равного ему не ведал свет.
Его лица стыдился розы цвет,

А стройностью затмил он кипарис.
Ему искусства с детских лет дались,

Он всех наук премудрости постиг,
Сухейлем [7] звался он, солнечнолик.

Кудрями нежной Михр захвачен в плен,
Он сердце отнял у нее взамен.

Он был в нее влюблен, она — в него.
Он чувствовал души своей сродство

С ее невинною душой. Она
С царевичем была обручена.

Скучал он от любимой вдалеке.
Да что — скучал! В тревоге и тоске,

За краткий миг свиданья был он рад
Отдать ей жизнь!.. В густозеленый сад

Вступил Сухейль, от мира удалясь.
В саду семья деревьев разрослась,

Но, кроме ненюфаров голубых,
Не видно было там цветов других.

Он к ненюфарам склонность проявил —
Не склонность, а влюбленность проявил:

Под обаянием взаимных чар,
Всегда стремится к солнцу ненюфар.

Как ненюфара тонкий стебелек,
Он в голубой атлас себя облек.

Невеста, от разлуки с ним скорбя,
В ткань голубую облекла себя.

Несчастлив тот, кто в ненюфар одет [8]:
Он траура избрал печальный цвет.

На солнце, Михр, упал скорбей туман.
А в это время добрый шах Нуман

Занялся, охладев к иным делам,
Приготовленьем к свадебным пирам:

Был, говорят, назначен точный срок.
Жених от ожиданья изнемог.

Но вот Сухейль — блестящая звезда —
Сокровищами нагрузил суда.

Он сел в челнок и с помощью ветрил
На легком полумесяце поплыл.

Спешил он пересечь морской простор,
Скрепить с невестой брачный договор.

Вот к роковому прибыл месту он,
Где мог бы повстречать невесту он;

Здесь злые волны ветер гневный гнал,
Как перышко, ладью царевны гнал.

Опять подул ужасный ураган,
Судов рассеял стройный караван,

Корабль Сухейля он погнал, жесток,
От берега подальше, на восток,
И разлучил со свитой и добром.
Бежал бугор за вздыбленным бугром,

Губительной волной то вниз, то вверх
Кидало судно; путников поверг

В смятенье ураган, и вот, свиреп,
Туда, где был разбойничий вертеп,

Ладью пригнал; поведал часовой
Джабиру о добыче даровой.

Джабир поспешно в быстрый сел челнок.
Заранее он смерти всех обрек:

Топил он в море корабли не раз!
Но был Сухейль отважен: в трудный час

С врагом свирепым завязал он бой.
Царевич отбивал удар любой,

Но не хватило опыта и сил:
Злодея он ударом не сразил.

Джабир подумал: «Неприятель смел»,—
И неприязнь к сраженью возымел.

Отчаялся он справиться с врагом:
Впервые был в отчаянье таком.

На хитрость он пустился наконец:
Раздевшись, в воду бросился хитрец,

Нырнул под судно вражье нагишом
И днище судна распорол мечом.

Сумел разбойник так доску рассечь,
Что в корабле образовалась течь.

Увидел вдруг хозяин корабля:
Вода стремится снизу вверх, бурля!

Не мог он совладать с такой бедой:
Все судно было залито водой,

Водой бурлящей залито оно
И медленно идет уже на дно.

Уже решил царевич: «Я погиб!»,
Как подплывает к стае мелких рыб

Чудовище морское в глубине,
Джабир пустился к судну на челне.

Он сразу же царевича схватил,
Как умирающего — Азраил [9],

Связал его и бросил в свой челнок.
Царевич в этой битве изнемог.

Очнувшись, он подумал: «Это сон?
Я заарканен, я попал в полон,

А надо мной, как синяя струя,
Сверкает меч. Пропала жизнь моя!»

«Ты пленник мой, но храбрый воин ты,
Высокой похвалы достоин ты,—

Сказал Джабир.— С тех пор как мой челнок
Был спущен в море, смерти я обрек

Тебе подобных тысячи пловцов,
Но не было подобных храбрецов!

Такую дерзость видя в первый раз,
Тебя от верной гибели я спас.

Однако ты останешься в плену:
Когда тебе свободу я верну,

Ты, став слугой могучего царя,
К трудам войны усердием горя,

Со мною счеты вздумаешь свести,
К победе надо мной ища пути.

Я знаю лучший путь для нас двоих:
Ты лучше будь в неволе, но в живых».

Сухейль просил пощады, но злодей
Не слушал жалобных его речей.

Он повернул обратно свой челнок...
На острове, и мрачен и глубок,

Колодец вырыт был у самых скал.
Джабир в колодец этот опускал

Того, кто смерти в битве с ним избег.
Оттуда нет спасения вовек!

И вот Сухейль, в оковах и в пыли,
В колодец брошен был на дно земли.

Лепешки две иль три, воды кувшин —
Вот чем в плену питался шахский сын!

Невеста в башне, в пропасти жених,
Но вести друг о друге нет у них.

Теперь о свите поведем рассказ.
С тех пор как им сказал Джабир: «Тотчас

Возьмите судно, убирайтесь прочь!» —
По морю люди плыли день и ночь,

Скитались, словно ветер, по воде,
Пристанища не находя нигде,

И вот, покорны прихотям волны,
Достигли берегов родной страны.

Оделся каждый в голубой наряд,
Заплакал каждый, горестью объят,

А шах Новдер, проведший много дней
В разлуке с милой дочерью своей,—

Он тоже выбрал голубой халат.
Когда вернулись путники назад,

Когда, одеты в траур голубой,
Они владыке принесли с собой

Печаль, как море, весть, как страшный вихрь,—
Шах обезумел: потерял он Михр!

Мир превратился в мрак, в сплошную ночь:
Как солнце светлых дней, исчезла дочь!

Заплакав горько, он слезам в ответ
Сказал: «Мне в горьком плаче пользы нет.

Куда идти, чтобы дитя спасти?
Убью себя, не отыскав пути!

Слезой и вздохом горю не помочь,
Лишь действуя, вернуть сумею дочь».

Он в руки взял бумагу и калам [10]
И написал о том, что знал он сам,

Царю Нуману. Он писал ему,
Вверяя сердце тайному письму:

«Все божеством предопределено.
Однако бог с недугом заодно

Лекарство нам дает: святую месть.
А нет — нам жизнь не в жизнь и честь не в честь.

Я связан с Михр и телом и душой,
Но дочь мою ты не считай чужой.

В том, что разбойник ею тешит взор,
Не только мой, но также твой позор.

Нам пленница обоим дорога,
Так поведем две рати на врага.

Не можешь сам пойти — тогда твой сын
Пусть станет грозно во главе дружин.

Он редкими чертами наделен:
Как лев, отважен и силен, как слон.

По сути, Михр — давно его жена,
Она судьбою с ним обручена.

Пусть он по суше двинется в поход,
Сражаясь, продвигается вперед

До острова Джабира. В свой черед
Я тоже войска соберу в поход.

Отменные суда я снаряжу,
К разбойничьему двинусь рубежу,

Сухейль — по суше, я — морским путем,—
До логова Джабира мы дойдем!

Все подготовив, мы назначим срок
И выступим, чтоб наказать порок.

Успехом увенчаются труды,
Когда мы будем стойки и тверды.

Джабира без боязни укротим,
Злодея лютой казни предадим.

Он, как Сатурн, уйдет навеки в ночь,—
На воле засияет наша дочь.

Настанет час возмездия тогда,
Светлей блеснут созвездия тогда!

Согласен ты помочь мне или нет,—
Скорее сообщи мне свой ответ,

А если ты вступить не хочешь в бой,
Попробую пойти другой тропой».

Посланье друга шах Нуман прочел,
И холод по спине его прошел,

И слезы по морщинам полились.
Он догадался: две беды стряслись,

К возлюбленной отправился жених,
Но стал, быть может, жертвой бурь морских!

Шах мучился. Искал причину он
Такой беды. Стремился к сыну он:

«О, где же ты, Сухейль, моя звезда?
Ужели без надежды и следа,

О сын мой, ты исчез во цвете лет?»
Новдеру он послал такой ответ:

«Меня свалил печали грозный вихрь,
Когда узнал я о несчастье Михр.

Увы, калам дрожит в моей руке,
Но понял я, что смысла нет в тоске.

Меня ты просишь: «Во главе дружин
Пусть станет твой Сухейль, твой смелый сын.

Пусть он по суше двинется войной...»
О, скорбью не терзай меня двойной!

Не прибавляй тоски к тоске моей:
Нет о Сухейле у меня вестей!

О, где мой сын, оплот в моей судьбе?
Прошло с тех пор, как он отплыл к тебе,

Шесть месяцев, и был я удручен,
Считая, что запаздывает он.

Увы, он у тебя не побывал!
Сражен я этой вестью наповал.

Когда по суше ты пойдешь в поход,
Задев шатром походным небосвод,

Я снаряжу летучие ладьи,
Я морем поведу войска свои:

Быть может, жемчуг в море я найду,
Быть может, сына вскоре я найду!

Но пусть потерян сын мой навсегда,—
Я все равно к тебе свои суда

Направлю, да поможет нам господь
Разбойника и вора побороть.

Я выступленья назначаю срок,
Хочу, чтоб сроком ты не пренебрег:

В такой-то день мы встретимся с тобой,
В такой-то час мы дружно вступим в бой».

Такую речь отец повел с отцом,
Послание отправил он с гонцом.

Нетерпеливо ждал Новдер гонца.
Посланье от начала до конца

Глазами пробежал он, и тотчас
Он отдал всем войскам своим приказ

И двинулся кратчайшей из дорог,
Чтоб встретиться с Нуманом в точный срок.

Два шаха к цели двинулись одной:
Один по суше, по морю другой,—

На суше, в море много дней подряд
Одолевая тысячи преград.

Вот заросли: в них спрятались враги.
Новдера стали робкими шаги,

С опаской стал он двигаться вперед,
Хотя один остался переход!

Закрался в сердце полководца страх:
А вдруг взметнется из засады враг?

Но все же в заросли Новдер проник,
Войска повел сквозь чащу напрямик.

Не диво было встретить в том лесу
Марала [11], и оленя, и лису.

Смутился шах: в охоте знал он толк,
Излишний даже отдавал ей долг...

Ему за ратью бы следить своей,
А здесь такое множество зверей!

Чуть выбегал олень или марал,
Он сдерживался, очи закрывал,

Шепча: «Тебя не вижу я теперь!»
Вдруг розового цвета крупный зверь

Перед глазами шаха промелькнул.
Новдер невольно лук свой натянул,

Невольно поскакал за дичью вслед:
Иных уже не жаждал он побед.

Зверь устремился в дикие кусты.
Узка тропинка, заросли густы,

В кустах невольно заплутался шах,
Волнуясь, выстрелить пытался шах,

Но промахнулась шахская стрела.
Новдера так охота увлекла,

Что разум потерял он целиком,
Забыл он о сражении с врагом.

В глубь леса завела Новдера дичь,
А враг сумел войска его настичь.

Джабир в засаде выставил бойцов,
Головорезов, буйных удальцов.

«Не выпускайте никого из глаз.
Врага возьмете в плен — ко мне тотчас

Его доставьте!» — приказал глава.
Вдруг видят: низко стелется трава,

Несется зверь, опасностью гоним,
И знатный всадник скачет вслед за ним.

Все бросились к охотнику стремглав,
И всадник только ахнул, в плен попав!

Охотился в лесу за дичью он,
Но превратился сам в добычу он.

Урок царям: не покидайте рать,
Когда хотите царством управлять.

Победа не зависит от царя:
Воюет войско, чудеса творя.

Будь этот царь отважен, как Рустем [12],—
Один — всегда один, известно всем.

Вот матка, бросив рой, летит одна.
Но разве царственность ее видна?

Не видя улья, кто бы в ней почел
Владычицу трудолюбивых пчел?

Вот шахматная пред тобой доска:
Сильнее шах, когда кругом войска!

Едва Новдер попал врагам в силок,
Отряд одежду с пленника совлек.

Узнали все: «Новдер у нас в плену!»
Один из них дал волю скакуну,

Чтоб довести до слуха главаря
О том, что люди взяли в плен царя.

Услышав, что Новдер в его руках,
Джабир сказал: «Благословен Аллах!

Пока он не заметил ничего,
Вы посадите на челнок его,

Везите в крепость, завязав глаза,
Чтоб узник, слыша ваши голоса,

Куда везут его — понять не мог.
За ним заприте дверь, надев замок.

Храните дело в тайне ото всех:
Одна лишь тайна принесет успех.

Поставьте часового у дверей,—
Об этом доложите мне скорей».

Был во дворец доставлен шах Новдер,
Был ужасом подавлен шах Новдер,

Не понимая — где он, в чьих руках,
Не знали стражи, что их пленник — шах.

Все приняло подобный оборот,
Когда Нуман плыл по морю вперед.

В двух днях от цели был уже Нуман,
Как вдруг поднялся в море ураган.

Опять взметнулась до небес волна,
Тонула в тучах, как челнок, луна.

Нуман следил за бурею в тоске:
Висела жизнь его на волоске.

Был ураган воистину жесток:
Одни суда погнал он на восток,

На запад гнать другие стал суда,
Почти все войско смерть нашло тогда.

Хотя Нуман был страхом обуян,
Его не тронул страшный ураган:

Корабль Нумана принесло туда,
Где над Сухейлем грянула беда.

Опять заметил судно часовой,
Опять к Джабиру шаг направил свой.

Поплыл Джабир, на судно то взошел
И спящих беспробудно там нашел.

Узнал он и живых средь мертвецов
И понял положение пловцов.

Тогда повел он судно по волнам.
Вот остров, хорошо знакомый нам.

Немедленно на остров роковой
Был высажен Нуман, едва живой.

Добро-богатство выгрузил злодей,
Увез Нумана от его людей,

В темнице заперев его. Нуман
Не знал, кому попался он в капкан.

Не знал, клеймом судьбы запечатлен,
Что к своему врагу попал он в плен!

Темницы он переступил порог,
А вести о себе подать не мог.

Велел Джабир его людей собрать,
Он посадил их на челнок опять

И крикнул: «Убирайтесь в сей же час,
Чтоб я не видел никого из вас.

От этих мест гоните вы ладью.
А если здесь останетесь,— убью».

Отплыли люди, жизнь спасти спеша:
Глаза в слезах, в смятении душа.

Меж тем увидели, забравшись в лес,
Войска Новдера, что их шах исчез.

Весьма обеспокоены тогда,
Пришли к решенью воины тогда:

«Без полководца не воюет рать»,—
И повернули в беспорядке вспять...

Победу одержав, злодей Джабир
Дни превратил свои в веселый пир.

В честь Михр он здравицы произносил,
Но взор красавицы его сразил.

Хотя во здравье Михр он пить привык,
Не смел, не мог смотреть на милый лик.

Взглянуть боялся на любовь свою,
И не вино он пил, а кровь свою!

А Михр, вступая в розовый цветник,
Рвала, подобно розе, воротник,

Роняла слезы во дворце врага,—
Так рассыпает море жемчуга.

Нежна, как лотос, в ткани голубой,
Бродила ненюфаровой тропой.

Вдали от дома отчего скорбя,
Так ударяла по лицу себя,

Что ненюфара синий лепесток
Взошел на нежных розах алых щек.

Она не знала, как себя спасти,
К спасению не видела пути.

Печальным стало юное чело.
Однажды до красавицы дошло:

На дно колодца пленник погружен,
Оттуда раздается плач и стон.

Сказала: «Если я освобожу
Несчастного и, зарыдав, скажу:

«Прошу тебя, внемли мольбе моей,
Отправься ты к Сухейлю поскорей,

Быть может, мой жених придет сюда,
Для правой битвы оснастив суда,

Освободит меня из хищных рук».
И вот, в сопровожденье двух подруг,

Страдалица к колодцу подошла.
«О пленник скорби! — голос подала,—

Как ты, я пленница, как ты, раба,
Как ты, несчастна я, как ты, слаба.

Но если силы я найду в плену,
Тебе спасенья руку протяну,

Поймешь ли ты, о чем тебя молю?
Пойдешь ли ты, куда тебя пошлю?»

К несчастному донесся голос вдруг.
От счастья сердце раскололось вдруг.

Царевич был так слаб, так одинок,
Он от разлуки с милой изнемог,

Он изнемог от непомерных бед...
Волнуясь, он такой нашел ответ:

«О пери, ангельское существо,
Ты — новый дух для тела моего!

Как вестник воли ты явилась мне.
Когда б ты оказала милость мне,

Когда б от мук избавила меня,—
Куда бы ни направила меня,

Тебе я был бы верен, госпожа,
От всей души твоей душе служа».

Веревку опустила Михр. О нет,—
Две скрученных косы! И вот на свет

Был извлечен Сухейль из тьмы земли.
Красавице служанки помогли

Освободить страдальца от цепей.
Обласкан был царевной раб скорбей,

Поцеловал он перед нею прах,
К ногам ее припав, сказал в слезах:

«О пери! Изложи мне свой приказ».
И повела красавица рассказ

О царственном седом отце своем,
О вольной жизни во дворце своем,

О родине, цветущей вдалеке,
О женихе — Сухейле-смельчаке,

О том, как ветер, волею судеб,
Ее занес в разбойничий вертеп,

Как тот злодей, кем в плен она взята,
Пред ней дрожит, не раскрывая рта.

Бессильный пленник разум потерял,
Остаток сил он разом потерял,

А Михр, не замечая ничего,
Продлила нить рассказа своего:

«Судьба к моим рыданиям глуха.
Никто на свете, кроме жениха,

Меня спасти не может от оков.
Мой сострадалец! Путь к нему таков:

Во имя чести, воли и любви
Ты море поскорей переплыви,

Сухейлю расскажи, придя в Йемен,
Что к нечестивцу я попала в плен,

Что я... Мой друг! Зачем твой взор погас?
Не можешь дать согласье мне сейчас?

Но разрешила так задачу я:
Тебя в укромном месте спрячу я,

И там, держа с самим собой совет,
Обдумаешь решительный ответ,

И слово клятвы я с тебя возьму.
Еще ты скажешь другу моему,

Что на меня — рассказ мой чист и свят —
Лишь издали Джабир бросает взгляд.

Хотя и караулит крепко он,
Но падает тотчас, как щепка, он,

Меня завидев. Хочет взор поднять,
Встает — и наземь падает опять».

Признаньями невесты потрясен,
Сухейль исторг из сердца слабый стон.

Немного успокоившись. едва
К нему дошли последние слова,

В их правоте уверившись вполне,
Он втайне продолжал пылать в огне.

Но дальше сдерживать себя не мог.
Он вскрикнул и без чувств упал у ног

Своей возлюбленной. Поражена,
Склонилась над бесчувственным она.

Невеста слышит весть из уст больных,
Что перед ней — Сухейль, ее жених!

Царевича ответ ее потряс,
Потоком слезы хлынули из глаз,

Без чувств она упала рядом с ним:
Был приговор судьбы неизъясним.

Рабынь сразила скорбь немая их —
Заплакали, приподнимая их.

Придя в себя, сказала Михр тогда:
«Нежданно стала радостью беда».

До наступленья сумерек ночных
В укромном месте спрятан был жених.

Он был безмерным счастьем потрясен.
Вернул ему сознанье светлый сон.

Двух любящих мечты переплелись,
Как дух и плоть, как плющ и кипарис.

Из рук ее он брал вино и хлеб
И вскоре телом и душой окреп.

Увидел он, что прав его кумир,
Что к ней не приближается Джабир...

Однажды, мир вкушая и покой,
Свершал прогулку душегуб морской.

Вдруг ринулся царевич на врага,—
Так лев когтит быка, сломав рога!

Сказал: «Не храбрость — похищать добро,
Не храбрость — днище распороть хитро,

Корабль пустить на дно, людей связав.
Ты показал мне свой собачий нрав,

Свое коварство показал в борьбе,
А я отвагу покажу тебе».

От изумленья растерялся враг,
А юноша всю мощь свою напряг,

Разбойника он поднял над собой,
Потом ударил оземь головой,

Потом веревкою скрутил его,
Потом в колодец опустил его,—

Веревкой этой сам он связан был:
Смотрите, как злодей наказан был!

Кто роет яму для другого, тот
Сам в эту яму вскоре попадет:

Так повелось на свете с давних пор...
Скрепив с невестой брачный договор,

Сухейль устроил пир, и без войны
Он войском пристыженным той страны,

Имуществом Джабира овладел,—
Богатством полумира овладел!

Счастливый шах вино поднес к губам,
Подумав, новым приказал рабам:

«На пиршество зовите всех людей,
Которых раньше заковал злодей».

Рабы, Сухейля славя, привели
Двух пленников к властителю земли.

Один из них — Нуман, другой — Новдер.
Такому делу где найду пример?

Но как мне быть: поверишь мне иль нет,—
Подобными делами полон свет.

Смотри: свиданья нить в конце концов
Связала двух детей и двух отцов.

Они вскочили с мест и обнялись,
Слезами радостными залились.

Узнав, как все они попали в плен,
Воскликнули: «Аллах благословен!»

Скончались властелины двух держав,
Два мощных царства детям завещав.

Сухейль и Михр, единой став четой,
Два царства озарили добротой.

Она атлас надела голубой,
Идя, как солнце, голубой тропой,

И засиял ей солнечный двойник,
И ложем стал ей голубой цветник.

Народу был приятен этот цвет,
Поныне в голубое он одет.

Когда глаза красавицы горят,
Всегда к лицу ей голубой наряд.

Мы скажем, чуть появится она:
«Небесная красавица она!»

На этом кончил путник и замолк.
Завесы голубой поднялся шелк,

Предстал повествователя глазам
Благодеяний облаком Бахрам.

Шах по заслугам оценил его,
Он милостью озеленил его,

Заснул, рассказчика умножив сан,
Голубизною света осиян.

ЧЕТВЕРГ

Бахрам в Сандаловом дворце

Когда рассвет ночную тьму отверг,
Натер сандалом небосвод в четверг

И ветерок, по небу устремясь,
Принес благоухающую мазь,—

Почуял свежесть утра свод небес,
С его лица ночной покров исчез.

В Сандаловом дворце Бахрам избрал
Себе наряд, желтевший, как сандал [1].

Он быстро на сандаловый престол,
Благоухая, как сандал, взошел;

Сандаловою свежестью дыша,
Сандаловыми платьями шурша,

Красавица, раскрыв свою ладонь,
Кусок сандала бросила в огонь.

Сандал душист,— огонь ему помог:
Стал полон благовоньями чертог.

Пошла по кругу чаша. Чудом, что ль,
Прошла похмелья головная боль?

Нет, кравчий наш догадливый схитрил,
В густом вине сандал он растворил.[2]

Но ворон тьмы опять крыла простер.
Раскрыла ночь свой мускусный шатер.

Звездами полог неба заблистал —
То на куски рассыпался сандал.

Для пери наступил прощанья миг,
Как солнце, скрылся благодатный лик.

Шах пожелал, чтобы скорей заснуть,
Услышать сказку от кого-нибудь.

Был приведен скиталец во дворец,
В морях словесных опытный пловец.

Молитву прочитал сначала он,
И запах источил сандала он.

Сказал: «Доколе будут небеса
Вращаться по примеру колеса,

Доколе звездный светоносный круг
Не прекратит своих кружений вдруг,—

Превыше неба шахский будет рост,
А шахский конь — быстрей падучих звезд!»

В метанье жемчугов — какая цель?
Так начал он:

«Из западных земель

Два путника спешили на восток:
Они случайно с двух сошлись дорог.

Один из этих путников — Мукбиль.
Он, странствуя, познал степную пыль.

Мудбиром [3] путник назван был другой,
Он был знаком с дорогою морской.

Мукбиль счастливым, честным шел путем,
Вступал как вестник счастья в каждый дом.

Мудбир, в ком правды не было следа,
Несчастье людям приносил всегда.

Пустыней шли скитальцы на восток,
По ней бы не пошел путей знаток.

Ее вода, земля и цветники —
Нефть, сера, тернии, солончаки.

Зловоньем исходил пустынный прах,
Был смертоносный яд в его парах.

Обугливал, как пламя, ветер злой,
И становился человек золой,

Но тот же ветер, вспомнив о золе,
Развеивал ее по всей земле.

Здесь, в страшном зное, обитала смерть.
Здесь все живое обретало смерть.

Была пустыня жаром сожжена.
Она была недаром названа

«Долиной сатанинского огня».
Решил Мукбиль, терпение храня,

Молясь и уповая на творца,
Пройти дорогу бедствий до конца.

Мудбир, законы дружества поправ,
Свой черный, злобный обнаружил нрав.

Он возроптал: «Ужель всесильный бог
Ручья в пустыне сотворить не мог?

Ужели богу не хватило сил?»
Он господа, как пьяный, поносил.

Потом, спустившись с этих ступеней,
Стал друга поносить еще сильней:

«Зачем, свои надежды загубя,
Избрал я, слабый, в спутники тебя?

Тот день, когда мы двинулись вдвоем,
Стал для меня, увы, злосчастным днем!»

Мукбиль Аллаха славил, и была
Приятна небесам его хвала.

Он спутника увещевал не раз,
Но, видно, тот в грехах своих погряз:

Терзал Мукбиля низкий человек.
Мукбиль страдал, пока не пересек,

Товарища ни разу не виня,
«Долину сатанинского огня».

Пустыня горя скрылась из очей,
Открылось море тягот и скорбей.

Мукбиль, познав мучения предел,
Идти с Мудбиром дальше не хотел:

Он натерпелся от него обид!
Сказал ему: «Разлука предстоит».

Восстановить желая прежний мир,
Стал о прощенье умолять Мудбир.

Так плакал, так расстраивался он,
Так искренне раскаивался он,

Смиренно так он ползал по земле,
Что, позабыв о причиненном зле,

О вздорной ругани в степной глуши,
Мукбиль его простил от всей души.

Вот к пристани скитальцы подошли.
У пристани столпились корабли.

Один из них к отплытию готов:
Достигнет он восточных берегов.

Тут оба развязали кошели,
Сандаловый челнок приобрели.

Был к кораблю привязан тот челнок,
И путники отплыли на восток.

Корабль, как птица, по морю летел.
Мудбир, считая горьким свой удел,

Себя несчастным чувствуя вполне,
Опять склонился к вздорной болтовне.

Хотя его от смерти спас господь,
Вновь начал вздор кощунственный молоть.

Чего же он достиг, творца хуля?
Поднялся ветер — недруг корабля!

Но были спутники поражены
Не столь внезапным бешенством волны,

Сколь дерзостью Мудбира. «Эй, Аллах,
Не вижу смысла я в твоих делах!

В глухой пустыне жаждой нас томишь,
В морской пучине гибель нам таишь.

Смотри: чрезмерность — в этом, крайность —
в тс
Нелепость — в этом и случайность — в том.

Не диво, что такая кутерьма
Рождает помутнение ума!»

Так сквернословили его уста.
Зловонное дыханье изо рта

Проникло в море. Волны поднялись
И неба избиеньем занялись.

За валом набегал свирепый вал.
Веревки резкий ветер разорвал

И разметал челны по сторонам
Поплыли, словно рухлядь, по волнам.

Большой корабль неведомо куда
Взъярившаяся унесла вода.

Немногие спаслись на корабле:
Мукбиль с Мудбиром были в том числе.

Метался в море утлый их челнок:
Мудбир несчастье на него навлек.

Стоял Мукбиль, в молитву погружен.
Опасности он видел с двух сторон:

С одной — морского ветра злобный вой,
Злокозненность товарища — с другой.

Но возымела действие мольба,
Над ними смилостивилась судьба.

Утихло море, наступил покой,
Поплыл челнок по глади голубой.

Мукбиль прославил божий приговор.
Вперяя в море благодарный взор,

Увидел он предмет в дали морской,
Округлостью своей и синевой

Подобный небу. Веял на челнок
Оттуда вестью жизни ветерок:

Не запахи морские были в нем —
Дыхание мессии было в нем.

Оно благоухало, как сандал,
Мукбиль его с надеждою вдыхал.

Благодаренья совершив поклон,
В ту сторону челнок направил он,

В единый миг приплыв издалека:
Ведь счастье было кормчим челнока!

Сандалом оказался тот предмет.
Достиг небес его могучий цвет.

Блестящ и гладок, зелен и душист,
Был зеркальцу подобен каждый лист:

В него заглянешь, от греха далек,—
Увидишь счастья своего залог.

Безбрежным морем окружен, сандал
На круглом острове произрастал.

Он был столпом небесной синевы,
Прикрыла море тень его листвы,

Была им затененная волна,
Как амбра, благовонна и черна.

Была большая впадина в стволе,
Широкий, светлый ключ бежал в дупле,

Он серебру не уступал ничуть,
А пузырьки напоминали ртуть.

Впадал он в море, весело журча,
Ни разу ветер не достиг ключа.

Два путника на лоне той земли
Отдохновенье, наконец, нашли.

Была подобна сказке эта быль!
На сушу вышел радостный Мукбиль,

И корень дерева его привлек.
Он крепко к корню привязал челнок

И сразу же в расщелину полез,
И камень он увидел: камнерез

На нем в неведомые времена
Диковинные вывел письмена.

Тот камень был красиво продолблен,
Пестрел он, древний, знаками письмен.

Два бедных странника такую весть
Сумели в древней надписи прочесть:

«Ступив на этот неизвестный брег,
Диковинки увидит человек;

Понять бессилен будет ум его,
Что перед ним — сандала волшебство;

Захочет он, преодолев труды,
Из чистого ключа испить воды;

Он выпьет — сразу жажду утолит,
Он выпьет — сразу голод удалит.

И если этот человек правдив,—
На целый месяц, из ключа испив,

Насытится он сладостью воды,
В еде, в питье не ведая нужды.

А если лжец хлебнет воды глоток,—
Насытится лишь на короткий срок:

Три дня он будет сыт, потом опять
Он станет жаждать, станет голодать.

Когда воды чудесной изопьешь,
Произносить остерегайся ложь:

Вмиг разорвется брюхо у лжеца,
Дождется он позорного конца!

Воды второе свойство таково:
Нырнешь в нее — увидишь волшебство.

Войдет в ту воду лжец — сгорит дотла,
Он будет сварен, как внутри котла.

Войдет в нее правдивый человек,—
Он воду жизни обретет навек.

Едва и нос и уши он заткнет,
Зажмурится и в чистый ключ нырнет,

И смоет путешествия следы,
И голову поднимет из воды,—

Откроется в тот миг его глазам...
Но что увидит — он увидит сам,

Словами это передать нельзя!
Пусть помнит он: нырнуть опять — нельзя:

Едва нырнет он снова,— навсегда
Иссякнет чудодейная вода».

Когда прочли скитальцы письмена,
Объяла страсть заклятого лгуна:

Он пожелал насытиться водой,
Уйти от лжи и болтовни пустой;

Увы, не мог он вздора не молоть,
Обман вошел и в кровь его и в плоть,

Но так он жаждал, так он голодал,
Что клятву дал он, глядя на сандал:

«О господи, меня ты уничтожь,
Когда хоть раз произнесу я ложь!»

Поклявшись так,— к погибели пришел,
Оставил жизни многоводный дол.

Вслед за лжецом его правдивый друг,
Сперва занявшись омовеньем рук,

Слова молитвы набожно шепча,
Испил из благодатного ключа.

К источнику припал он в добрый час,
Себя от голода и жажды спас.

Мудбир, предупрежденья не боясь,
Решил в ключе свою оставить грязь.

Вошел в него, раздевшись догола,—
Вода, вскипев, всю ногу обожгла!

Правдивый, чресла повязав платком,
Стал наслаждаться влажным холодком.

Как судно в море, в воду он входил,
За ним приятель пристально следил.

Вот праведник нырнул, и в тот же миг
С ним слился отраженный им двойник.

Вот высунул он голову, и вдруг
Он понял, в светлый глянув ключ: вокруг

Струилась не проточная вода,—
Нет, эта беспорочная вода

Широкий наполняла водоем!
Так были гладки все каменья в нем,

Как будто человек их обтесал.
Был каждый камень желтым, как сандал.

Пред водоемом сад — второй Ирем,
В Иреме том увидел он гарем...

Из водоема выйти не успев,
Мукбиль увидел среброногих дев.

Сухие полотенца развернув,
Атласные одежды протянув,

Подводные служанки подошли,
Лаская сердце жителю земли.

Мукбиля девы стали растирать;
Почувствовал купальщик благодать:

Сандалом веяло от этих дев!
Одежды на купальщика надев,

Воздев ему на голову чалму,
Служанки руки подали ему

И повели в сандаловый чертог;
Казалось: жизни дух его увлек,

С землею, мнилось, потерял он связь,
В иной, нездешний мир перенесясь.

От изумления не чуя ног,
Вошел Мукбиль в сандаловый чертог.

Увидел: своды неба и дворца
Соприкасались под рукой творца.

Сиял дворец, как жизни вечный сад,
Он радость увеличивал стократ.

Со всех сторон его облек сандал,
Айван — сандал и потолок — сандал,

А посреди дворца стоял престол,
Что, как сандал, весь в золоте расцвел.

На нем увидел праведник одно
Таинственное существо: оно,

Прекрасное,— не джинн, не человек,—
Бессмертным солнцем я б его нарек!

Духовен самый облик существа:
В нем признака не видно вещества.

В нем праха нет, воды и глины нет [4],
Лицо его — потусторонний свет,

А стан его сияет изнутри,
Как пальма рая, словно луч зари.

Его краса — краса иремских рощ,
В ней земнородный обретает мощь,

Его краса — небесных сводов твердь,
В ней земнородный обретает смерть.

Как звезды, вкруг него, светлы, чисты,
Блистали пери блеском красоты.

Их блеску поразился человек.
Свершило чудо на него набег.

Мукбиль, сознанье потеряв, упал,
Он пожелтел и высох, как сандал.

К беспомощному пальма подошла,
Коснулась пальцами его чела.

Ее дыханье жизнь вернуло вновь.
Он бросил взгляд — ушла из сердца кровь.

Пришел в расстройство праведник в чалме,
Он то в своем, то не в своем уме.

Красавица, нисколько не чинясь,
Над путником пылающим склонясь,

Душе пугливой принесла покой,
И мягкостью своей и добротой

Придав ей смелости. Едва привык
Мукбиль смотреть на солнцевидный лик,

Она, прижавшись, села рядом с ним.
Мукбиль, желанья пламенем палим,

Терпенье, волю потеряв, ослаб
В оковах страсти, как безвольный раб.

Нет, не вмещала этой страсти грудь,
В мучениях рвалась на части грудь!

Вот пери встала, руку подала,
Влюбленного к престолу подвела.

Пред нею прах поцеловал ходжа [5]
И произнес, пылая и дрожа:

«Как я могу на сей престол воссесть?
Заслужена ли мной такая честь?»

Но так она почтительна была,
Мягка и обходительна была,

Что мы ее рабыней бы сочли.
Забыл свою степенность сын земли,

Влюблен в луну, забыл подлунный мир.
Сел на престол, а рядом с ним — кумир.

Им яства и напитки поднесли,
Всего им в преизбытке поднесли,

Был тонкий в каждом кушанье состав.
Вот, райским блюдам должное воздав,

Они к вину склонились ввечеру,
И кубки зазвенели на пиру.

Чудесно разрисованный поднос
Явил им вина разноцветных лоз

И в чашах и в кувшинах расписных,—
Сандалом, амброй веяло от них.

Красавица свой кубок подняла,
От уст, едва пригубив, отняла

И поднесла Мукбилю. К ней влеком,
Он запылал: не кубок, водоем

Он мог бы выпить, предложи она!
Он кубок залпом осушил до дна,

Но кубок наполнялся вновь и вновь.
Воспламенилась праведника кровь.

В нем не осталось разума следа,
Отбросило вино покров стыда.

Она была так ласкова, мила,
Что странника в смущенье привела,

Но так как странник невоздержан был,
То вскоре стыд во прах поверженн был.

Желаньем жадным плоть его зажглась...
Не отводя от солнцеликой глаз,

Шептал он вожделения слова,
Любовного горения слова.

Владычица подводного дворца,
Прельщавшая влюбленного глупца,

Из рук его не отнимала рук.
Он корчился в огне телесных мук.

Сраженный похотью, лишенный сил,
Чертог он диким воплем огласил:

«Мою ты душу сделала больной,
Лекарства дай мне, сжалься надо мной,

В сближении с тобой познаю мир!»
Но, сахарно-смеющийся кумир,

Ответила красавица с мольбой:
«Мой друг, усилье сделай над собой.

Мы пили много, разум погубя,
Сегодня хватит этого с тебя.

А завтра здесь пойдет горою пир,
Я завтра свадебный устрою пир,

С тобою в брак на радость всем вступлю,
И как жена я в твой гарем вступлю.

В моем саду оставь запретный плод,
Получишь завтра ты заветный плод.

Терпи: к чему до времени снимать
Святого целомудрия печать?»

Напрасно умоляла: одержим
Безумным вожделением плотским,

Мукбиль, себя не помня, к ней приник.
Просунул руку он в один тайник,—

Хотел он, если правду всю сказать,
Повязку поясную развязать,

С жемчужиной, как видно, дерзкий гость
Хотел соединить слоновью кость.

«Тебе, как ни старайся, в эту ночь,—
Сказала пери,— не могу помочь.

Но если так смертелен твой недуг,
Возьми любую из моих подруг,

До самого утра тебе служа,
Она твой пламень погасит, ходжа».

Хотя ее желал до боли он,
Пред ней смирился поневоле он.

Она, увидев, что Мукбиль затих,
Окликнула двух девушек своих.

Служанки поклонились до земли,
Почтительно к Мукбилю подошли.

Из них одну в наложницы он взял,
Скажи: луну в наложницы он взял!

Им удалиться в комнату велят.
Луна — прекрасна, он — огнем объят,—

Что было в дальней комнате потом?
Об этом сами вспомните потом!

Когда заря, придя издалека,
Ночное знамя сорвала с древка,

Когда ночной был вырублен эбен,
Когда сандал расцвел ему взамен [6],—

Разбужен светом первого луча,
Мукбиль проснулся около ключа:

Он вспомнил все, что с ним произошло,
Смущеньем затуманилось чело.

Но все же он в расщелину полез,
Чтоб вновь увидеть чудо из чудес.

Вот плеск воды услышал мерный он,
Очиститься решил от скверны он.

Опять он чресла повязал платком,
Опять нырнул он в светлый водоем,

Вновь поднял голову и глянул вниз —
И над водою в ужасе повис:

Увы, исчезло чудо из чудес,
Исчез чертог, и водоем исчез!

По-прежнему, прохладен и гремуч,
Струился прежний быстрый ясный ключ.

Он вновь нырнул, желанного ища,
Вновь голову он поднял из ключа,

Увы, бежал все тот же быстрый ключ,
Над ним дрожал все тот же солнца луч.

Мукбиль подумал: «Смыла все вода,
Погасла счастья моего звезда».

Он порицал непостижимый рок,
Недуг его был странен и жесток,

Его сжигала бешеная страсть,—
Да минет нас подобная напасть:

Безвестность впереди, тоска в груди,
А спутник-зложелатель позади!

Невидимою пыткою казним,
Не мог он тайной поделиться с ним.

Но вдруг Мукбиль на камень бросил взор,
В углу увидел надписи узор,—

Вначале не заметил он его:
«Тот, кто постигнет это волшебство,

В ключ погрузится,— горе обретет,
Но, выйдя, пусть он в море уплывет.

Пусть сразу же садится он в челнок:
Задержка, даже на короткий срок,

Погибельна: убьют его, схватив,
Чудовище морское или див».

Сказал Мукбиль: «Спастись я не хочу,
Я лучше здесь умру, припав к ключу».

Но понял он: хотя мгновенна жизнь —
Пленительна и драгоценна жизнь!

Он поневоле отвязал челнок.
Мудбир понять его печаль не мог.

Внезапной переменой удивлен,
В его тоску хотел проникнуть он,

Но слова из Мукбиля не извлек.
Вновь по лицу воды поплыл челнок,

Мукбиль и спутник вновь пустились вплавь
От спутников таких, Аллах, избавь!

Мукбиль сгорал от страсти и стыда.
Ужели с ним рассталась навсегда

Его красавица, его кумир?
Хотя к нему назойливый Мудбир

С расспросами все время приставал,
Мукбиль ему ответа не давал.

Он говорил: «Товарищ добрый мой,
Не жди ответа на вопрос прямой.

Поверь: такая скрытность — не порок,
Мне самому событье невдомек.

Твоей душе докука от меня,
Ты прав, и это — мука для меня,

Нет места оправданью моему,
Но снизойди к страданью моему.

Немного потерпи: когда вдвоем
В счастливый час на берег мы сойдем,

Тогда к твоим стопам я припаду,
С тобой прощусь я, унося беду».

Он зарыдал, не закрывая глаз,
Морскую гладь он воплями потряс,

А спутник отвернулся, бормоча:
«Он дива увидал на дне ключа,

Сойдя с ума, он мечется в тоске».
Вдруг судно показалось вдалеке.

Попутный ветер странникам помог,
Пристал к большому судну их челнок.

Они вступили на корабль ногой.
Смутил их неожиданный покой.

Лежали мертвецы в глухой тиши,
Не видно было там живой души.

Смерть оказалась кормчим корабля,
Он по волнам носился без руля.

Пронес он сквозь вспененные валы
Сандала благовонные стволы...

Вот повесть: у восточного царя,
Прекрасна, как восточная заря,

От боли головной страдала дочь.
Искуснейшие лекари помочь,

Увы, ей не могли: один сандал
Страдания царевны облегчал.

Она отцу отрадою была,
Глазам его прохладою была,

Поэтому Сандаловый дворец
Решил воздвигнуть любящий отец:

Сандалом будут стены скреплены,
Небесной он достигнет вышины,

В нем луноликая найдет покой,
Избавится от боли головной!

Душою ожили купцы, едва
Пошла о царском замысле молва.

За деревом пахучим в Индостан
Поплыл судов торговых караван.

Теперь пойдет торговля веселей!
Отправился один из кораблей

В обратный путь, сандалом нагружен.
Вдруг хлынула вода со всех сторон,

Попал он в бешеную водоверть,—
Плясала, волны поднимая, смерть.

Он прокружился в буре целый год.
Припасы кончились. Погиб народ.

Попутный ветер спас в конце концов
Из водоверти судно мертвецов.

Взошли на судно честный муж и враль.
Был погружен Мукбиль в свою печаль,

К возлюбленной стремился правдолюб...
Лжец в море стал бросать за трупом труп.

Он, алчный, завладел чужим добром,
Он грузом завладел и кораблем.

«Пока Мукбиль,— решил он,— слезы льет,
Закончу я имущества подсчет».

Зазеленела издали земля:
Завершена дорога корабля.

Страною той владел восточный царь.
Вот на прогулку вышел государь:

Он морем любовался в этот час.
Корабль увидев, отдал он приказ:

«Узнать хочу, куда он держит путь.
Из корабельщиков кого-нибудь

Ко мне вы приведите поскорей».
На корабле всего лишь двух людей

Увидел тот, кто царским был слугой:
Один печален, радостен другой.

Отправился Мудбир на зов царя,
Молитву благодарную творя,

Он прах поцеловал, хвалу вознес,
На царский так ответил он вопрос:

«Торговец я, товары я везу,
Я испытал ужасную грозу:

Корабль мой закружила водоверть,
Сразила мореплавателей смерть,

Лишь двое нас на берег бытия
Сошло: «Мукбиль, невольник мой, и я».

Так осквернив обманом царский слух,
Он быстро пухнуть стал и так распух,

Что затрещал халат, раздался скрип,
И брюхо лопнуло, и он погиб.

Царь, изумлен событием таким,
Послал слугу за спутником другим,

Но спрятать приказал Мудбира труп.
Когда к царю явился правдолюб,

Подумал царь: «Он радость мне принес».
Обычный задал он ему вопрос.

Всю правду рассказал царю Мукбиль,
Поведал удивительную быль.

Царь повелел: «Пусть отберет казна
Корабль и ценный груз его сполна».

Он понял: путник честен и правдив!
Рассказ чистосердечный оценив,

Сказал: «Твою святую правоту,
О праведник, я всей душою чту.

Ты нас пленил. От нашей доброты
Потребуй все, чего желаешь ты».

Сказал Мукбиль, молитву сотворя:
«Величия желаю для царя,

Могущества и счастья без конца!
Еще желаю славить я творца —

Единственный источник наших благ».
Восточный царь не ожидал никак

В скитальце том, в питомце бедноты,
Увидеть столь похвальные черты.

Мукбиль не только был душой правдив,—
Лицом он был приятен и красив.

Царю любовь такую он внушил,
Что стать ему властитель предложил

Своим слугой. Старательный ходжа,
Народным нуждам преданно служа,

Так укрепил державу и престол,
Что в сан вазира царь его возвел.

К Мукбилю солнце знатности пришло,
Попал он птице счастья под крыло.

Царь пожелал принять его в семью —
Отдать Мукбилю в жены дочь свою.

Мукбиль просил прощенья у царя,
Со вздохом сожаленья говоря:

«Я пламени другого жертвой стал,
Другой кумир, прекрасный, как сандал,

На разум бедный мой свершил набег,
Пленен я луноликою навек».

Но царь от этих слов замкнул свой слух,
К мольбе Мукбиля пребывал он глух,

Его тоске душевной не внимал,—
Мукбиля он с царевной сочетал,

Устроил пир, не пожалев затрат.
Мукбилю он сандаловый наряд

Велел надеть: здоровьем дорожа,
Сандала цвет любила госпожа.

Мукбиля привели в чертог жены:
Здесь гурию вручить ему должны.

Мукбиль взглянул — и вдруг затрепетал:
Предстал ему со всех сторон сандал,

Тот самый перед ним возник чертог,
Тот самый пол, тот самый потолок,

Тот самый вход и золотой престол,
Которые он под водой нашел,

Тот самый ослепительный кумир,
Что отнял у него покой и мир!

Подобным поражаясь чудесам,
Мукбиль не верил собственным глазам.

Вновь был он прежней молнией сожжен.
Он вновь упал, и вновь издал он стон,

Вновь, то в своем уме, то не в своем,
Он сделал бытие — небытием.

Сандала благовоние на миг
Ему вернуло разум. Он постиг,

Открыв глаза, прекрасный свет очей,—
И пламя запылало горячей.

Он застонал и чувств лишился вновь.
Такую видя страстную любовь,

Красавица, подобная луне,
Его желаньям отдалась вполне.

Душевный свет обрел Мукбиль больной
В сближении с возлюбленной женой,

Но так как разум к чуду не привык,
То скован был всегда его язык.

Однажды пери задала вопрос:
«Мне кажется, ты много перенес,

Ты чем-то удивлен. Мне странен ты.
Скажи, какой заботой ранен ты?»

Мукбиль, который был всегда правдив,
Поведал, ничего не утаив

И не прибавив, о своей тоске:
О дереве на дальнем островке,

О том, как чистый ключ бежал, журча,
О дивном волшебстве на дне ключа,

О пери, о Сандаловом дворце...
Улыбка показалась на лице

Его жены. Кумир и светоч глаз
Повел такой пленительный рассказ:

«Наделена прелестной красотой,
Я сделалась всеобщею мечтой,

Я сделалась, прославив отчий кров,
Завоевательницею миров!

Владыку джиннов я с ума свела:
Меня увидев, он сгорел дотла.

Он джиннами наполнил мой чертог,
От их стенаний дух мой изнемог.

Так возымела надо мною власть
Его нечеловеческая страсть.

Я стала одержимой. Наконец
Искуснейших врачей созвал отец.

Они меня лечили день и ночь,
Пока не отогнали джиннов прочь.

Но иногда я крыльев слышу всплеск,
Ужасных глаз мерещится мне блеск,

«О пери!» — слышу зов, как шум вершин,—
Меня зовет, по мне томится джинн.

Когда, ко мне стремлением объят,
Он обезумел,— джинны, говорят,

Чтобы развлечь владыку своего,
Над морем сотворили волшебство,

Картину сотворили, говорят:
Сандаловый дворец, роскошный сад,

Престол, сияющий при свете дня,
А на престоле золотом — меня.

Произведенье кисти колдовской
Владыке джиннов принесло покой.

Пленился ты подобьем красоты:
Меня и не меня увидел ты.

Сперва изображенье ты познал,
Теперь со мной сближенье ты познал!»

Возликовал Мукбиль: ее слова
Рассеяли завесу колдовства,

Любовь прочел он на ее лице,
Он счастлив стал в Сандаловом дворце...

Знай: жизни упоение — сандал,
Любви успокоение — сандал.

Он валит с ног: заходится душа,
Его благоуханием дыша».

Когда красноречивый гость затих,
Бахрам успокоение постиг.

Заснул он, к сновидениям влеком,
Сандаловым овеян ветерком.

ПЯТНИЦА

Бахрам в Камфарноцветном дворце

Чуть алебастром выбелил восток
День пятницы, высокий сей чертог,—

Фигляр небес во весь явился рост,
В широкий рот бросая зерна звезд.

Поднялся жар горячечный небес,
А в это время в прачечной небес

Отмыла прачка утреннюю ткань,
Наполнив пеной солнечной лохань.

Одетый в белый шелк, явился шах,
И потонул весь мир в его лучах.

Шах солнцем светозарным засиял,
Под куполом камфарным засиял.

Царевна, облачившись в белый шелк,
Была готова свой исполнить долг.

В одеждах белых были гости там.
Белел престол слоновой кости там.

Уселся на престоле шах Бахрам,
Вновь обратив свое лицо к пирам.

Красавица, в Китае рождена,
В китайский кубок налила вина.

Хоть кубок сей — китайским кубком был,
Но, сделан из фарфора, хрупким был.

До вечера Бахрам с царевной пил,
Он более, чем каждодневно, пил!

Когда погасло солнце ввечеру,
Когда рассыпал месяц камфару,

Бахрам, заснуть возжаждав до утра,
Лег под навесом белого шатра.

Среди гостей присутствовал мудрец,
Скиталец, мыслей-жемчугов ларец.

Он, сидя пред веревками шатра,
Молиться стал, исполненный добра:

«О шах! Пусть превратится в твой навес
Необозримый древний свод небес,
Пусть раем станет белый твой дворец!»
Молитву сотворив, сказал мудрец:

Рассказ путника, приведенного с дороги в Камфарноцветный дворец

«Я много видел на своем веку,
Из виденного сказку извлеку.

В трудах дорога пройдена моя,
Страна Хорезма [1] — родина моя.

Дорога музыки — русло мое,
Игра на сазе [2] — ремесло мое.

Постиг я, музыку держа в руках,
Науку о ритмических кругах[3].

Со мной в моем высоком ремесле
Никто не в силах спорить на земле.

Я обучаю музыке людей,
Верней, учитель я учителей.

Вот слух промчался из конца в конец:
Китай покинув, к нам идет купец:

Сокровищам его потерян счет,
Невольница его — сердца влечет.

Хотя ходжа неслыханно богат,
Она красой богаче во сто крат.

При красоте, с ума сводящей мир,
Еще пленяет голосом кумир

И якобы игрою колдовской.
Хорезм, волнуясь, потерял покой,

Встречать купца весь город вышел вдруг,
Чтоб убедиться: справедлив ли слух?

Все оказалось правдою: купец,
Богобоязненности образец,

Владельцем был бессчетного добра.
Молился он от ночи до утра:

Он был подобен утренней заре
На маленьком молитвенном ковре.

Не менее, чем он, была знатна
Невольница его: свой род она

Вела от неба, гурии сродни,—
Ее владельца с ангелом сравни!

Рука его, как море, широка:
Жемчужиной владела та рука!

Ее лицо — как солнце, но оно
За облаком всегда затаено,

Нет, облаком одето камфары,—
То покрывало цвета камфары!

Все, что на ней, сияло белизной,
Красавица отвергла цвет иной.

Был слышен голос юный каждый день,
Она ласкала струны дважды в день,

За пологом налаживала чанг,
Рукою завораживала чанг,

Созвучен струнам был ее напев,
Пленялся весь Хорезм, оцепенев,—

Полдневною, полночною порой —
Волшебною восточною игрой!

Ее дворец весь день со всех сторон
Был толпами влюбленных осажден,

Но в дом никто еще не заглянул,
Никто поднять завесу не дерзнул,

Лишь каждый день, сраженный наповал,
В толпе влюбленных кто-то умирал.

Сердцами полновластно завладев,
Погибель приносил ее напев,

Но музыка так сладостна была,
Что и погибель радостна была.

Настраивала гурия струну —
Расстраивала гурия страну.

Смятенье очарованных сердец
Известным стало шаху наконец.

Хотя мечтал призвать он госпожу,—
Не мог унизить знатного ходжу.

Сменив наряд богатый на простой
(Любовь сближает шахов с нищетой),

Безумное желанье возымев
(Сильнее шахов девичий напев),

В толпу влюбленных скрытно он проник,
Посредниц к пери он послал в цветник,

В ее подруг посредниц превратил,
В служанок, в собеседниц превратил.

Вот их рассказ: душа чиста ее,
Красивей пенья красота ее...

Но шах прервал слова ее подруг:
Огнем любви он загорелся вдруг,

Желая луноликую познать,
Красу ее великую познать.

Он обезумел: он решил уже,
Что станет сыном знатному ходже,

Но цели не достиг он дорогой —
От богача пришел ответ такой:

«Ты ласковое слово произнес,
Раба ты возвеличил, превознес,

Пылинку ты возвысил до светил,
Нет, к небесам ты землю приобщил!

По сану я — скромнейшего скромней.
Достичь ли мне высоких степеней?

Но если бы ты этим пренебрег,—
Что пользы в том? Со мной враждует рок!

Узнай всю правду, обладатель благ:
Прекрасной пери ненавистен брак.

Она весь мир затмила красотой,
Никто не может стать ее четой.

Она тверда в решении своем:
Да будет воля шаха в остальном...»

Такой ответ покоя не принес,
Шах не жалел посулов и угроз,

Кричал, просил, бледнея и дрожа,
Но слов своих не изменял ходжа.

Тогда увидел шах: любовь сильна,
Владыкам не под силу с ней война,

Увидел шах: он должен будет пасть,
Когда не призовет на помощь власть!

Он приказал доставить во дворец
Игрушку, искушение сердец.

Исполнили придворные приказ,
Доставили красавицу тотчас.

В своем решенье ложном укреплен,
Мечтой о невозможном побежден,

Направился он радостно к луне.
Поняв его намеренья вполне,

Луна Чигиля [4] в руки чанг взяла
И музыки расправила крыла,

И песня зазвенела струнам в лад,—
Как музыка, напев ее крылат!

Был шах в небытие перенесен,
Напев на всех навеял сладкий сон,

Все во дворце заснули, онемев,
Всех памяти лишил ее напев.

Игрой заворожив дворец немой,
Волшебница направилась домой.

Проснулся шах, проснулся шахский двор,
Шах вздрогнул, бросил изумленный взор.

Он приказал колдунью привезти,
Красавицу, шалунью привезти!

Вновь зазвенел чарующий напев.
Вновь шах его заслушался, замлев.

На всех внезапно сон свершил набег,—
Ушла домой рожденная для нег.

Влюбленный шах пытался вновь и вновь
Завоевать красавицы любовь,

Но гурия боролась всякий раз,
И помогал ей голос всякий раз!

Шах понял, что могуч ее напев,
Смирился, пораженье потерпев.

И вот пришел к ходже смиренный шах
С открытою приятностью в речах.

Устроив пир, он рядом сел с купцом,
Ласкал его и называл отцом.

Пред покрывалом белым он стоял
И языком несмелым умолял

Простить его: хотя он шахом был,
Но для красавицы он прахом был!

Он клялся, что, пленен ее игрой,
Ее считает дочерью, сестрой

Она, не видя в нем отныне зла,
Его отцом в смущенье назвала

И зажила среди цветущих роз,
Отныне шахских не страшась угроз.

В укромной келье, сделанной купцом,
Беседовала гурия с творцом.

Хотя светлей зари ее атлас,
Струились звезды слез из ясных глаз.

Бела ее одежда — для кого?
Светла ее надежда — на кого?

О ком она мечтает по ночам?
Зачем она рыдает по ночам?

О чем скорбит невинная душа?
Не знает ни единая душа!

Настанет утро — песня вновь звенит,
Рыдает песня сладкая навзрыд.

Настанет утро — вновь звенит струна,
Тоска разлуки в музыке слышна.

И плачут все, когда она поет,
И за живое музыка берет.

До вечера молитвой занята
Ее благочестивая мечта.

Настанет вечер — снова плач людей,
И снова шах среди ее гостей.

Внимал незримой музыкантше он,
Сознание терял всех раньше он.

Таким высоким гостем дорожа,
Его отменно потчевал ходжа,

На все лады заботу выражал,
Властителя с почетом провожал.

Из-за пиров под кровлею ходжи
Расстроилась торговля у ходжи!..

В Хорезме я давно пленил сердца
Искусством музыканта и певца.

В напевах руда проходил мой день,
Как песнь, как чудо, проходил мой день.

Дастаны [5] распевал я на пирах,
Но музыкантшей был растоптан в прах.

Дошел волшебный голос до меня,
И сердце раскололось у меня.

Народ превозносил ее напев,
К моим чудесным звукам охладев.

Вся жизнь мне опостылела тогда,
А сердце обессилело тогда.

Но я придумал, как беде помочь,
Как отогнать печаль и смуту прочь.

Я камфары так много проглотил,
Что сердца жар навеки остудил.

От силы я избавился мужской,
В девический направился покой.

Сидел в гареме радостный богач,
Когда внезапно испустил я плач.

В ответ услышал я слова ходжи
И гурии невидимой: «Скажи,

О чем твой стон? В каком горишь огне?»
А я: «От вас была обида мне».

Они: «Клевещешь, странник, ты сейчас,
Обида не в обычае у нас.

Быть может, нас ты принял за других?
Но впредь ошибок избегай таких!»

Сказал: «Я все же на своем стою:
Должны вы повесть выслушать мою,

Вознаградить меня за правоту
Или прогнать меня за клевету».

«Начни»,— сказали. Помолясь сперва,
Неспешно я повел свои слова.

Смеясь, мою признали правоту
Купец в чалме и кипарис в цвету,

Пока не стал я говорить ясней,
Как я мечтаю до скончанья дней

Жить возле пери, во дворце ее,
Найти наставницу в лице ее,

Все дни свои дастанам посвятить,
Занятьям неустанным посвятить;

Пусть долговечен буду я, как Нух [6],—
Ее напевы мой насытят дух,

А если пищу мне подаст ходжа,
Я буду счастлив, двум друзьям служа.

Хотя сейчас безволен я и слаб,
Я царь в своем искусстве, а не раб!

Учитель я средь хижин и дворцов,
Хорезмских музыкантов и певцов.

Я в музыке сильней, чем Афлатун [7],
Но все же мастер я, а не колдун.

Постиг я суть искусства своего,
Но пери нам явила волшебство:

Где слыхано, чтоб, сладко зазвенев,
И сеял смерть и жизнь творил напев?

Так сетовал и жаловался я,
Так плакал и печаловался я.

И, тронув эти мягкие сердца,
Услышал слово ласки от купца:

«Когда ты нам свой разум посвятишь,
Когда наш слух ты сазом усладишь,

Я позабочусь о твоей судьбе.
Но как мечту осуществить тебе —

Стать гурии наперсником, слугой?
Как может муж войти в ее покой?»

А я: «Себя избавьте от забот:
Во мне мужская сила не живет.

Я был игрою пери посрамлен,
Как жалкий подмастерье побежден.

Готовя для содружества себя,
Навек лишил я мужества себя.

Из-за ее пленительной игры
Так много проглотил я камфары,

Что охладил навек я плоть свою;
Пред пологом камфарным я стою:

Пусть ваш слуга, Кафуром [8] наречен,
От полога не будет отлучен!»

Их поразил мой искренний рассказ.
Они осмотр устроили тотчас

И, убедившись в том, что был я прав,
Мне выказали дружбу, приласкав.

Вступил в девичий заповедник я.
Служил ходже как собеседник я.

Пред пологом — советник я ходжи,
За пологом — наперсник госпожи,

И так как нас сближало ремесло,
То смысл существованье обрело.

Когда я, жизни смысл уразумев,
Стал вслушиваться в сладостный напев,

Его тоски я глубину постиг;
Был голосом влюбленной — каждый стих,

Унылы были звуки в тех стихах,
Звенела боль разлуки в тех стихах.

Людей вдали, со мной наедине,
Красавица рыдала в тишине...

Она явила мне свой добрый нрав,
Меня своим наперсником избрав,

До полночи беседуя со мной,
Томления не ведая со мной,

А если сон чуждался госпожи,
Она просила: «Сказку расскажи».

Я сказкою спешил ее развлечь,
И если шла о расставанье речь,

Блестели слезы на ее глазах,
Открылась правда мне в ее слезах:

Красавица в кого-то влюблена,
Разлукой отуманена луна,

В нее вонзила терний любовь,
Да так, что в голос просочилась кровь.

Она бы в муках изошла, сгорев,
Когда б не превратила боль в напев.

Я слушал звуки: в них любовь жива,—
Услышать я хотел ее слова.

И вот, когда я не внимал игре,
Я говорил о зле и о добре,

Я речи заводил издалека,
Желая откровенности, пока

Не стал послушен мне ее огонь,
Ее гордыни норовистый конь.

Тут я сказал: «О светлая звезда,
Пусть горя ты не узришь никогда!

Осмелюсь ли тебе задать вопрос?»
Сказала: «Задавай». Я произнес:

«Давно, твой прах, у ног твоих лежу.
Давно, твой раб, я за тобой слежу.

Веселье, скука и печаль — равно
В твоих очах открыты мне давно.

Ты сердцем сердцу моему близка.
Я понял, что гнетет тебя тоска.

Ее причина названа давно:
Нам скрыть разлуки язву не дано.

Недаром ты, мучений не стерпев,
Переложила боль свою в напев!

Ты превратила в песню горький плач,—
Но от меня своей тоски не прячь.

Ты сердце сердцу близкому излей,
Быть может, сердцу станет веселей,

Быть может, исцелю я твой недуг,
Я тайну сохраню, как верный друг».

Подумав, так ответствовала мне
Красавица, подобная луне:

«Лишь правда украшает наш язык.
Ты к правде близок. В тайну ты проник.

Остановись и друга пожалей,
Не требуй откровенности моей,

Не то страданья увеличишь ты,
Тьму бедствий на меня накличешь ты!

Поведать, как терзаюсь я, любя?
Не вижу в этом пользы для тебя!

Одно из двух: иль с нами ты живи,
Иль прекрати расспросы о любви.

Узнаешь тайну,— голову склоня,
Покинуть должен будешь ты меня.

От друга ничего не утаю,
Но друг покинет родину свою».

Был приговор красавицы суров.
В расстройство я пришел от этих слов.

По целым дням, задумчив и уныл,
По городу без цели я бродил.

Я мучился, хотелось мне проклясть
Изгнанья страх и любопытства страсть,

Но жаждал я в ее проникнуть песнь,
Но жаждал я понять ее болезнь.

Терзаясь так меж двух ужасных зол,
Войдя в гарем, я разговор повел:

«Я изнемог, печален и угрюм,
Одна лишь дума заняла мой ум,

Узнать хочу я про твою беду,
Потом, куда прикажешь ты, пойду».

Воскликнула прекрасная луна:
«Твоим решеньем я удивлена,

Решенья твоего я не пойму:
Удар себе наносишь самому.

Клянись мне, что исполнишь мой приказ,
Покинешь город, выслушав рассказ».

Прогнал я облако с ее чела,
Поклявшись ей, и пери начала:

«Участье принял ты в моей судьбе.
Моей печали не понять тебе,

Когда я повесть про свою беду
С начала самого не поведу.

Наперсник сострадательный, узнай:
Моя страна и колыбель — Китай.

Забот не зная, в счастье я росла,
Когда война мой город потрясла.

Два хана меж собой вступили в бой,
Я стала одному из них рабой,

Вошла ребенком я в его гарем,
Познала я невольничий ярем.

У хана приобрел меня ходжа,
Мной, как восточным солнцем, дорожа.

Пусть дорога́ отныне я была,
Я все-таки рабынею была,

Его рабыней купленной, хотя
Меня ценил он, как свое дитя,

Затем, что не дал бог ему детей.
И вскоре оказалось, что людей

Моя пленяет сладостная речь,
Что может голос мой сердца привлечь,

Что ясно я стихи произношу,
Что музыкой я радость приношу.

Великодушный, щедрый, как отец,
Певцов ко мне стал приглашать купец,

Прославленных, великих знатоков,
Слагателей напевов и стихов.

Прошли недели, месяцы, года
Учения, усердного труда,—

Дало плоды терпение мое,
Чудесным стало пение мое.

Достигла я такого мастерства,
Звенели сладко так мои слова,

Что я дарила песней благодать,
Смеяться заставляла и рыдать,

Стихом искусным оживляла всех,
Напевом грустным усыпляла всех.

Мой чанг казался чудом волшебства,
О голосе моем пошла молва,

Молва росла все громче и сильней
О несравненной красоте моей.

Когда известно стало старикам
И юношам — искусства знатокам —

О том, что есть певица у купца,
Пленяющая голосом сердца,

Стремясь к рабыне, полные тоски,
Все богачи открыли сундуки,

Отвешивали богачи добро,
Каменья, золото и серебро,

Чтоб у ходжи меня приобрести.
А тот, поняв, что я в такой чести,

Что покупателей моих число
Чем далее, тем более росло,

Что превратился весь Китай в базар,—
Стал цену набивать на свой товар...

Художнику творения сродни,
В Китае жил художник в эти дни

По имени Мани; со мной знаком,
Он облик мой изобразил тайком,

Отправился в дорогу поскорей,
Рисунок показал царю царей.

То был властитель мира, шаханшах [9],
Правители пред ним склонялись в прах.

Увидев образ мой на полотне,
Такой он страстью воспылал ко мне,

Что приказал, не тратя лишних слов,
В Китай отправить сведущих послов,

Невольницу добыть любой ценой,
Пожертвовать китайскою казной.

Хотя хакан хотел меня купить,
Он вынужден был шаху уступить.

Вручив ходже всего Китая дань,
Красе великой отдавая дань,

Невольницу, премудры и светлы,
Царю царей доставили послы.

Жемчужина попала в океан,
И наградил своих послов султан,

Вознес превыше всех людей земли:
Они возлюбленную привезли!

Моим жилищем шахский стал цветник.
Когда хотя бы на единый миг

Шах разлучаться должен был со мной,
Ему пустым казался мир земной.

Была прибытком жизни для него
Моя краса. Нет, более того:

Когда меня, влюбленный, он познал,
Бессмертия законы он познал!

Он время проводил в степях, в горах,
В охоте, в шумных игрищах, в пирах.

Гнал скакуна к степным тюльпанам он,
Онагров [10] уловлял арканом он.

Он гнал онагра перед скакуном,
Онагра мясо запивал вином,

Онагра кровью землю орошал,—
Тюльпанами он землю украшал.

Но увлечен ли ловлею он был,
Или под мирной кровлею он был,

Не знал он наслажденья без меня,
Не мог прожить мгновенья без меня.

В нем таяла отвага без меня,
Не делал он и шага без меня,

При мне сгорал и тлел, как пепел, он,
И если я не пела — не́ пил он.

Когда затягивала я напев,
Стонал он, от восторга ослабев.

Уединяясь и гуляя с ним,
В степи ли, в городе — всегда я с ним,

Во время ли прогулок, во дворце ль,—
Он постигал во мне всей жизни цель.

О подданных забыл он, о стране,
Все дни и ночи посвящал он мне.

Ко мне пришла нечаянно любовь.
Любовью отвечая на любовь,

Его желала с силою такой,
Что волю я теряла и покой!

Горел огонь томленья с двух сторон,
Был тем огнем небесный свод зажжен.

Послала мне счастливая судьба
Не шаха, а покорного раба.

А я, хотя рабынею была,
Обольщена гордынею была.

Я видела, что шах — мой верный раб,
И становился мой рассудок слаб.

Я — скверная, ковер мой черным был [11],
А гордый разговор мой вздорным был.

Случилось так, что шах, надев колчан,
Охотился. Он весел был и пьян.

Я — рядом с ним, с поклонником вина,
От самопоклонения пьяна.

Сказал он: «Вот проворная газель,—
Как ты укажешь, попаду я в цель».

А я в ответ: «Мой ловчий удалой,
Передних две ноги ты сшей стрелой,

А горло перережь издалека».
Хотя была задача нелегка,

Он, как велела я, убил газель:
Таких удач не видел мир досель!

Мне поклониться бы стреле его,
Превознести бы в похвале его,

А я, прищурив горделивый взор,
Такой тогда сболтнула глупый вздор,

Что если б слугам отдал он приказ
На сто кусков рассечь меня тотчас,

То мягким был бы этот приговор!
Хотя и оскорбил его мой вздор,

Хотя была мне воздаяньем — смерть,
Вернее, слабым наказаньем — смерть,

Моим ответом гордым раздражен,
Не обнажил он гнева из ножон,

Но приказал, чтобы его рабы,
Меня связав, на произвол судьбы

Меня в пустынной бросили глуши,
Где человечьей не было души.

Когда прошли две ночи и два дня,
Ходжа, что звал дитятею меня,

Но продал, потеряв со мною связь,
Затосковал, продажи устыдясь.

Он против горя устоять не мог,
С разлукой споря, устоять не мог,

Китай покинув, он пустился в путь,
Чтоб снова на дитя свое взглянуть.

Его дорога вдоль пустыни шла,
Над нею ночь сгущалась, как смола,

Когда, в двух переходах от меня,
Приемный мой отец погнал коня,

Шарахнувшись, сошел с дороги конь,
С дороги сбился быстроногий конь.

В сопровождении немногих слуг
Ходжа в пустыне заблудился вдруг,

Но, видно, счастья ночь вела его
В ту сторону, где дочь была его.

Вдруг сон свалил усталого ходжу:
Когда б он знал, что близко я лежу!

Он спешился и на траве заснул.
Когда в глаза ему рассвет блеснул,

Широкий путь увидел рядом он.
Случайно степь окинул взглядом он.

В степи чернело что-то в ста шагах,
Лежало тело чье-то в ста шагах.

То человек? Зачем же он в ярме?
Откуда он? В своем ли он уме?

Тут любопытство увлекло ходжу.
Сказал: «Давай-ка сам я погляжу».

Увидел: женщину песок занес,
Она — в аркане собственных волос,

Она бессильна, а кругом — песок,
Вонзился в тело каждый волосок.

Она жива? Или уже мертва?
Ее от пут освободив едва,

Он понял: брови и глаза — мои,
И стан и длинная коса — мои,

На подбородке впадина — моя,
Но кем душа украдена моя?

Зачем кровинки нет в моем лице?
Такую боль я вызвала в отце,

Так был он этой встречей потрясен,
Что вопрошал себя: то явь иль сон?

Не понимал он — трезв он или пьян,
Но вот пришел в пустыню караван.

Направился к нему один из слуг,
Привел моих служанок и подруг.

Узнав меня,— в петле, в песке, в пыли,—
Протяжный плач подруги завели,

Рыдая, лица раздирали в кровь,
Одежды рвали и рыдали вновь.

Ходжа премудрый, пьяный без вина,
В смятении стонал, как дивона [12].

Увидев солнца моего закат,
Не мог понять он, жалостью объят:

Кто в прах меня втоптал? Какое зло?
Как солнце ясных дней моих зашло?

Омыв меня чистейшей влагой глаз,
Как в саван, завернув меня в атлас,

Он амброй пропитал его густой,
И камфарой, и розовой водой.

Припали женщины к моим ногам
И растирали их, прижав к щекам.

Дошла ко мне как бы спросонья весть,
Почуяла я благовонья весть,

Услышала я нежные слова,
Глаза открыла я, полужива,

Кого же я увидела вокруг?
Друзей печальных, плачущих подруг!

Сказала я: «Стоять не надо здесь,
Долина гибельного ада здесь,

Уйдем скорее, говорю я вам».
Ходжа тотчас же внял моим словам.

Нестройные заплакали звонки,
Пустыни мы оставили пески,

Покой в носилках вновь я обрела,
Все признаки здоровья обрела.

Вдыхала амбру я, пила шербет [13],—
Избавилась от пережитых бед.

Родник на третьи сутки засверкал.
У родника мы сделали привал.

Велел ходжа разбить у чистых вод
Шатер нарядный, шелковый намет.

Я на высоком ложе улеглась,
Пришел ходжа послушать мой рассказ.

И явным стал рассказ мой для отца,—
От самого начала до конца.

Когда меня он выслушал, на миг
Он старой головой своей поник.

Поняв мою жестокую судьбу,
Вознес он вседержителю мольбу,

Который дочь его от смерти спас.
«В чем благо,— он спросил,— теперь для на

А я: «Меня прогнал в пустыню шах,
Свой гнев обрушил на рабыню шах,

И путами я связана была,
Но мало я наказана была.

Я спасена по милости творца.
Скажи: кто убивает мертвеца?

Вернуться в шахский я должна чертог,
Своим лицом коснуться шахских ног!

Увы, прощенья нет моей вине,
Была достойна смерти я вполне,

Но если бог мне дал вторую жизнь,
Я шаху вновь свою дарую жизнь.

Меня ведет к нему жестокий стыд.
Пусть вновь меня накажет иль простит.

Я — грешница, но шах — защита мне,
К прощению тропа открыта мне.

Моя гордыня — враг заклятый мой,
Его величие — ходатай мой.

Раскаянье прочтя в моих очах,
Помилует меня высокий шах».

Так я сказала. Но вскричал ходжа,
От страшного волнения дрожа:

«Опомнись! Что рекут твои уста?
Иль трапезою жизни ты сыта?

Как можно к шаху возвратиться вновь,
Когда он щедро проливает кровь

За слово, сказанное невпопад?
В своем ли ты уме? Тебя казнят!

Огню подобен шах. Его не тронь:
Коснешься — обожжет тебя огонь.

Он пламя гнева широко простер.
Кто добровольно всходит на костер?

Поглубже скроем от него следы:
От шаха дальше — дальше от беды.

А если шах в отчаянье придет,
Свою вину в раскаянье поймет,—

Молва о том, что гнев его погас,
Докатится, бесспорно, и до нас,

Тогда легко дорогу мы найдем,
К раскаявшемуся вернемся в дом.

Пока же он упорствует во зле,
Спасение найдем в чужой земле».

Ходжа замолк. Совет его благой
Одобрили хороший и плохой.

Найти приют решил наш караван
В какой-нибудь из чужедальних стран.

Поскольку был от нас далек Хорезм,
То взоры всех людей привлек Хорезм.

С любимым я рассталась навсегда,
От жизни отказалась навсегда.

К чему мне утешения слова?
Разлука — это смерть, и я мертва.

Мертвец в сырой могиле равен мне,
Вот почему подходит саван мне.

Я саваном теперь облачена:
С возлюбленным своим разлучена.

Друзья считали, что предупредят
Больного тела моего распад,

И сыпали на саван камфару:
Мой саван стал подобен серебру.

Достигли мы Хорезма наконец,
В Хорезме водворился мой отец...

Далек ты мне иль близок, но поверь,
Что знаешь ты всю жизнь мою теперь.

Был здешний шах из-за меня в тоске,
Но шаху отказала я в руке.

Не прихоть сердца — ты теперь поймешь —
Была моя спасительная ложь:

Причина у меня одна была,—
Возлюбленному я верна была!»

Когда я грустный выслушал рассказ,
Простился я с красавицей тотчас.

С тех пор брожу из царства в царство я,
С тех пор терплю судьбы коварство я.

Царя не одного я посетил,
Но в тайну никого не посвятил,

Пока не встретил с лаской ты меня,
Сказав: «Порадуй сказкой ты меня».

Придумать лучшей сказки я не мог.
К тому ж камфарноцветный твой чертог

Напомнил ту, кто плачет и скорбит,
Кто — жертва незаслуженных обид,

Кто гаснет в белом саване своем,
Разлучена с возлюбленным царем,

Кто саван осыпает камфарой,
Кто мир пленяет дивною игрой,

Являя людям волшебство свое,
Кому подходит лишь одно жилье,

О шах,— Камфарноцветный твой дворец!»
На этом сказки наступил конец.

То оживал, то умирал Бахрам,
Пока внимал сказителя словам,

В глазах то мрачно было, то светло:
Известье об исчезнувшей пришло!

Терзаясь, и пылая, и скорбя,
От крика он удерживал себя,

Боясь: поймет рассказчик этот крик,
И свой рассказ прервет он в тот же миг:

Тогда от боли задохнется шах,
К сознанью боле не вернется шах...

Но вот закончил странник свой рассказ,
И вопль Бахрама весь дворец потряс.

Призвал к себе сказителя Бахрам,
И волю дал он радостным слезам,

И вестника прижал к груди своей!
Покинул шаха жизни соловей,

Сознание покинуло его,
Казалось, жизнь отринула его...

Как воду жизни, странник весть принес,
Но превратилась весть в источник слез.

Что сделает, придя в сознанье вновь,
Тот, чье сознанье унесла любовь?

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДИЛАРАМ К БАХРАМУ

Когда в ту ночь услышал шах слова
О том, что луноликая жива,

Он до утра не мог прийти в себя,
Сознание внезапно погубя.

В незримом он пылании страдал,
Как жертва при заклании страдал,

То падал, то вставал, чтоб вновь упасть,
Влюбленного обугливала страсть;

Когда ж нетерпеливая любовь
Ему рассудок возвращала вновь,

Приказывал он путнику тотчас
Чудоподобный повторить рассказ.

Он был печален, как ночная тень,
Пока не рассмеялся ясный день.

Дыханье утра обожгло простор,
Оно раздуло солнечный костер,

И, благодарный солнечным лучам,
Возжаждал шах сближенья с Диларам:

Украсила красавица Хорезм,—
Теперь он сам отправится в Хорезм,

Направит он в ту сторону стопы!
Но государства мудрые столпы

Сказали: «Шах! Ты потерял покой,
Недуг разлуки овладел тобой,

Хотя болезнь губительна весьма,—
Дорога утомительна весьма.

Страшна любовь — владычица твоя,
И слабость увеличится твоя.

Подумай о своей державе, шах:
Столицу покидать не вправе шах!»

За ними вслед, усердием горя,
Врачи старались убедить царя:

«Внемли нам, царь, и милость нам яви.
В тебе видны все признаки любви,

Но вспомни признаки горы: покой,
Степенное величье, связь с землей.

Гора всегда недвижна и тверда,
Лишь двинется в день страшного суда.

Пребудь горой степенной, шах Бахрам,
Не разрушай вселенной, шах Бахрам!

Расстанешься ты с давнею тоской,
Но в ожиданье сердце успокой».

Их выслушав, Бахрам в конце концов
Назначил добродетельных гонцов,

Подобных ангелам по чистоте,
Соперников небес по быстроте.

Велел он два послания вручить,
Страницы покаяния вручить:

Письмо к ходже — моления полно,
Письмо к луне — смущения полно.

Ходже такие написал слова:
«Дошла до слуха нашего молва,

Что вы в Хорезме обрели приют:
Мы разрешенье обрели от пут,

Услышав эту весть. Мы просим вас:
В обратный путь пуститесь к нам тотчас,

В движенье пребывайте день и ночь,
Сон от очей, как мы, гоните прочь».

Красавице писал он кровью слез,
Всего себя он в жертву ей принес:

«С тобою разлучен, я ранен в грудь.
Так отправляйся поскорее в путь!

Я раб, я пленник твой. Приди ко мне,
Не то умру я по твоей вине.

Любимая, как жизнь ко мне приди,
Чтоб сердце билось у меня в груди.

Приди: с тобою встретиться спеша,
Уже летит к тебе моя душа.

Приди: уже струится кровь моя
Тебе навстречу, о любовь моя!

Приди: от мук освободи меня,
Верни мне душу, пощади меня!

Приди, как светоносная заря,
Лети, как пери, в облаках паря,

Разлуки не мечи в меня стрелу:
Хотя убийца я по ремеслу,—

Гляди, покорен я: на шее меч,
Я в саван поспешил себя облечь[1].

Не думай, что к тебе я не пришел —
Любя, благоговея, не пришел —

Из-за излишней гордости своей
Или упрямой твердости своей.

О нет, недугу тела и души
Отсутствие мое ты припиши!

Я без тебя ничтожным стал, как раб.
Увы, я так беспомощен и слаб,

Что воду я не в силах пить: я пью
Не воду, мнится мне, а кровь свою.

Я пленник,— будь мне госпожой: приди!
Я болен телом и душой: приди!

Я мертв,— ты смерть сумеешь побороть,
Ты жизнь вдохнешь в безжизненную плоть.

Приди ко мне, как солнце поутру.
Приди: промедлишь ты — и я умру».

Хорезма шаху он послал приказ:
«Купцу вручи ты деньги и припас,

Потребный для дороги по степи,
В обратный путь купца поторопи».

Как ветер, вестники пустились вскачь,
И, превращая каждый шаг в ягач,

К хорезмскому примчались рубежу,
И, отыскав почтенного ходжу,

Письмо ему, как ветер, принесли.
Он взял его, склонившись до земли,

Но поднялась до солнца голова,
Когда прочел он шахские слова.

Сияя, Диларам письмо прочла,—
Стал ярче солнца свет ее чела.

Хорезма шах призвал к себе ходжу,
Сказал: «Царю я с радостью служу».

Купцу вручил он деньги из казны,
И были сборы все завершены,

И в сторону Бахрамова дворца
Пошел счастливый караван купца.

Без отдыха он двигался вперед,
И вот один остался переход.

Великим нетерпеньем обуян,
Решил Бахрам пуститься на обман.

Едва настала ночь, дворец заснул,—
Он бдительность придворных обманул

И поскакал навстречу Диларам,—
Скажи: навстречу солнечным лучам.

А караван проделал трудный путь,
И странники решили отдохнуть:

Им сон смежил усталые глаза,
Замолкли каравана голоса.

Ко сну склонилась равная заре
В разбитом около ручья шатре:

Желала отдохнуть царица роз.
На берегу чинар[2] высокий рос,

Пещерою казалось в нем дупло,
Его огнями молний обожгло,

Был ствол его глубоко рассечен:
Так душу рассекает страстный стон...

Шах крепко привязал коня к скале,
Сам спрятался в чинаровом дупле.

Внезапно он обрел себя в раю,
В шатре увидев гурию свою.

От глаз ее умчался легкий сон.
Творцу смиренный сотворив поклон,

Дыханием любви опалена,
Волшебный чанг настроила она

И стала петь, к чинару прислонясь,
К возлюбленному сердцем устремясь.

Ее певучий и протяжный стон
Был горестью разлуки напоен.

Вздыхая, пери подошла к ручью,
И там переложила в песнь свою

Она слова Бахрамова письма,
А музыку подобрала сама.

Как льются слезы, песнь ее лилась,
О нет, не слезы,— кровь текла из глаз.

Внимая ей, все замерло вокруг,
Вонзался в сердце шаха каждый звук.

Луна, в любовном пламени сгорев,
Заговорила звонко, нараспев:

«О трудный путь, как долог ты, увы!
О зной! Навис, как полог ты, увы!

Я так слаба, а жар степной горяч,
Увы, мне больше не под силу плач!

Меня смертельно ранила тоска,
Мне кажется, что смерть моя близка.

О небо, нет, не склонно ты к добру!
О низкое, ужели я умру,

Желанного я не увижу дня,
Когда любимый мой призвал меня?

К его ушам слова мои направь,
К его ногам глаза мои доставь,

С любимым близость — вот отрада мне,
А радости другой не надо мне!»

Бахраму в грудь напев ее проник.
Шах разорвал, рыдая, воротник,

Его дыханья огненного жар
Траву обжег и опалил чинар.

В беспамятстве Бахрам упал к ногам
Своей огненноокой Диларам:

Так падает, прижав к груди ладонь,
Огнепоклонник, увидав огонь,

На пери так взирает дивона!
И пери, встречей той поражена,

Упала, онемев, к его ногам.
Смотрите же: лежит без чувств Бахрам,

Он распростерт, она у ног царя,
Он — тень всевышнего, она — заря.

Когда Аллаха тень легла на луг,
Заря спустилась к этой тени вдруг.

Она и он повержены во прах:
Она без чувств, и без сознанья шах.

Смотрите же: тоске пришел конец...
Диковинны дела твои, творец!

Но вот заря расправила крыла,
Двух любящих в беспамятстве нашла,

Открыло утро свой камфарный клад,
Над шахом белый разостлав халат.

Проснувшихся людей объял испуг:
С подругой рядом оказался друг!

Их встречей был обрадован купец:
Слетела птица счастья наконец!

Он от влюбленных отогнал людей,
Велел завесу принести скорей.

Камфарноцветным было полотно:
Как облако камфарное, оно

Чету сокрыло от людей вдали.
Когда в себя влюбленные пришли,

Сказал своей красавице Бахрам...
Но что сказал — того не знаю сам,

Не только человек,— и ветерок
Не смел шатра переступить порог!

Итак, достиг желанного Бахрам.
Примчалась свита по его следам.

Вернулись к шаху сила, счастье, смех,
Веселье шаха оживило всех.

Бахрам вручил купцу вазира власть,
И потерял купец к наживе страсть.

И вот растаял утренний туман,
Отправился в столицу караван.

СМЕРТЬ БАХРАМА

Когда вернулся в город шах Бахрам,
Он вновь предался играм и пирам.

Болезни прежней не страшась угроз,
Он пил вино, вдыхая запах роз,

Все дни недели беспечальный шах
Стал проводить в своих семи дворцах,

Внимать луноподобным, как в раю,
Лаская луноликую свою:

Пусть много есть красавиц для утех,
Одна — любимей и желанней всех.

Дворцы менялись — и менялся цвет...
Так несколько прошло веселых лет.

«Во здравье!» — так он клики возносил,
К небесному владыке возносил.

Но всякому дыханью есть предел.
«Во здравье!» — раз он крикнуть не успел,

И небо, потонувшее во мгле,
Царю могилу вырыло в земле...

Увы, не диво сей короткий век:
Сто поколений царствуй человек,

Владыкою слыви семи чудес,
Под куполом живи семи небес,

Бахрам небес [1] будь часовым его,—
Нельзя назвать вечно-живым его:

И он, увы, уйдет в конце концов,
В могилу не возьмет своих дворцов...

Бахрама завершилось бытие:
Он завершил желание свое.

Когда, веселья окружен людьми,
Он пил вино во всех дворцах, в семи,

Все дни и ночи посвятив пирам,—
Сопутствовала шаху Диларам,

Слова ее звенели для него,—
Все песни, все газели [2] — для него!

Когда в стенах скучал он четырех,
Он для охоты покидал чертог,

А рядом с ним подобная луне
Протяжно пела на лихом коне.

Она дарила жизнь своим лицом,
Она была и кравчим и певцом;

Для пира — украшением была,
Для сердца — утешением была;

Труд и молитву с ней делил Бахрам,
Пир и ловитву с ней делил Бахрам...

Случилось, что устроил царь царей
Широкую облаву на зверей.

Он, мнилось, обложил небесный свод,
Где, как звездам, зверям терялся счет.

Напрасно зверь, чтоб убежать отсель,
Выискивал хоть маленькую щель!

Вот, выгнав дичь на неоглядный луг,
Загонщики образовали круг,—

Со всех сторон на зверя всех родов
Они в пятнадцать двинулись рядов.

Вот круг до трех был сужен ягачей.
Охота сразу стала горячей.

Смешались рев зверей и ловчих клич,
Убитая и раненая дичь.

В цветник тюльпанов превратился луг,
Кровь разлилась потоками вокруг.

Куда ни глянь — полно кровавых луж,
Полно звериных душ — бесплотных душ.

Несутся звери, высунув язык.
Везде — преграда, западня, тупик.

Несутся — тщетный труд: спасенья нет,
Куда ни побегут — спасенья нет:

Их обступают ловчие кругом,
Прямые стрелы падают дождем!

Так без вины погибли существа,—
Душа в любом из них была жива.

Убийцей должен зваться человек:
Он бытие живых существ пресек.

Он, ловчий, жаждой крови обуян:
Недаром и одет он, как тюльпан,

Недаром кровь, куда ни глянет глаз,
Арыками повсюду растеклась,

Широкий луг весь потонул в крови:
Кровопроводом ты его зови!

Кровь потекла, по желобам струясь,
А под землей была вода и грязь.

Земля была болотистой землей.
Ее покрыла пыль, за слоем слой,

Пригрело солнце, дал ей силу дождь,
И вот она травы познала мощь:

Росла в болотной сырости трава,—
Сумела мощно вырасти трава.

Земля ее вспоила изнутри:
Недаром стебли толщиной в кари[3].

Она с землей корнями скреплена,
От корня — и травинок прямизна!

Арыки крови ныне потекли,
Со всех сторон к средине потекли.

Взгляни-ка: вот блестит она, земля,
Но кровью вся пропитана земля,

С болотною водою кровь слилась,
Людей по пояс засосала грязь,

Взгляни-ка: тонут вихри-скакуны,
По щиколотку в грязь погружены.

Спустилось покрывало в этот миг,—
Нет, облако закрыло солнца лик,

И хлынул дождь на человечий скоп,
И вновь всемирный начался потоп!

Все видят: нет пощады их греху,
Вода — внизу, кругом и наверху!

Кругом, внизу и наверху — вода!
Будь даже, как кирпич, земля тверда,

Но если войско, загоняя дичь,
С усердием начнет тереть кирпич,—

Он сотрясется, как бы ни был тверд,
Охотниками в порошок истерт.

А тут еще по облику земли
Арыки жаркой крови потекли!

Становятся они мутней, грязней,
Копытами испуганных коней

Растоптан каждый, в слякоть превращен,
Тут начинает плакать небосклон,

Шумит, как море, гневная вода,
На землю низвергается беда.

Напрасно все бегут и стонут все,
Куда б ни побежали — тонут все!

Творили люди на охоте смерть,
Но сами обрели в болоте смерть.

Когда, облавы суживая круг,
Вся рать Бахрама съехалась на луг,

На землю бремя трудное легло.
Ей стало это бремя тяжело,

Она погнулась — медленно пошли
Сто тысяч седоков ко дну земли.

Тогда вокруг образовался ров,
А влага вырвалась из берегов.

Увидев: поле влагой залито,
Над влагою земля — как решето,

Все поняли: то — мертвая вода,
И все от жизни отреклись тогда.

Погибли и охотники и дичь,
Добыча и захватчики добыч.

Бахраму смерть принес его поход:
Так жертвой стал он собственных охот.

За дичью он велел скакать коню,—
Охота превратилась в западню.

Попали в западню джейран и лев,—
Погибли оба, разом смерть узрев.

Зверь кровожадный и пугливый зверь,—
Нет между ними разницы теперь.

Вот двое ловчих крепко обнялись,
Чтобы спастись, они в одно слились,

Но в миг, когда они слились в одно,
Трясина затянула их на дно.

Напал на всех, как муравейник, страх.
Как муравей, ушел под землю шах.

Его жилье отныне — яма, гур,
Недаром прозвище Бахрама — Гур!..

Сей низкий мир — прожорливый дракон,
И пожирать людей — его закон.

Десятка недостаточно: злодей
Глотает разом тысячи людей.

Принес он гибель многим существам,
Но вот что удивительно: Бахрам,

Великий и могущественный шах,
Повергший всех врагов своих во прах,

Над миром грозно утвердивший власть,
И этот шах попал дракону в пасть,

Исчез он вместе с войском навсегда,
Ни вести не оставил, ни следа.

Сей мир дракон? Нет, хуже во сто крат,—
Там, где дракон, бывает часто клад:

Мы знаем, что чудовище — дракон,
Но бережет сокровище дракон.

А что мы видим в мире? Прах и твердь.
Сокровища здесь нет, здесь только смерть.

Отраду жизни человек постиг,
Но может умереть он каждый миг,

Довольно мига, чтоб дракону в пасть
Не только телу — и душе попасть.

Но нам не хватит многих, долгих лет,
Чтоб избавление найти от бед.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ,

в котором излагается наставление читателям и писцам

Священную познал я благодать:
Я завершил чудесную тетрадь.

Но сколько раз, пока старался я,
Смущался я и колебался я!

Едва страница начата была,—
Внезапно закусило удила

Мое проворноногое перо:
Седок рассказа гнал его хитро.

К благословенной цели я пошел.
Сказал бы: семь ущелий я прошел,

Сказал бы: семь стоянок в тех горах,
Где даже вихрь испытывает страх!

Немало перенес я на пути,
Но все же к цели я сумел дойти.

Тут мной сомненье овладело вновь.
Твердила мне душа: «Не прекословь.

Тот, кто рождает слабый, тусклый стих,
Не видит в нем изъянов никаких.

Стихи для вдохновенного творца —
Что собственные дети для отца,

А для отца — все дети хороши,
Частицы сердца, печени, души!

Уродливым ребенка назовешь,—
На взгляд отца он все-таки пригож!

Отвергнут всеми, дорог он отцу:
Так дорог стих отвергнутый певцу.

Как на свои созданья ни смотри,—
В сих девственницах утренней зари

Ошибки никогда ты не найдешь,
Найдя ее, ошибкой не сочтешь!

Как мне понять достоинства стиха?
Работа — хороша или плоха?

Известность обретут мои труды
Иль даром пропадут мои труды?

Ничто не тяжелее тех трудов,
Которые нам не дают плодов.

Когда нельзя стихом зажечь сердца,—
Бессмысленны все тяготы певца.

Увы, мы скажем о певце таком:
Стремился в храм, попал в питейный дом!

«Но как мне быть? — так я к себе взывал,—
Не надобно мне выспренних похвал,—

Я полагаться не хочу на лесть,
А сам себя судьей не вправе счесть».

Сомненье душу ранило насквозь,
Царапалось в ней что-то и скреблось.

И плакал и вздыхал я тяжело,
Но счастье в келью вдруг ко мне вошло,

Смеясь, сказало: «Что же ты грустишь?
Ты яхонты и жемчуга даришь,

Зачем же литься ты даешь слезам,
Подобным яхонтам и жемчугам?

Ты мне откроешь ли причину слез?»
Когда я счастья услыхал вопрос,

Светлее показалась келья мне,
Жить захотелось для веселья мне,

Во всем открыться разом я решил,
И сердце я рассказом облегчил.

Сказало счастье: «Мой сердечный друг,
Народа жемчуг и знаток наук!

Тревогой ты напрасно обуян.
Боишься, что в стихах найдут изъян?

Оставь кручину, сердце успокой,
Знай, что изъян — несовместим с тобой!

Кто мерным блюдом назовет луну?
Поверят ли такому болтуну?

Пернатые летают существа,
Но разве все незрячи, как сова?

Когда увидят змеи изумруд,
Они ослепнут,— может быть, умрут,

Но тот же изумруд неоценим:
Он возвращает зрение слепым.

Вот запах розового цветника:
Он — язва для навозного жука,

Но посмотри-ка: тот же запах роз
Больному облегчение принес.

Творенья твоего звезда взошла,—
Что для нее ничтожества хула?

Пусть онемеет у того язык,
Кто постоянно порицать привык!..

Так о невежде говорит народ:
«Собака лает — караван идет!»

Пусть брань тебя не трогает ничуть.
О горестях своих теперь забудь.

Себя, как видно, ты не знаешь сам,
Не знаешь ты цены своим стихам.

Мысль твоего творенья глубока.
Зачем шумишь, бурлишь ты, как река?

Как море, будь безмолвен, величав!»
Такую речь нежданно услыхав,

Забыть былое горе я сумел,
Спокойным стать, как море, я сумел.

Когда-то бурно пенилось оно,
Жемчужин изумительных полно.

О, как они светились изнутри,
Играя блеском влаги и зари!

Жемчужинами нагружал я челн,
Вылавливал я их из пенных волн,

Нанизывал я их на нить стихов,
Но тайной скорби голос был таков:

Постигнут ли читатели мой стих
Так, как я сам его красу постиг?

Теперь ко мне пришло веселье вновь,
И осмотрел я ожерелье вновь,

И каждая жемчужина зажглась,
И увидал взыскательный мой глаз:

Хотя стихи нанизаны на нить,
Кой-где порядок надо изменить.

Пусть хороши жемчужины мои,—
Изъяны обнаружены мои.

Тогда стихи в порядок я привел,
Где нужно, перемены произвел,

Там — стих убавил, здесь — прибавил я,
Там — заменил, а здесь — поправил я,

Так стройности желанной я достиг,
И вот пришел к концу мой черновик.

Когда читатель, развернув тетрадь,
Начнет мои сказания читать,

И если, прелесть в них найдя сперва,
Захочет вдуматься в мои слова,

И если их с охотою прочтет
И только долю сотую поймет,—

То, если он умом и сердцем чист,
Одобрит он, похвалит каждый лист..,

А тот, чье сердце грязно, темен ум,
Кто так далек от справедливых дум,

Что назовет стекляшкою сапфир,—
О правый боже, пусть вкусит он мир,

Ты ум его и сердце просвети,
Направь его по доброму пути...

Писец! В тебе я друга обрету,
Когда перу придашь ты остроту.

Я написал, а ты перепиши,
Пускай все буквы будут хороши,

Смотри не ошибись и невзначай
Расположенья точек не меняй [1].

За песней песню поведи пером,
Людьми помянут будешь ты добром.

Пусть будет труд отрадою твоей,
Достойною наградою твоей.

А если по небрежности, писец,
Ты спутаешь начало и конец,

А если из-за денег вступишь в спор,
Пусть ляжет вечный на тебя позор,

В твой черный глаз, колюче и остро,
Пусть, как в чернильницу, войдет перо,

Пусть будет черным, как письмо, твой лик
И, как перо, расщеплен твой язык!..

Я выбрал эту книгу среди книг,
В ней, как в стране, я семь дворцов воздвиг,

Семь гурий поселил в семи дворцах,
Любуясь ими, веселился шах,

Семь сказок он узнал семи земель —
Моих стихов единственную цель.

Я дал названье книге: «Семь планет»,—
Пускай она теперь увидит свет.

Своих стихов я произвел подсчет:
Пять тысяч бейтов[2] я повел в поход.

На них четыре месяца ушло,—
Вот дней труда примерное число.

Когда б своим я временем владел,
Когда б свободен был от прочих дел,

Своих стихов я завершил бы цель
На протяженье четырех недель.

Докучных дел обилие мое,
Из-за тебя бессилие мое!

Не потому ли я страдал и чах,
Что проходили дни в пустых речах,

В той смене лживых и правдивых слов,
От коих я давно бежать готов?

Я днем и ночью потерял покой,
И кажется мне ночь сплошной тоской,

Волнением дневным я утомлен,
Обилием людей ошеломлен.

Питание моей души — тоска,
И пища сердца моего горька.

Хотя меня обидел злобный рок,
Я книгу написал в короткий срок.

Быть может, стих мой вышел нехорош,
Но и плохим его не назовешь.

Сравнюсь ли я с великими людьми?
Индус Хосров, гянджинец Низами

(Ошибки их да зачеркнет Аллах!)
Не помышляли о других делах,

Помимо говорения стихов[3],
Высокого творения стихов.

А я писал среди трудов и мук
Досугу их не равен мой досуг.

Когда б моя звезда была светла,
Не молкла бы моим стихам хвала,

Пером я столько создал бы чудес,
Что даже своды светлые небес

Листами б нареклись моих стихов!
В такой короткий срок среди трудов,

Среди трудов в такой короткий срок
Я все же создал много тонких строк,

В короткий срок я нанизал стихи,—
Простительны моих стихов грехи...

Ну, Навои, пора кончать. Пойдем,—
Ты вправду оказался болтуном!

Мой труд! Начни в родной стране свой путь,
Народу моему желанным будь,

Чтобы могла сердца людей зажечь
Моя правдовзыскующая речь.

Да будут явны месяц, день и год
Сей книги завершенья: восемьсот

И восемьдесят девять, джумада
Вторая, пятница...[4] Конец труда!

Иди, мое творение, в народ,
Пусть он в тебе святыню обретет,

Да будут всем стихи мои нужны,
Да будут с ними семь небес дружны,

Да будет их друзьями полон свет,
А покупателями — семь планет.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Тогда-то и возникло слово «бысть»...*— Навои излагает здесь мусульманскую легенду о сотворении мира. По ней, Аллах сказал «будь» — и появились «небеса и земля»; небес было семь, поставленных «одно над другим сводами». Это примитивное и антинаучное представление содержится в коране — книге, составленной в Аравии в VII веке н. э. и почитаемой в исламе как священная.

[2] *Месневи* (буквально «сдвоенная») — одна из наиболее распространенных в эпической поэзии Узбекистана и вообще Ближнего и Среднего Востока стихотворных форм, когда произведение состоит из двустиший (бейтов), строки которых попарно рифмуются между собой.

[3] *Човган* — имеется в виду клюшка, которой игрок гонит мяч в одноименной игре на лошадях.

[4] *Угнал на этом состязанье шар...*— то есть одержал победу. Как видно из дальнейшего, Навои имеет в виду великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви (1141—1203), создателя первой «Пятерицы» («Хамсе»). Развалины Гянджи — родина Низами — находятся близ современного Кировабада, областного центра Азербайджанской ССР.

[5] ...Что воду жизни Хызру принесло.— Хызр — сказочное существо, почитаемое в исламе в качестве пророка, в религиозных сказаниях выступает как защитник путников. Испивший живой воды из подземного источника, он якобы был наделен бессмертием.

[6] *Второй Карун* — Карун (библейский Корей) — сказочный богач.

[7] *Хосров* — имеется в виду знаменитый поэт Эмир Хосров из Дели (Индия), живший в 1253—1325 годах и создавший вслед за Низами свою «Пятерицу» (иначе «Пять сокровищ» — «Пяндж гяндж»).

[8] *Нет, саламандрой ты его зови!* — Сравнение, вероятно, связано с поверием, по которому саламандра отождествлялась со стихией огня, его «духом».

[9] *Прежний зодчий* — то есть Низами, написавший свою «Пятерицу» до Эмира Хосрова.

Иремских роз красу...— Ирем — сказочный сад, подобие рая, созданный людьми и духами на земле для мифического тирана Шеддада. По легенде, однако, Шеддад не смог войти в Ирем, так как был уничтожен разгневавшимся Аллахом. «Иремские розы», то есть сказочно красивые розы.

[10] *Ашраф* — поэт первой половины XV века, живший в Герате. Из созданных им произведений до нас дошла поэма «Семь престолов», или, иначе, «Большая Медведица» («Хафт Авранг»), то есть, как видно уже из ее названия, своего рода поэтический ответ на четвертую поэму «Пятерицы» Низами — «Семь красавиц».

[11] *Рум* — здесь в противопоставление Индостану (Индии) — страны Запада.

[12] *Друг против друга на доске стоят и белых крепкий ряд и черных ряд.*— Здесь и ниже Навои прибегает к шахматной терминологии. Игра в шахматы была распространена на средневековом Востоке.

[13] *Бессильный, обретет он талисман, всесильным станет он, как Сулейман...*— Навои имеет в виду легенду, по которой почитаемый в исламе как пророк Сулейман (царь Соломон) защитил комара, искавшего у него покровительства.

[14] *Вращались непрестанно купола, у всех окраска разная была...* — то есть семь планет, движущихся по небосклону, каждой из которых, по средневековым представлениям, был присущ свой цвет. Имеются в виду последовательно планеты Сатурн, Марс, Меркурий, Луна, Юпитер, Венера. На четвертом месте, в числе планет, Солнце.

[15] *...Четвертой книги пробила пора.*— Навои имеет в виду «Семь планет» — четвертую книгу его «Пятерицы».

[16] *«Семь красавиц»* — четвертая поэма «Пятерицы» Низами.

[17] *...Явил нам «Восемь райских цветников».*— «Восемь райских цветников», или «Восемь раев» («Хешт бехишт») — название четвертой книги «Пятерицы» Эмира Хосрова.

[18] *Но я ошибки нахожу у них.*— Здесь и ниже Навои, исходя из реалистического понимания сюжета, критикует поэмы своих предшественников — Низами и Эмира Хосрова (см. предисловие).

[19] *Вот сын Азара, Ибрагим святой...*— Ибрагим — библейский Авраам, культ которого существует и в исламе.

[20] *Отец Бахрама, Ездигерд...*— Ездигерд (Иездигерд) — государь древнего Ирана из династии Сасанидов (399—420 гг. н. э.), получивший прозвище Грешник. Сын его — шах Варахран V — правил в 420—438 годах. Бахрам (Бахрам-Гур) в восточных хрониках и легендах отождествляется с Варахраном, сыном Ездигерда.

[21] *Сухейль* — Канопус, звезда первой величины в созвездии Киля. По поверью, Сухейль приносит счастье. Здесь и ниже Навои кратко передает легенду, идеализирующую правление Бахрама.

[22] *Мускус* — ароматическое вещество (мускон), выделение желез кабарги или козули.

[23] *Сердолик* — драгоценный камень красного или оранжевого цвета.

[24] *Нуман, Мунзир* — отец и сын — государи юго-западной Аравии (Йемен), при дворе которых получил воспитание Бахрам.

[25] *Мухаммед* (Магомет) — легендарный пророк ислама; по преданию, совмещал светскую и духовную власть в Аравии.

[26] *Хаварнак* — дворец; по преданию, был построен для Бахрама (руины Хаварнака сохранились).

[27] *Руд* — струнный музыкальный инструмент.

[28] *Хакан* — титул правителя у древних тюркских племен. У Навои обычно имеется в виду государь Китая (по-видимому, Западного Китая).

[29] *Семь частей земли...*— то есть всю обитаемую землю. По древним и средневековым представлениям, вся обитаемая земля состоит из семи поясов или «климатов».

СКАЗАНИЕ О БАХРАМЕ И ДИЛАРАМ

[1] *Хакан и кесарь, весь Китай и Рум...*— то есть правители стран Востока (хакан — Китай) и Запада (кесарь — Рум).

[2] *...от Рыбы до Луны...*— По распространенному средневековому представлению, земля покоится на гигантской рыбе, луна же — обитательница небесной сферы. Таким образом, выражение «от Рыбы до

Луны» значит — повсеместно. В оригинале здесь же еще и игра слов: рыба — махи, луна — мах.

[3] *...Будь это раджа иль хакан...*— то есть хотя бы это был правитель Индии (раджа) или Китая (хакан).

[4] *...Звенел ребаб... шипел кебаб...*— Ребаб — струнный музыкальный инструмент. Кебаб — мясо, жареное на вертеле, шашлык.

[5] *Мани* — легендарный основатель религии манихеев, по преданию, казненный в 244 году н. э. У мусульман Мани широко известен как художник. Скорее всего это связано с тем, что храмы манихеев украшались живописью, возможно, иллюстрировались художественными миниатюрами и их книги. Манихейство в течение ряда веков было распространено как в Римской империи, так и особенно на Ближнем и Среднем Востоке, до пределов Китая и Северной Индии.

[6] *Туман* — золотая монета.

[7] *Чанг* — музыкальный инструмент, род цитры.

[8] *...Алоэ и сандал.*— Алоэ — дерево, древесина которого, красного цвета, употребляемая и в столярном деле, отличается ароматичностью. Сандал — дерево с твердой и тяжелой древесиной, также известное своими ароматическими свойствами.

[9] *Зухре* — планета Венера; по средневековым представлениям восточных народов — небесная музыкантша и покровительница музыки.

[10] *Зухре — одна, а сколько Муштари!* — Муштари — Юпитер, также имеет значение: покупатель.

[11] *Пери* — фея, ангел, красавица.

[12] *Даст мускус нам джейрана железа: две капли мускуса — ее глаза.*— Ароматическое вещество мускус, как мы уже отмечали, получается из желез кабарги или козули (здесь — джейрана); оно отличается черным цветом; поэтому с каплями его и сравниваются глаза красавицы.

[13] *...Успокоенье сердца, Диларам.*— Имя «Диларам» буквально значит «покой сердца».

[14] *Газель* — животное из группы антилоп, отличающееся стройностью и быстротой бега.

[15] *...Фархад не разыскал свою Ширин!* — Образы влюбленных, героев поэмы Навои «Фархад и Ширин».

[16] *Див* — бес, демон.

[17] Это место подчеркивает всю условность образа древнего шаха Бахрама, как он изображен Навои. Во времена исторического Бахрама (Варахрана V) ислама еще не существовало, не было, следовательно, и мусульман.

[18] *...И выщипанной в горе бородой.*— В знак горя и отчаяния на Востоке вырывали или выщипывали себе волосы.

[19] *Дирхем* — серебряная монета.

[20] *Старались джинна криками прогнать.*— Джинн — злобный дух. По поверью, его можно вспугнуть и прогнать шумом, криками.

[21] *Астролябия* — прибор, служивший для определения движения небесных светил, а также, в средние века, для «предсказания судьбы» и т. п. антинаучных «исчислений».

СУББОТА

Бахрам в Черном дворце

[1] *Камфара* — прозрачное, сильно пахнущее кристаллическое вещество, добываемое из камфарного дерева (теперь добывается также синтетическим путем из скипидара). Употребляется в медицине и технике.

[2] *Воссел потомок Джема на престол* — то есть государь древнего Ирана, потомок мифического шаха Джема (Джемшида).

[3] *Амбра* — ароматическое вещество серого цвета, применяемое в парфюмерии.

[4] *Кашмир* — государство на северо-западе Индии.

[5] *Серендиб* — древнее название острова Цейлон и его столицы.

[6] *...Каабой делал он Ерусалим.*— Кааба (Ка'ба, Каба) — почитаемый в исламе храм в Мекке, к которому совершается паломничество. Из политических соображений отдельными властителями стран распространения ислама в разное время делались попытки замены паломничества к Кабе посещением некоторых других мест, также выдававшихся за «святые». Так, уже в VII веке была сделана попытка замены паломничества в Мекку посещением храма ас-Сахра в Иерусалиме. Возможно, что исторические воспоминания о подобных фактах оказали известное влияние и на созданный здесь Навои сказочный сюжет.

[7] *Халеб* — Алеппо, город в Сирии.

[8] *Таваф* — ритуальное хождение вокруг Кабы во время паломничества.

[9] *Палас* — легкий ковер без ворса.

[10] *Навшад* — легендарный город, жители которого якобы отличались красотой.

[11] *Шах стал Мусой, Харуном стал Ахи* — то есть они стали как бы братьями, как Муса (Моисей) и его брат Харун (Аарон).

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Бахрам в Золотом дворце

[1] *Джемшид* — мифический царь древнего Ирана, сокращенно Джем (см. выше).

[2] *...Умельца Зейд-Заххабом нарекли* — то есть дали ему прозвание, значащее «Зейд-ювелир».

[3] *Батман* — мера веса, постоянного размера не имела (колебалась от 2,5 до 209 кг).

[4] *Хума* — сказочная вещая птица, феникс. Тому, на кого ложилась тень ее крыльев, по поверью, она приносила счастье.

[5] *Франки* — европейцы, жители стран Запада.

[6] *Кустантыния* — Константинополь.

[7] *...А утром властелин его — Сомнат, на людях — он поклонник верный Лат.*— Для характеристики «язычества» (хотя изображается храм в Константинополе, то есть христианство) Навои использует имена названных в коране древнеарабских богинь Лат и Менат (см. ниже), а также индийский город Сомнат, один из центров местного культа бога Луны. Описание Сомната с разоблачением проделок жрецов в его храме составляет особую главу книги «Плодовый сад» («Бустан») знаменитого поэта Саади из Шираза (Иран, 1184—1291). Как можно видеть из рассказанной Навои истории Зейда, ее автор был хорошо знаком с «Бустаном» и с содержащимся в нем описанием путешествия Саади в Сомнат и его бегства оттуда.

[8] *Бендж* — наркотик из индийской конопли, иначе — бенг.

[9] *Рыбы, Скорпион* — созвездия.

[10] *Шафран, мы знаем, вызывает смех.*— Согласно учению средневековых восточных медиков, снадобье из шафрана вызывает неудержимый смех.

[11] *Недим* — приближенный государя.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Бахрам в Зеленом дворце

[1] *...Шахрисабз и Кеш.*— Шахрисабз — город в Узбекистане, к югу от Самарканда, имевший большое торговое и стратегическое значение, до XIV века называвшийся «Кеш». Буквально «Шах рисабз» значит «Зеленый город»: с этим связана игра слов, к которой прибегает Навои несколько ниже.

[2] *Брахманы* — священнослужители брахманизма — религии, рас-

пространенной преимущественно в Индии. Здесь названы в качестве «языческих» жрецов.

[3] *Айван* — своего рода широкий портик или балкон перед входом, обычно поддерживаемый колоннадой. Здесь — ниша с углублением.

[4] *Файлакус* — имя изображенного здесь волшебника-старца, вероятно, в измененном виде передает греческое «Филиппос» и связано с преданием, идеализировавшим царя Македонии Филиппа II, отца Александра Македонского (правил в 359—336 годах до н. э.).

[5] *Ты — соименник счастья.*— Игра слов: имя «Саад» означает «счастье».

[6] *Лукман* — мусульманский пророк; по легенде, являлся также мудрецом и медиком.

[7] *Джамасп-намэ* — книга, приписываемая мифическому персидскому мудрецу и астрологу Джамаспу, в которой он будто бы предсказал будущее.

[8] *Сурьма для солнца — след ее ноги...*— сравнение с сурьмой — одно из традиционных для восточной литературы. При этом имеется в виду свойство сурьмы придавать глазам яркость, выразительность.

[9] *Старуха неба* — то есть небесный свод. Считая его изогнутым, как купол, небесный свод сравнивали с горбатой старухой в синих одеждах.

[10] *Глядела пери на Сатурна цвет* — имеется в виду, что она глядела на стража-негра Катрана (по средневековым представлениям, Сатурну посвящен черный цвет, и он несет бедствия, горе, болезни).

[11] *Вазир* (иначе — визирь) — министр.

[12] *...Зеленый шелк носил, как базилик.*— Базилик (иначе — рейхан) — нежная шелковистая травка с душистым запахом.

[13] *Их ослепит зеленый изумруд.*— По поверью, змея, взглянувшая на изумруд, слепнет, а сам он от этого расплавляется, тает.

ВТОРНИК

Бахрам в Красном дворце

[1] *Аргаван* — козловое, или иудино дерево. В определенное время года аргаван теряет кору, и оголенный ствол его приобретает ярко-красный цвет.

[2] *Дехли* — Дели, столица Индии.

[3] *Лак* — сто тысяч.

[4] *Тараз* (иначе — Талас) — название реки и города, руины которого, как предполагают, находятся близ города Джамбула в Казах-

ской ССР. Отнесение Тараза к Индии показывает условность географических названий, принятых Навои в этой поэме.

[5] *Каусар* (иначе — кевсер) — сказочный источник, протекающий в раю. Другой сказочный райский ручей назван в поэме ниже — Сельсебиль.

[6] *Хатем* (Хатем Тай) — легендарный герой восточных сказаний, богач, отличавшийся необычайной щедростью.

[7] *Ягач* — мера длины, около 7 км. Иногда удвоенное расстояние, на которое может быть услышан человеческий голос, крик.

[8] *Шебдиз* (буквально — «ночецветный») — легендарный вороной конь, принадлежавший сасанидскому государю Хосрову Парвизу, герою поэм Низами «Хосров и Ширин» и Навои «Фархад и Ширин».

[9] *Гульгун* — название сказочного скакуна, буквально — розовоцветный.

[10] *Мрак-индус.*— По средневековым представлениям, индийский цвет — черный, покровитель Индии — Сатурн (см. выше).

[11] То, что здесь море оказалось близ Дехли,— опять условность.

[12] *Тамбуль* — душистые листья, *манго* — тропические плоды.

[13] *Най* — род флейты.

СРЕДА
Бахрам в Голубом дворце

[1] *Ненюфар* — голубой цветок, род водяной лилии.

[2] *Индиго* — синяя краска.

[3] *Лотос* — водяное растение из семейства кувшинковых с красивыми крупными цветами.

[4] *Аден* — город и порт на юго-западе Аравийского полуострова.

[5] *Михр* (мехр) означает солнце, а также любовь.

[6] *Финифть* — эмаль для накладывания узора на фарфор, а также для покрытия металлических изделий.

[7] *Сухейль* — то есть «счастливый» (от названия звезды Сухейль, по представлениям астрологов, приносящей счастье) (см. выше).

[8] *Несчастлив тот, кто в ненюфар одет.*— Считалось, что синий (или голубой) цвет — траурный.

[9] *Азраил* — ангел смерти.

[10] *Калам* — тростниковое перо.

[11] *Марал* — крупный олень с большими ветвистыми рогами.

[12] *Рустем* (Рустам) — легендарный богатырь, защитник своей родины, герой многих произведений литератур народов Востока.

ЧЕТВЕРГ

Бахрам в Сандаловом дворце

1 *...желтевший, как сандал.*— Имеется в виду сандал как краситель желтого цвета. Получается из сандалового дерева (см. выше), а также из кампеша, фернамбука и других древесных пород.

2 Сандаловое дерево содержит эфирные масла и в растертом виде использовалось восточными медиками как средство от головной боли.

3 *Мукбиль* — «удачливый»; противостоящий ему Мудбир — «неудачник».

4 *В нем праха нет, воды и глины нет* — то есть он не содержит в себе того, из чего, по антинаучному мусульманскому представлению, Аллах создал человека.

5 *Ходжа* — духовное лицо, ведущее свой род от трех первых арабских государей — халифов. Пользуясь рядом привилегий, ходжи иногда захватывали и политическую власть, являлись крупными феодалами.

6 *Когда ночной был вырублен эбен, когда сандал расцвел ему взамен...*— Имеется в виду постепенное уничтожение ночной тьмы (вырубка черного эбенового дерева) с восходом солнца и наступлением дня (желтый цвет сандала).

ПЯТНИЦА

Бахрам в Камфарноцветном дворце

1 *Хорезм* — область в Узбекистане, известная своей самобытной древней культурой.

2 *Саз* — струнный музыкальный инструмент.

3 *...Науку о ритмических кругах.*— Теоретики музыки средневекового Востока изображали формулы музыкальных ритмов в виде чертежей, обычно кругов.

4 *Чигиль* — сказочный город в Восточном Туркестане, женщины которого будто бы отличались особой красотой.

5 *Дастан* — поэма, сказание.

6 *Нух* — мусульманский пророк, соответствующий библейскому Ною; по религиозной сказке, жил несколько столетий.

7 *Афлатун* — древнегреческий философ-идеалист Платон (427—347 годы до н. э.).

8 *Кафур* — камфара.

9 *Шаханшах* — «царь царей» — титул шахов Ирана, в данном случае Бахрама.

[10] *Онагр* — дикий осел, иначе «гур». Отсюда, за пристрастие к охоте на онагров, шаху Бахраму, по преданию, присвоено прозвище «Гур»: Бахрам-Гур. Впрочем, Навои выводит это прозвище от «гур» — могила (см. ниже).

[11] *Я — скверная, ковер мой черным был...* — Этим героиня подчеркивает, что она незнатного происхождения.

[12] *Дивона* — юродивый, бесноватый.

[13] *Шербет* — сладкий напиток из растворенного в воде варенья и сахара.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДИЛАРАМ К БАХРАМУ

[1] *...покорен я: на шее меч, я в саван поспешил себя облечь.* — Являвшийся к властям с повинной в знак покорности облачался в саван, вешал себе на шею меч и посыпал голову пеплом.

[2] *Чинар* (чинара) — лиственное дерево.

СМЕРТЬ БАХРАМА

[1] *Бахрам небес* — планета Марс; по древним и средневековым представлениям, покровитель воинского дела.

[2] *Газели* — здесь имеются в виду лирические стихотворения обычно любовного содержания, исполнявшиеся под аккомпанемент струнного инструмента. В газели не более 12 двустиший с одной рифмой (аа-ба-ва и т. д.).

[3] *Кари* — мера длины, около одного аршина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ,
в котором излагается наставление читателям и писцам

[1] *Смотри не ошибись и невзначай расположенья точек не меняй.* — Навои, требовательно относившийся к себе, как и вообще к труду поэта, призывает к радивому отношению к своей работе и писцов — тех, кто переписывал, размножал литературные произведения. В арабском алфавите, которым тогда пользовались, многие буквы отличаются друг от друга лишь количеством точек, расположенных над строкой или под строкой. Ошибиться было легко. Например, один и

тот же значок, если над ним поставить одну точку, будет означать «н», две точки — «т», одну точку снизу — «б» и так далее.

[2] *Пять тысяч бейтов.*— Бейт — сдвоенная строка, собственно двустишие. Пять тысяч бейтов — десять тысяч строк.

[3] *Не помышляли о других делах, помимо говорения стихов.*— Навои здесь идеализирует условия, в которых создавали свои произведения его предшественники Низами и Эмир Хосров. Эта идеализация вместе с тем подчеркивает те трудные условия, в которых находился Навои, работая над поэмой «Семь планет», как и над другими своими сочинениями.

[4] *...восемьсот и восемьдесят девять, джумада вторая, пятница...*— то есть Навои закончил свою поэму «Семь планет» в пятницу месяца джумада вторая 889 года по мусульманскому лунному календарю (хиджрскому). В переводе на наше летоисчисление эта дата приходится на одну из пятниц с 26 июня по 24 июля 1484 года. Работал Навои над поэмой, как он сам говорит, примерно четыре месяца.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В творчестве Навои, как в увеличительном стекле, нашли отражение те завоевания эпохи Раннего Возрождения, которые были достигнуты в области философии, медицины, астрономии, ботаники, географии и других наук.

Своими учителями в области поэзии Навои называет Фирдоуси, Низами, Хафиза и Джами. Среди зарубежных буржуазных востоковедов бытовало мнение о Навои как переводчике Низами, Хосрова Дехляви, Джами, поэтому его произведения считались мало оригинальными, подражаниями классическим образцам персоязычной литературы. Эта точка зрения встречается и в трудах некоторых русских востоковедов старшего поколения, она — результат поверхностного подхода к творчеству поэта, незнания сути его поэзии.

В своих стихах и во всех поэмах «Хамсы» Навои высоко оценивает немеркнущие произведения Низами, Хосрова и Джами. В поэме «Семь планет» он называет их кудесниками слова, очаровавшими людей своими стихами, переливающимися, как самоцвет. Однако это не значит, что Навои ограничивается восхвалением и повторением

своих предшественников. С одной стороны, «их прелесть придает отвагу» и «пускает в полет» его мечту, с другой — он не может повторять их, слово учителей заменяет своим: «Я изменения должен был внести». Одним словом, Навои вступает в поэтическое состязание с учителями и выходит победителем как поэт-новатор.

Легенда о Бахрам-Гуре и его любовных приключениях еще до Фирдоуси была широко распространена на Востоке. В письменной литературе Фирдоуси впервые (X—XI вв.) в своей знаменитой поэме «Шах-намэ» поведал читателям о шахе Бахраме и его любви к прекрасной музыкантше-рабыне по имени Азада. Но у Фирдоуси эта легенда не была еще самостоятельным произведением. Однако она сразу привлекла внимание поэтов последующих поколений.

Великий азербайджанский поэт Низами (1141—1203), переосмысливая содержание легенды и перерабатывая ее сюжет, создает поэму «Семь красавиц», где основное внимание уделено не рассказу истории царствования Бахрама, а семи изящным новеллам разного содержания. У Низами возлюбленная Бахрама носит имя Фитна. Хосров Дехляви тоже проявил интерес к этой поэме, написав «Восемь раев», вошедших в его «Хамсу». Хосров во многом близок Низами. Он сохранил основной мотив, сюжетную канву «Семи красавиц», изменив лишь имя героини — не Азада, не Фитна, а Диларам.

Приступая к созданию «Семи планет», Навои стремится не к описанию истории правления шаха Бахрама или его увлечений невольницами, он создал поэму, озаренную светом большой человеческой любви и глубокого социального смысла. Внимательно прочитав Низами и Хосрова, Навои находит «опрометчиво сотканные» места их произведения:

Те двое — чародеи, колдуны,
Поэмы их на радость нам даны,
Они чуждались промахов, творя
Сказанья, что сияют, как заря.
Но я ошибки нахожу у них,
Послушаешь — я расскажу о них.

Как становится известно из третьей главы, этих ошибок три: во-первых, в них нет настоящей большой любви; во-вторых, имеются логические противоречия; в-третьих, не стоило бы прославлять как героя непостоянного человека, пьяницу Бахрама.

Как и предыдущие поэмы, вошедшие в «Хамсу», «Семь планет» начинается традиционным восхвалением аллаха и его пророка Мухаммеда. Эти главы сокращены при переводе на русский язык, так

как не связаны с основным замыслом поэмы. Необходимо отметить, что у Навои заголовки всех глав носят пространное название, в них коротко излагается суть данной главы. Например, первая часть вступления названа лаконично «Похвала слову». В оригинале же она звучит так: «Охарактеризовать слова и довести до сведения толкователей слов значение тех, которые им не совсем ясны; рассказать, что слово появилось раньше бытия, доказать, что оно — первое и последнее явление человеческого мира, что мысли-девушки переливаются в занавесе слова, что нагая мысль прячется в углу души». Следующая подглава, посвященная подчеркиванию роли стихотворного искусства, преимуществу поэзии перед прозой, озаглавлена так: «Доказать, что стихотворное слово приятнее прозы, что нанизанное очаровательнее разбросанного; рассказать, что собрать это разбросанное было уделом Низами в пяти сокровищницах и сладкоголосого Индуса; сказать, что слова повиновались им, а я — капля между двух рек и пылинка между солнцем и луной».

До Навои и в его время поэзия занимала доминирующее положение в художественном творчестве. Проза же не успела еще развиться, и на нее смотрели, как на второстепенное дело. Поэтому неудивительно, что Навои специально останавливается на преимуществе поэзии и доказывает, что:

В словесности достигший мастерства,
На два отдела разделил слова:
Рассыпанные — прозой мы зовем,
Нанизанные — нарекли стихом...
Пусть превозносят прозу до небес,—
Поэзии бесспорен перевес.

Хотя Навои перестроил и улучшил «план и архитектурную форму» своей поэмы, но он сохранил те семь «небосводу подобных» дворцов, что были у Низами. Правда, в «Семи планетах» они построены не для семи красавиц, привезенных Бахраму со всех концов земли, а для самого Бахрама, страдающего бессонницей после разлуки с Диларам.

Читатель, ознакомившись с поэмой, легко убеждается в том, что вся прелесть ее заключается именно в тех изумительных новеллах, которые услышал шах из уст семи странников. Сам Навои отмечает: «Немало изящества в этих строках, однако моя единственная цель — семь сказок».

Великолепный рассказчик, Навои каждой из семи новелл дает аллегорический смысл. Каждому дню недели соответствует определен-

ный цвет, в который окрашен и один из дворцов. Дни недели аллегорически связываются с семью планетами, откуда и название поэмы.

Так, в первую ночь, в субботу, шах провел время в черном дворце, одежда людей, все убранство комнат, вся мебель были черного цвета. Приехавший из Индии странник рассказывает Бахраму о грустной и полной тревог истории любви царевича Фарруха, об исключительной благодарности и щедрости Ахи, пережившего много материальных и моральных страданий, тем не менее не потерявшего своего человеческого достоинства.

А вот золотоцветный дворец. В нем шах «в золото от головы до ног» одет, красавица-румийка — «как солнце в небе золотом», «в желтом кубке — желтое вино». А странник, приведенный к шаху, повел дивный рассказ о золотых дел мастере Зейде-Заххабе. Чего только не знал этот умелец! То зодчий, то гранильщик, то медник, то лекарь, он отличался, однако, дерзостью и плутовством. Зейд совершает массу неблаговидных поступков сначала у себя на родине, потом на чужбине благодаря своему уму, находчивости и умению всегда выходить из воды сухим. Если Навои резко осуждает Зейда — вора и лжеца, то явно симпатизирует Зейду — искусному мастеру, знающему разнообразные ремесла, и творцу своей судьбы. Несмотря на фантастичность содержания, данная новелла не лишена реалистических черт. В лице Зейда поэт рисует обобщенный образ представителей городских слоев, призывает к овладению ремеслами, к тому, чтобы человек стал хозяином жизни. С другой стороны, разоблачаются ложь, предательство, обман, двурушничество, зависть, царящие в придворных кругах, которые из года в год все больше и больше давали о себе знать.

Итак, мудрый молодец Саад, убеленный сединой старец-прорицатель, справедливый царь Джуне, прославленный своим гостеприимством юноша Масуд, пират из Адена Джабир, красавица Мехр и ее возлюбленный Сухейль и другие персонажи проходят перед глазами читателя. Каждый рассказ — гимн добродетели и справедливости, восхищения человеческим разумом и его душевной красотой.

Основной рассказ о любви Бахрама к Диларам как бы опоясывает, обрамляет эти чудесные семь новелл. В этом художественное своеобразие поэмы.

В «Семи планетах» нашли отражение общественно-политические взгляды Навои. В ней поэт в связи с описанием царствования Бахрама останавливается на вопросе о государстве и принципах управления страной. Бахрам до поры до времени неплохо правил народом, заботился о нем и помнил о своей миссии. Но так продолжалось

недолго. Когда их место заняли вино, охота и пиршества, в стране стали господствовать разрушение и произвол. Он попрал высочайшее назначение государя, перестал приносить пользу народу. Слабые и беспомощные бедствовали от злодеяний алчных и хищных чиновников. Защищая интересы народа, великий гуманист Навои выносит шаху суровый приговор — Бахрам погибает во время охоты со всей свитой.

Многие картины, красочно написанные поэтом, созвучны с его эпохой и символически отображают исторические события. Как известно, после смерти Тимура (1405 г.), особенно после Шахруха (1447) и Улугбека (1449), увеличиваются междоусобицы среди тимуридов, которые превращаются в притеснителей и тиранов народа. Рассказывая о жалкой судьбе несправедливого шаха, Навои дает урок царям своего времени и призывает их к справедливости. В этом смысле поэма «Семь планет» была самым актуальным и современным произведением.

Эта популярная на Среднем и Ближнем Востоке поэма впервые стала доступна русскому читателю в 1948 г. благодаря переводу известного поэта С. И. Липкина. К 500-летию со дня рождения Навои она была выпущена отдельной книгой Государственным издательством УзССР в г. Ташкенте, затем вошла в состав «Пятерицы», изданной в том же году в Москве. Вслед за этим (1949) Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР выпустило другое издание. Во всех изданиях переводчиком оставался С. И. Липкин.

Тем не менее творческая работа над переводом продолжалась, в чем нетрудно убедиться при сравнении первого и последнего вариантов перевода. В издании 1948 г. чувствуется стремление к буквальной передаче смысла оригинала, что привело к многословию. Поэтому С. И. Липкин в дальнейшем пересмотрел ряд глав с точки зрения лаконичности.

Талантливый поэт и большой ценитель творчества Навои, Семен Израилович Липкин еще раз внимательно просмотрел свой перевод и внес ряд существенных поправок в настоящее издание.

В наше время гениальные произведения Навои звучат не только на узбекском и русском, но и на многих языках народов Советского Союза. Благодаря переводу на русский язык Навои стал доступным и зарубежным читателям.

Махмудали Юнусов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступления к поэме 5
Сказание о Бахраме и Диларам 33
Суббота. Бахрам в Черном дворце 85
Воскресенье. Бахрам в Золотом дворце . . 120
Понедельник. Бахрам в Зеленом дворце . . . 140
Вторник. Бахрам в Красном дворце 172
Среда. Бахрам в Голубом дворце 207
Четверг. Бахрам в Сандаловом дворце 235
Пятница. Бахрам в Камфарноцветном дворце 261
Возвращение Диларам к Бахраму . . . 289
Смерть Бахрама 298
Заключение, в котором излагается наставление читателям и писцам 305
Примечания 315
Послесловие 328

АЛИШЕР НАВОИ

Собрание сочинений в 10 томах

СЕМЬ ПЛАНЕТ, т. VI

Редактор Издательства Л. А. Спичкина
Художественный редактор В. С. Тий
Технический редактор Х. У. Карабаева
Корректор Л. И. Израецкая

Сдано в набор 17/I-1968 г. Подписано к печати 11/IV-1968 г.
Формат 84×108¹/₃₂=5,2 бум. л.— 17,64 + 1 вкл. печ. л. Уч.-изд. л. 13,0.
Изд. № 767. Тираж 50 000. Цена 1 р. 18 к. Заказ № 2395.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Адрес Издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Ex libris